Z 13. 6/271

6/271

3/191

РУСЬ

ВЪ

ПЕРВЫЯ СТО ЛѢТЪ

ОТЪ ПРИБЫТІЯ

РЮРИКА ВЪ НОВГОРОДЪ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
485546 М
2153/1

Древнѣйшій нашъ лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что Русскіе Князья братья прибывшіе къ Новгородцамъ, какъ мы уже упоминали, поселились Рюрикъ, въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ; и потомъ продолжаетъ, что черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ, принявъ всю власть, одинъ владѣлъ Новгородскою страною, и роздалъ своимъ мужамъ города: кому Ростовъ, кому Полоцкъ, кому Бѣлоозеро, кому Муромъ. «По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи; а первіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаша Рюрикъ.»[1] Это извѣстіе Нестора прежде всего свидѣтельствуетъ, что непосредственная власть Рюрика и его братьевъ была разпространена не на всю Новгородскую область: они владѣли только Ладогою, Ростовомъ, Бѣлымъ озеромъ, Муромомъ, Полоцкомъ и Изборскомъ; Новгородъ же собственно, Псковъ, Старая Руса и другіе города и владѣнія Новгородскія, о которыхъ мы упоминали вы-

[1] Полн. соб. Рус. лѣт. Т. I. стр. 9.

191

ше, по сему свидѣтельству не входили въ составъ непосредственныхъ владѣній Рюрика и его братьевъ, въ нихъ правленіе оставалось въ рукахъ Новгородскихъ мужей, князья же пользовались только нѣкоторыми доходами предоставленными отъ народа имъ, какъ верховнымъ властителямъ, отъ имени которыхъ производились судъ и разправа по всей Новгородской землѣ. Князья или ихъ мужи для полученія сихъ доходовъ, и для чиненія суда и разправы ѣздили по симъ областямъ въ опредѣленное время; точно также какъ это дѣлалось въ Скандинавіи, о чемъ мы уже говорили выше, и представили тамъ свидѣтельство изъ саги Гейдрека,[2] и чему еще имѣемъ свидѣтельства въ сагѣ Олава Тригвесона, и въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ. Такъ сага Олава, писанная Оддомъ, говоритъ объ Олавовомъ дядѣ Сигурдѣ, что онъ у Владимира Новгородскаго былъ въ столь великой силѣ, что имѣлъ отъ него большія владѣнія и управлялъ обширною областію, и часто назначался для того, чтобы ѣздить по разнымъ областямъ для отправленія княжескаго суда и сбора княжескихъ доходовъ.»[3] Это свидѣтельство ясно говоритъ за одно съ Несторомъ, что не всѣ Новгородскія области были въ непосредственной власти Князя и его мужей; но что въ иныя области только временно посылались княжіе мужи для отправленія суда и разправы, и для сбора княжескихъ доходовъ сопряженныхъ съ судомъ и разправою. Тоже подтверждаютъ и Новгородскія грамоты, въ которыхъ Князьямъ и ихъ мужамъ прямо назначаются извѣстные города. Такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 года сказано: «на семъ ти, Княже хрестъ цѣловати; на цѣмъ то цѣловали дѣди и отецъ твой Ярославъ. Держати ти Новгородъ по пошлинѣ, какъ держалъ отецъ твой. Грамотъ ти Княже не посужати; а мужа ти безъ вины волости нелишати; а безъ посадника ти, Княже, волостій не раздавати, ни грамотъ даяти. А волостій ти, Княже. Новгородьскыхъ своими мужи недержати, нъ держати мужи Новгородьскыми; а даръ отъ тѣхъ волостій имати. А се волости Новгородьскые: Волокъ со всѣми волостьми. А держати ти свой тіунъ на половинѣ, а Новгородець на половинѣ въ всей волости Волоцьской; а

---

[2] Antiq. Russ. стр. 192.

[3] Sigurdus tantum apud regem valebat, et amplas ab eo possessiones magnam que provinciam administramdam acciperet, et constitueretur, qui causas regias dijudicaret, et vectigalia regia ex multis pagis exigeret. (Antiq. Russ. стр. 417.)

въ Торжку, Княже, держати тивунъ на своей чясти, а Новгородець на своей части. А се волости Новгородьскые: Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости держати мужи Новгородьскыми, а даръ отъ нихъ имати. А на озвадо ти, Княже, ездити лѣтѣ звери гонить, а въ Русу неѣхати; ехати ти въ Русу на третиюю зиму, а въ Ладогу, Княже, ехати на третиее лѣто.... А куды пошло судіи твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровѣ дни.... А дворяномъ твоимъ, Княже, ходити по пошлинѣ, какъ пошло изперва.... А за волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца.» [4] Двойное свидѣтетельство Скандинавскихъ сагъ и Новгородскихъ оффиціальныхъ грамотъ прямо и ясно говоритъ, что въ Новгородскомъ краю, хотя власть княжеская признавалась по всѣмъ владѣніямъ, но непосредственно Князь и его мужи владѣли только нѣкоторыми городами и волостьми, въ другихъ же городахъ и волостяхъ владѣли мужи Новгородскіе, Князь же пользовался съ нихъ только доходами какъ верховный судья, и нѣкоторою условленною данью какъ Государь всей Новгородской земли, которая дань въ грамотѣ даже не названа данью, а даромъ: «а ты волости держати мужи Новгородьскыми, а даръ отъ нихъ имати. Конечно свидѣтельство грамоты относится къ XIII столѣтію, слѣдовательно ровно четырьмя вѣками позднѣе приглашенія Рюрика въ Новгородъ; но это нимало немѣшаетъ намъ пользоваться симъ свидѣтельствомъ, ибо оно вполнѣ согласно и съ извѣстіемъ Нестора и съ Скандинавскими сагами; согласіе грамоты съ Несторомъ простирается до того, что въ томъ и другомъ памятникѣ изключался изъ непосредственной Княжеской власти именно одинъ край; Несторъ въ числѣ областей розданныхъ Рюриковымъ мужамъ не упоминаетъ о Волокѣ, (который, какъ мы видѣли выше, уже принадлежалъ тогда Новгороду [5]) и грамота прямо говоритъ: «а за Волокъ ти своего мужа неслати, слати Новгородьца» Несторъ не упоминаетъ въ томъ же числѣ, ни Перьми, ни Югры ни Печеры, (хотя при самомъ началѣ своей лѣтописи называетъ ихъ уже даньниками Рускими [6]) и грамота говоритъ: «а се волости Новгородьскые: Бежиче, Городець, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости дьржати мужи Новгородьскы-

[4] Собр. Г. Гр. и Дог. Т. I. № 2. и другія.

[5] Времен. кн. VIII. отд. I. стр. 89.

[6] Пол. соб. Р. лѣт. Т. I. стр. 5.

ми.» Это полное согласіе грамоты съ Несторовою лѣтописью даже въ часностяхъ даетъ намъ полное право принимать ее свидѣтельство наровнѣ съ Несторовымъ, хотя оно и позднѣе четырмя вѣками. Притомъ же въ грамотѣ прямо сказано, что условія ея небыли какимъ либо нововведеніемъ но шли изъ глубокой старины, грамота говоритъ: «на семъ ти, княже, хрестъ цѣловати; на цѣмъ ти цѣловали дѣди и отець твой Ярославъ.» Такимъ образомъ Несторъ объясненный сагами и Новгородскими договорными грамотами, въ своемъ сжатомъ и простомъ разсказѣ является до того вѣренъ излагаемому имъ предмету, до того опредѣленъ и полонъ въ своихъ выраженіяхъ, что мы къ его разсказу неможемъ прибавить ни одного слова, не имѣемъ права допустить ни одного дополненія. Слѣдовательно Варяги Русь пришедшіе съ Рюрикомъ и его братьями получили отъ Новгородцовъ именно только тѣ города и волости, о которыхъ упоминаетъ Несторъ, и что сіи города и волости получены Рюрикомъ и его братьями именно отъ Новгородцовъ, а небыли завоеваны Варягами; ибо Несторъ нигдѣ неговоритъ, чтобы Рюрикъ и его братья вели войны съ тѣми племенами, города которыхъ Рюрикъ по смерти братьевъ роздалъ своимъ мужамъ. Мы неимѣемъ никакого права предполагать, что бы Несторъ запамятовалъ или неимѣлъ преданій о войнахъ Рюриковыхъ, ежели бы они были на самомъ дѣлѣ; ибо онъ незабылъ же о походѣ Аскольда и Дира Рюриковыхъ современниковъ, до него дошло преданіе объ этомъ походѣ, даже съ достаточными подробностями; а конечно преданіе о Рюриковыхъ войнахъ, какъ болѣе важныхъ, недолжно бы было ускользнуть отъ него; но онъ ни гдѣ недѣлаетъ даже и намековъ на Рюриковы войны, а Варяговъ Русь одинаково называетъ находниками и въ Новгородѣ, и въ Ростовѣ, и въ Полоцкѣ и въ другихъ городахъ; мы же по ясному и прямому свидѣтельству Нестора знаемъ, что Варяги Русь небыли завоевателями въ Новгородѣ, слѣдовательно небыли ими и въ Ростовѣ и въ Муромѣ и въ Полоцкѣ.

Но отношенія Новгородцовъ къ призваннымъ Князьямъ немогли оставаться на долго въ томъ положеніи, въ какомъ они были при началѣ прибытія Рюрика. Двойное народонаселеніе Новгорода, состоящее изъ племени Славянъ Ильменскихъ и изъ племени Руси поселившейся въ Новгородѣ за долго до прибытія Рюрика, ставило приглашенныхъ Князей въ такое положеніе, что они для обезпеченія своей власти необходимо должны были поддерживать Старую Русь, и тѣмъ разпространять свою власть, въ одномъ положеніи имъ нель-

зя было оставаться ни коимъ образомъ; ибо въ противномъ случаѣ перевѣсъ силы въ Славянскомъ племени надъ Рускимъ грозилъ Рюрику и его братьямъ, ежели не изгнаніемъ, то покрайней мѣрѣ крайнимъ ослабленіемъ и стѣсненіемъ ихъ владычества, что ставило бы ихъ въ невозможность поддерживать нарядъ и правду, для чего они именно и были призваны. И въ нѣкоторыхъ спискахъ Несторовой лѣтописи даже древнѣйшихъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство объ успѣхахъ Рюрика въ разпространеніи своей власти надъ Новгородцами, именно Ипатіевскій Хлѣбниковскій Радзивильскій и Троицкій списки Несторовой лѣтописи говорятъ, что по смерти братьевъ Рюрикъ пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, прозва(ша) и Новгородъ, и сѣде ту княжа. [7] Слѣдовательно Рюрикъ изъ Ладоги уже перебрался по Волхову къ Ильменю, гдѣ былъ главный городъ Ильменьскихъ Славянъ Новгородъ, построилъ тамъ надъ Волховомъ городъ или крѣпость, которую также назвалъ Новгородомъ. Это свидѣтельство лѣтописи взятое отдѣльно даетъ поводъ думать, что Новгородъ былъ построенъ Рюрикомъ; но таже лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Новгородъ былъ построенъ Ильменскими Славянами задолго до прибытія Рюрика; ибо Несторъ, разсказывая о разселеніи Славянскихъ племенъ, прямо говоритъ: «Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ.» [8] Слѣдовательно Рюрикъ выдвинувшись отъ Ладоги къ Ильменю, построилъ только крѣпость надъ Волховомъ противъ Славянскаго Новгорода, именно на той сторонѣ, которая въ послѣдствіи называлась Софійскою. Эту мысль вполнѣ подтверждаетъ третья Новгородская лѣтопись, въ которой сказано: «Въ лѣто 6552. Ходи великій Князь Ярославъ Владимировичь на Литву; а на весну заложи Новгородъ, и сдѣла на Софійской сторонѣ каменной городъ.» [9] Что подтверждаетъ и вся послѣдующая исторія Новгородская, въ которой Софійская сторона постояно является княжескимъ городомъ. Такимъ образомъ Рюрикъ съ своею крѣпостію надъ Волховомъ прямо примкнулся къ Новгороду; чего конечно онъ немогъ бы сдѣлать, ежели бы значительно не усилился противъ того положенія, въ которомъ былъ во время первоначальнаго приглашеніе. А построеніе крѣпости прямо противъ Славянскаго Новгорода доставило Рюри-

---

[7] Пол. Собр. Лѣт. Т. I, стр. 9. Варіант. е.

[8] Пол. Собр. Лѣт. Т. I стр. 3.

[9] Пол. Соб. Лѣт. Т. III стр 211.

ку еще болѣе силы и вліянія надъ Ильменскими Славянами. А посему лѣтопись по Никоновскому списку очень правильно говоритъ подъ 864 годомъ:» Оскорбишася Новгородцы глаголюще; яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. «Или далѣе:» тогоже лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби Новгородцовъ совѣтникъ его «или еще подъ 867 годомъ:» Избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много Новгородцкихъ мужей. «[10] Всѣ сіи свидѣтельства Никоновской лѣтописи заслуживаютъ полное довѣріе, какъ потому, что они совершенно согласны съ обстоятельствами, въ которыхъ были Рюрикъ и Новгородцы; такъ и потому что Никоновская лѣтопись хотя по послѣдней редакціи или по списку своему относится къ XVII вѣку, но тѣмъ не менѣе мы неможемъ отвергать, что свѣдѣнія свои она черпала изъ древнѣйшихъ источниковъ, которыхъ мы пока еще неотыскали, но на слѣды которыхъ нерѣдко натыкаются тѣ, которые знакомы съ нашими лѣтописями не по однимъ печатнымъ изданіямъ. Такъ мнѣ самому на дняхъ удалось въ одной рукописи XV вѣка встрѣтить отрывки изъ Московскаго лѣтописца, которые по надлежащемъ сличеніи оказались оригиналомъ именно многихъ изъ тѣхъ мѣстъ Никовской лѣтописи, источники которыхъ до сей поры не были извѣстны въ нашей исторической критикѣ. Въ потвержденіе свидѣтельствъ Никоновской лѣтописи служитъ и послѣдующая исторія Новгорода, гдѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ народныя неудовольствія и возстанія.

Такимъ образомъ изъ немногимъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, въ сущности своей согласныхъ и съ Скандинавскими сагами и съ оффицальными Новгородскими грамотами, а также и съ послѣдующею исторіею Новгорода, мы довольно ясно видимъ положеніе какъ Новгородцовъ такъ и Рюрика до 879 года (по нашему лѣтосчисленію), въ которомъ по свидѣтельству Нестора скончался Рюрикъ. Свидѣтельства сіи понимаемыя просто и естественно отстраняютъ всѣ произвольныя предположенія и гаданія. Они прямо говорятъ, что съ прибытіемъ Рюрика Новгородскій край сталъ называться Рускою землею; «отъ тѣхъ (Варягъ) прозвася Руская земля Ноугородьци! [11] Слѣдовательно при Рюрикѣ границы Русской земли невыходили изъ предѣловъ очеркнутыхъ Новгородскими владѣніями; а по сему мы здѣсь видимъ новое доказательство, что и земли Кривичей, Чуди, Мери, Ве-

---

[10] Ник. Т. I. стр. 16-17.

[11] Пол. Соб. рус. Лѣт. Т. I. стр. 9.

си и Муромы принадлежали Новгороду, ибо въ нихъ какъ уже извѣстно по лѣтописямъ сидѣли мужи Рюриковы. Предполагать здѣсь Рюриковы завоеванія мы неимѣемъ никакого права; ибо во первыхъ о завоеваніяхъ сихъ неупоминаютъ лѣтописи.* И во вторыхъ по самому ходу дѣлъ они были невозможны ни для Рюрика ни для его мужей; невозможность сію нельзя опровергать воинственнымъ и безпокойнымъ характеромъ Варяговъ или Норманновъ, какъ думаютъ дѣлать нѣкоторые позднѣйшіе писатели, старающіеся навязать Рюрику небывалыя завоеванія.

Варяги или Норманны точно были воинственны и безпокойны, извѣстіями о ихъ морскихъ набѣгахъ и грабежахъ переполнены всѣ лѣтописи западной Европы; но воинственность и безпокойность ихъ характера условливалась мѣстностію и отношеніями къ сосѣдямъ. На родинѣ, въ Скандинавіи, они не сидѣли дома потому, что этотъ при-

* Я здѣсь разумѣю древнія лѣтописи; свидѣтельство Софійскаго временника и Воскресенской лѣтописи, въ которыхъ есть выраженія: «и начаша воевати всюду,» въ настоящемъ случаѣ неможетъ быть доказательствомъ; ибо редакція, въ которой дошли до насъ сіи двѣ лѣтописи, относится къ концу XV и XVII столѣтіямъ. При томъ въ обѣихъ лѣтописяхъ настоящее извѣстіе явно искажено, и подновлено. Вотъ подлинныя слова той и другой лѣтописи. Въ Софійской: «Избрашася отъ Нѣмецъ три браты съ роды своими, и пояша съ собою дружину многу; и пришедъ старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣгородѣ, а Синеусъ, братъ Рюриковъ, на Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборьсцѣ и начаша воевати всюду. А о тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь, и о тѣхъ словетъ Русьская земля; и суть Новгородстіи людіе и до нынѣшняго дени отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни.» А вотъ и текстъ Воскресенской лѣтописи. «И пріидоша отъ Нѣмецъ три браты съ роды своими. и пояша съ собою дружину многу. и пріидоша старѣйшій Рюрикъ. сѣде въ Новѣградѣ и отъ того нарѣчеся времени великъ городъ. а Синеусъ братъ Рюриковъ на Бѣлоозерѣ а Труворъ въ Изворсцѣ. и начаша воевати всюду. отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь. и отъ тѣхъ временъ словетъ Русская земля. и суть Новгородстіи людіе. и до нынѣшняго дни, бѣ бо Рюрикъ отъ рода Варяжска. а преже бо бѣша Словѣне до Рюрика нарѣкошася.» Здѣсь постепенное искаженіе и подновленіе древняго текста такъ очевидно, что подобныя свидѣтельства ни коимъ образомъ не могутъ быть доказательствами; самая неопредѣленность выраженія: «и наша воевати всюду,» обличаетъ новаго грамотея нисколько непонимавшаго дѣла; ибо Нестора нигдѣ нельзя укорить въ неопредѣленности.

морскій край въ то время былъ еще бѣденъ и плохо воздѣланъ, и притомъ принадлежалъ многимъ небольшимъ племенамъ враждебнымъ другъ другу; на чужой сторонѣ въ прибрежьяхъ Западной Европы Скандинавы селились не иначе какъ только завоевателями, отнимая силою клочки земли нужныя имъ для пристанища, слѣдовательно самое отношеніе къ многочисленнымъ туземцамъ ставило ихъ въ необходимость быть неукротимыми воителями, ибо въ противномъ случаѣ они немогли бы удержать за собой занятой земли. Сихъ условій во все не было для Рюриковой Руси въ Новгородскомъ краю: земля по свидѣтельству лѣтописи была велика и обильна; Рюрикова Русь пришла къ Новгородцамъ не въ качествѣ завоевателей, а по мирному приглашенію, слѣдовательно мирными средствами должна была и удерживать ту землю, которую получила мирно. Въ Скандинавіи Конунги съ молодыхъ лѣтъ отправлялись въ походы для того, что бы пріобрѣсти извѣстность, дружину и деньги, безъ чего на родинѣ они немогли имѣть власти; въ Новгородскомъ краю этого вовсе ненужно было ни для Рюрика ни для его братьевъ, ибо власть за ними была уже утверждена самимъ народомъ.

Притомъ недолжно упускать изъ виду, что большая часть морскихъ грабежей и набѣговъ, которыми такъ прославились Скандинавы въ IX столѣтіи, по свидѣтельству сагъ принадлежала собственно Скандинавской молодежи и бездомной вольницѣ, изъ нихъ то именно составлялись удалыя дружины отчаянныхъ бойцовъ, каждую весну выходившія грабить и опустошать прибрежья Западно-Европейскихъ морей; самые предводители ихъ, извѣстные подъ именемъ Морскихъ Королей и Викинговъ, были только младшіе члены владѣльческихъ фамилій, или еще неполучившіе на свою долю владѣній въ Скандинавіи, или почему либо утратившіе ихъ. А этаго разбора люди и изъ Рюриковой Руси неоставили своихъ привычекъ; такъ Никоновская лѣтопись подъ 864 годомъ говоритъ, что въ этомъ году былъ убитъ Аскольдовъ сынъ во время набѣга на Болгаръ (вѣроятно на Камскихъ, куда Руская молодежь могла проникнуть изъ Мурома); потомъ таже лѣтопись упоминаетъ подъ 865 годомъ о грабежахъ Аскольда и Дира въ землѣ Полоцкой; и наконецъ по свидѣтельству Лаврентіевской лѣтописи, Аскольдъ и Диръ съ дружиною выпросили себѣ позволеніе идти въ Царыградъ и завоевали Приднѣпровскій городъ Кіевъ. [12] Это прямое свидѣтельство лѣтописей объ

---

[12] Пол. Соб. Л. Т. I. стр. 9.

Аскольдѣ и Дирѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что собственно въ Новгородскомъ краю Рюрикова Русь недѣлала завоеваній. Ибо ежелибы для нее было мѣсто завоеваніямъ въ Новгородскомъ краю, то Аскольдъ и Диръ съ товарищи нестали бы проситься въ Константинополь и ратоборствовать въ далекомъ Приднѣпровьѣ, а напротивъ нашли бы мѣсто для своихъ подвиговъ и поближѣ. Да и самъ Рюрикъ не согласился бы отпустить отъ себя такихъ молодцовъ; ежели бы положеніе его объусловливало завоеванія въ Новгородскомъ краю, ежели бы онъ находилъ сколько нибудь возможнымъ попытать военнаго счастья. Согласіе Рюрика на отпускъ Аскольда съ дружиною ясно показываетъ, что Рюрику много было дѣла и безъ войнъ, что обязанность его водворить нарядъ и судъ въ Новгородской землѣ изключала всѣ военныя предпріятія, что война невходила въ составъ его обязанностей и даже прямо противорѣчила насущнымъ потребностямъ его положенія,—утвердить свою власть въ странѣ, куда пришелъ онъ по добровольному приглашенію. Ему преждѣ всего нужно было обезпечить прочность своей власти въ народѣ сильномъ и богатомъ, большая и главнѣйшая часть котораго по произхожденію своему была совершенно чужда и ему и его племени; ему нужны были большое умѣнье и осторожность водворить приведенную съ собою Русь въ городахъ уже занятыхъ другими племенами, тамошними старожилами или старѣйшити пришельцами завоевателями, и притомъ водворить тихо и мирно нераздражая старыхъ хозяевъ, опасныхъ для его племени своею силою и многочисленностію; чѣмъ онъ дѣйствительно и занимался въ продолженіи 17 лѣтъ своей Новгородской жизни; ибо по прямому свидѣтельству лѣтописи при немъ Новгородскій край прозвался Рускою землею. И Рюрикъ, какъ мы уже видѣли достигъ этаго невдругъ и не безъ значительныхъ препятствій: такъ изъ Ладоги первоначальнаго своего мѣстопребыванія въ Новгородскомъ краю, онъ передвинулся къ Новгороду только по смерти уже своихъ братьевъ; да и то занялъ не собственно Новгородъ, а только успѣлъ построить крѣпость на берегу Волхова противуположномъ Новгородскому, и это сдѣлалъ не безъ сопротивленія Новгородцовъ; «лѣтопись ясно говоритъ: «оскорбишася Новгородцы, глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его;» и не удовольствіе Новгородцовъ выразилось не въ одной молвѣ и толкахъ народа; а напротивъ составилась партія подъ предводительствомъ Вадима Храбраго, и произвела возстаніе, которое тогда только утихло, когда Рюрикъ одержалъ побѣду

и убилъ Вадима и его совѣтниковъ. Да и эта побѣда Рюрикова небыла еще окончательною; ибо лѣтопись подъ 867 годомъ говоритъ, что много Новгородскихъ мужей бѣжали отъ Рюрика въ Кіевъ; т. е. Новгородская вольница потянулась тудаже, куда впередъ ее вышла вольница Руская; слѣдовательно опять былъ раздоръ и возстаніе хотя неудачное. Принимая все сіе въ соображеніе мы рѣшительно неимѣемъ никакого права произвольно пополнять лѣтописныя извѣстія своими гаданіями и навязывать Рюрику небывалыя завоеванія. Рюрикъ нетолько непредпринималъ завоеваній, но даже, какъ мы видимъ, старался удалять людей безпокойныхъ, которые рвались на войну.

Такимъ образомъ разсмотрѣнное со всѣхъ сторонъ положеніе Рюрика въ Новгородскомъ краю ясно говоритъ, что завоеванія были неумѣстны для Рюрика. Но можетъ быть въ нихъ нуждались Новгородцы; а посему теперь слѣдуетъ разсмотрѣть положеніе сихъ послѣднихъ. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе свидѣтельство Нестора о приглашеніи Рюрика Новгородцами. Это свидѣтельство говоритъ: «рѣша сами въ собѣ Чудь Словѣни и Кривичи поищемъ собѣ князя иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву», или какъ въ другихъ спискахъ: «рядилъ по ряду по праву.» И далѣе «вся земля наша велика и обильна а наряда въ ней нѣтъ, да поидете княжить и володѣти нами.» [13] Здѣсь, какъ для всякаго очевидно, нѣтъ и намека о завоеваніяхъ, Новгородцы и ихъ союзники ищутъ только нарядниковъ, судей правителей для водворенія порядка и спокойствія въ ихъ краю, они даже неговорятъ чтобы приглашаемый князь оборонялъ защищалъ ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей, ибо ни въ одномъ спискѣ лѣтописи нѣтъ выраженія: *иже бы боронилъ насъ*; слѣдовательно допустить какой либо здѣсь пропускъ или недомолвку во всѣхъ лѣтописяхъ мы неимѣемъ никакого права; а по сему всякое предположеніе и догадка на щетъ этаго предмета будетъ рѣшительно произвольна, и какъ сей часъ увидимъ неумѣстна и не согласна съ обстоятельствами въ которыхъ находились Новгородцы и ихъ союзники. Ибо передъ приглашеніемъ Рюрика лѣтопись говоритъ: «изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани.» Слѣдовательно Новгородцы умѣли справляться съ своими врагами и безъ посторонней помощи, и во все неимѣли нужды въ посторонихъ защитникахъ. А еще менѣе нуждались въ помощникахъ для завоеваній; ибо еще до приглашенія Рюрика владѣнія Новгородскія были очень обширны, и какъ свидѣтельствуетъ

[13] Пол. Соб. Руск. лѣт. Т. I. стр. 8.

сага Орваръ Одда [14], обнимали собою весь сѣверный край нынѣшней Россіи отъ Балтійскаго моря на сѣверъ до Гандвика и сѣвернаго Океана, на востокъ почти до Уральскихъ горъ, и на югъ до впаденія Оки въ Волгу до верховьевъ Днѣпра и до Западной Двины. Сихъ границъ Новгородскія владѣнія почти никогда непереступали въ продолженіе всей исторіи Новгорода; слѣдовательно Новгородцы незаботились о завоеваніяхъ не только при Рюрикѣ но и послѣ его. Конечно по лѣтописямъ мы видимъ, что Новгородцы не отказывались отъ войнъ; но не для разпространенія владѣній, а только для поддержанія своей власти въ тѣхъ краяхъ, которыя уже зависѣли или полузависѣли отъ Новгорода; да и сіи войны почти всегда велись Новгородскими средствами, и Князья въ нихъ участвовали очень рѣдко. Слѣдовательно предполагать что Новгородцы, приглашая Рюрика, имѣли въ виду завоеванія, не дозволяетъ вся Новгородская исторія, которая прямо говоритъ, что Новгородцы постоянно заботились только объ успѣхахъ своей торговли, о средствахъ къ ея разпространенію и объ устраненіи тѣхъ препятствій, которыя бывали отъ сосѣдей. Въ Новгородѣ торговля и обезпеченіе правъ и наличныхъ выгодъ разныхъ классовъ народа были главнымъ двигателемъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, отсюда проистекали и войны, и мирные договоры, и приглашенія князей, и смуты народныя, и бури веча. Это отличительный характеръ всей Новгородской исторіи послѣ Рюрика вплоть до завоеванія Новгорода Іоанномъ III; а по сему мы неимѣемъ никакой возможности отрицать этотъ характеръ и при Рюрикѣ, и тѣмъ болѣе, что лѣтопись прямо говоритъ, что Рюрикъ былъ приглашенъ володѣть, судить и возстановить утраченный нарядъ, а не воевать.

Доказавши, что Рюрикъ по прибытіи въ Новгородскій край не дѣлалъ завоеваній, а только старался о введеніи наряда и о водвореніи приведенной съ собою Руси, теперь слѣдуетъ показать какимъ образомъ онъ достигъ этаго. Лѣтопись нигдѣ неговоритъ прямо какія средства употребилъ Рюрикъ для введенія наряда въ Новгородскомъ краю; но мы знаемъ изъ Скандинавскихъ сагъ, что тамошніе Конунги или сами ѣздили по областямъ для произведенія суда и разправы или съ тою же цѣлію посылали своихъ мужей; Рюрикъ былъ Скандинавъ; слѣдовательно и онъ употребляль тѣже средства, т.

---

[14] Antiq. Russ. pag. 103.

е. и самъ ѣздилъ по областямъ и посылалъ своихъ мужей. Мы на это имѣемъ и прямыя доказательства, только не объ Рюрикѣ, такъ Константинъ Багрянородный говоритъ, что Рускіе Князья съ своею дружиною выходили изъ Кіева при наступленіи Ноября мѣсяца, и отправлялись на полюдье, и проводили зиму въ земляхъ подчиненныхъ имъ Славянскихъ племенъ; [15] а также въ нашихъ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія о поѣздкахъ Князей въ полюдье; сага же Олава Тригвесона, писанная Оддомъ, даже разсказываетъ, что мужи, отправляемые Владимиромъ Новгородскимъ для суда и разправы по областямъ, обыкновенно ѣздили съ большимъ великолѣпіемъ, и въ сопровожденіи многочисленной дружины. [16] Слѣдовательно точно также разѣзжалъ и Рюрикъ и его мужи по Новгородскимъ областямъ, и въ такихъ поѣздкахъ производя судъ и разправу возстановлялъ нарядъ и правду въ народѣ. Другихъ средствъ предполагать мы не должны, ибо не имѣемъ на это свидѣтельствъ.

Что же касается до водворенія въ Новгородскомъ краю Руси приведенной Рюрикомъ, то по свидѣтельству Нестора, Рюрикъ для этого употребилъ разсылку своихъ мужей по городамъ уступленнымъ ему Новгородцами. Мужи посылаемыя Рюрикомъ вѣроятно отправлялись въ мѣста назначенія, каждый съ отдѣльною Русскою дружиною ведшею съ собою и свои семейства, и такія-то дружины были именно тѣми Рускими колоніями въ Новгородскихъ городахъ и областяхъ, при помощи которыхъ уступленные Рюрику города сдѣлались Русскими а не Новгородскими. По прибытіи къ мѣсту назначенія Рюриковы мужи строили себѣ города или крѣпости, какъ ясно объ этомъ говоритъ лѣтопись: «и раздая мужемъ своимъ волости и городы рубити.» [17] Что подтверждается и существованіемъ крѣпостей или остроговъ, кремлей, отдѣльно отъ посадовъ при всѣхъ городахъ занятыхъ Руссами; при чемъ въ крѣпостяхъ или кремляхъ по всѣмъ древнимъ памятникамъ мы встрѣчаемъ постоянно жилища княжихъ мужей и служилыхъ людей, т. е. ихъ дружины, отроковъ, дѣтскихъ; а въ посадахъ при кремляхъ домы гражданъ, туземцовъ, земщины, градскихъ мужей. Разсылка мужей и разсѣленіе Русской дружины по городамъ сдѣланные Рюрикомъ были такъ хорошо устроены и такія

---

[15] De admin. imper. pag. 61.
[16] Antiq. Russ. pag. 417.
[17] Пол. Соб. лѣт. Т. I, стр. 9.

важныя имѣли послѣдствія, что города уступленные Новгородцами Рюрику болѣе уже не возвращались къ Новугороду никогда, хотя преемники Рюрика въ послѣдствіи переселились въ Кіевъ и не всегда владѣли самымъ Новгородомъ; таковы на примѣръ по свидѣтельству лѣтописей были города: Ростовъ, Бѣлоозеро, Муромъ со всѣми ихъ областями, которые навсегда остались за Рюриковымъ потомствомъ. Какъ случился такой значительный переходъ Новгородскихъ городовъ въ Русскіе, лѣтописецъ необъясняетъ подробно; но этотъ переходъ объясняется самъ собою, когда мы сообразимъ состояніе сихъ городовъ до Рюрика. Города сіи хотя были построены на землѣ не Славянской, (ибо Ростовъ находился въ краю заселенномъ Мерею, Бѣлоозеро Весью, Муромъ Муромою, которые племена по свидѣтельству Нестора были не Славянскаго происхожденія: «*свой языкъ имуще*»[18]) но тѣмъ не менѣе въ продолженіи всей Руской исторіи являются съ народонаселеніемъ по крайней мѣрѣ въ самыхъ городахъ говорящимъ на Славянскомъ языкѣ, и притомъ съ формами общественной жизни Новгородскими. (Такъ подъ 1176 годомъ лѣтописецъ сравниваетъ Ростовцовъ и Суздальцовъ съ Новгородцами и Полочанами: «Новгородци бо изъ начала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане и вся власти яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ на томъ и пригороди станутъ; а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити.»[19]) Слѣдовательно они первоначально были Новгородскими колоніями въ Финскомъ краю, какъ мы уже замѣтили прежде,[20] колоніями вполнѣ зависѣвшими отъ Новгорода и управлявшимися Новгородскими мужами. А посему когда Новгородцы передали ихъ въ кормленье Рюрику и его братьямъ, какъ Новгородскимъ князьямъ, то пользуясь сею передачею они совершенно отпали отъ Новгорода, и соединясь въ водворившеюся у нихъ Рюриковою Русью, сдѣлались независимымъ отъ Новгорода Рускимъ владѣніемъ, какъ отдѣльное достояніе князей Рюрикова дома. Произошло ли это при Рюрикѣ или по смерти его, когда Олегъ перебрался изъ Новгорода въ Кіевъ, за неимѣніемъ извѣстій, мы опредѣлить неможемъ; но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что переходъ означенныхъ Новгородскихъ коло-

---

[18] Ibid. 5.

[19] Пол. Соб. лѣт. Т. I. стр. 160.

[20] Руск. земля до Рюрика. стр. 87—92.

ній въ Рускіе города былъ устроенъ и заготовленъ самимъ Рюрикомъ, именно чрезъ водвореніе тамъ Руси; Русь сія хотя не успѣла оскандинавить тамошнихъ Новгородскихъ колонистовъ и старожиловъ Финновъ[1], и даже сама ославянилась; но тѣмъ неменѣе она успѣла слиться съ ними сама, и такимъ образомъ составить цѣлый Славяно-Финно-Рускій народъ, который непризналъ ничьей власти кромѣ Рюрика и его потомковъ.

Водвореніе Рюриковой Руси въ Полоцкѣ имѣло почти такія же послѣдствія какъ и въ Суздальщинѣ. Полоцкъ и вся страна по Западной Двинѣ вплоть до моря передъ прибытіемъ Рюрика зависѣвшая или полузависѣвшая отъ Новгорода, съ водворѣніемъ Рюриковой Руси сдѣлалась независимымъ отдѣльнымъ Рускимъ владѣніемъ; но здѣсь и власть Рюриковичей была не постоянна, ибо при Владимирѣ мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе, что въ Полоцкѣ и во всей тамошней сторонѣ княжилъ Рогволодъ прибывшій изъ заморя; [21] Слѣдовательно Полоцкъ и весь Полоцкій край хотя на время составляли отдѣльное и самостоятельное владѣніе. Такимъ образомъ первымъ и главнымъ слѣдствіемъ Рюрикова прибытія въ Новгородскую землю и водворенія Руси въ нѣкоторыхъ тамошнихъ городахъ было отпаденіе отъ Новгорода значительныхъ владѣній, и именно странъ Полоцкой, Бѣлозерской, Суздальской и Муромской признавшихъ надъ собою непосредственную власть Рюрика и его потомковъ, и послѣ того уже никогда неподчинявшихся Новгороду.

Вотъ главные результаты собственно Рюрикова княженія въ Новгородской землѣ; чѣмъ они оказались въ послѣдствіи для Руской земли, мы узнаемъ въ свое время; теперь же слѣдуетъ замѣтить, что прибывшая съ Рюрикомъ Русь дѣйствовала и мимо его; но дѣйствія сіи уже были внѣ Новгородской земли, и имѣли со всѣмъ иной характеръ, ихъ производила своевольная и буйная Руская молодежъ предводительствуемая Аскольдомъ и Диромъ. Несторова лѣтопись описаніе Аскольдовыхъ подвиговъ начинаетъ такъ: «И бяста у Рюрика два мужа, не племени его но боярина, и та испросистася ко Царюграду съ родомъ своимъ.» Это увольненіе Аскольда и Дира въ Царь-градъ у Нестора помѣщено по смерти Синеуса и Трувора, а Никоновская лѣтопись за годъ до смерти сихъ князей упоминаетъ, что Аскольдовъ сынъ былъ убитъ при набѣгѣ на Болгаръ. Болгарами Никоновская

---

[21] Пол. Соб. Руск. лѣт. Т. I. стр. 32.

лѣтопись конечно называетъ Болгаръ Камскихъ, ибо слѣдуя Нестору здѣсь нельзя допустить, что бы Аскольдовъ сынъ воевалъ на Дунаѣ, когда отецъ его со всѣмъ своимъ родомъ былъ еще въ Новгородской землѣ при Рюрикѣ или при его братьяхъ. А когда здѣсь дѣло идетъ о Камскихъ Болгарахъ; то стало быть Аскольдъ и Диръ съ своимъ родомъ служили при Синеусѣ, владѣнія котораго въ странѣ Суздальской и Муромской дѣйствительно могли быть въ сосѣдствѣ съ владѣніями Камскихъ Болгаръ. И набѣгъ Аскольдова сына на Болгаръ явно свидѣтельствуетъ, что около Синеуса служила самая неугомонная Руская молодежъ, которой песидѣлось на одномъ мѣстѣ, и что предводителями сей молодежи были самые отчаянные бойцы состарившіеся и закалившіеся въ битвахъ братья Аскольдъ и Диръ, которымъ также нежилось безъ набѣговъ. Самое имя Синеусъ въ Норманской формѣ *Синіутъ*, Signiutr или Signiautr, значитъ по Нормански побѣдоподвижникъ, побѣдоносецъ. (Мухамед. нумиз. Савельева стр. CXXX.) А по сему около храбраго неугомоннаго Князя сбиралась и храбрая дружина, слѣдовательно неугомонная Руская молодежь преимущественно была сосредоточена при Синеусѣ Князѣ Бѣлозерскомъ. По смерти Синеуса Рюрикъ, какъ видно, перевелъ эту вольницу въ другой совершенно противоположный край по ближѣ къ Новгороду; ибо подъ 865 годомъ таже Никоновская лѣтопись говоритъ: «Воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ, и много зла сотвориша.» Но очевидно при Рюрикѣ и почти на глазахъ его (т. е. поближе къ Новгороду) имъ небыло прежней свободы въ грабежахъ и разбояхъ; а посему Аскольдъ и Диръ, какъ предводители буйной вольницы, стали проситься у Рюрика, чтобы онъ отпустилъ ихъ въ Царьградъ, въ этотъ обычный край Варяжскихъ странствованій. Рюрикъ конечно желая избавиться отъ буйной толпы, отпустилъ какъ ихъ самихъ такъ и ихъ дружину, т. е. всю вольницу, которая по его мирному положенію въ Новгородскомъ краю была не только непужна, но даже опасна при столкновеніи съ Новгородцами.

Аскольдъ и Диръ выпросившись у Рюрика въ Константинополь, пошли съ своею дружиною по Днѣпру внизъ, и достигнувъ земли занятой Поляпами, увидали на правомъ берегу Днѣпра городокъ Кіевъ, и по обычаю Варяговъ и всѣхъ повольниковъ того времени (о которомъ обычаѣ мы говорили: уже выше [22]) остановились противъ города, и спросили чій се градокъ; имъ на это былъ данъ отвѣтъ отъ

[22] Руск. Земля до Рюрика. стр. 61—10.

жителей: были трое братьевъ Кій, Щекъ и Хоривъ, которые построили этотъ городокъ, и померли, и мы сидимъ платячи дань Казаромъ.» Аскольдъ и Диръ, продолжаетъ лѣтопись, остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги совокуписта, и начаста владѣти Польскою землею.»[23] Этотъ характеристичный разсказъ лѣтописца передаетъ намъ описаніе событія совершенно согласно съ духомъ того времени и съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь въ Аскольдѣ и Дирѣ мы видимъ истыхъ повольниковъ, совершенно одинаковыхъ по своему характеру и въ Новгородѣ и въ Скандинавіи; они идутъ въ дальнюю незнакомую имъ землю единственно по слуху отъ бывальцовъ, большая дорога для нихъ рѣка, которая течетъ въ ту сторону, и о которой они тоже только слыхали, и которой сами незнаютъ; имъ на берегу этой рѣки попадается городокъ, почему либо обратившій ихъ вниманіе: они останавливаются и спрашиваютъ: «чій се градокъ?» точно также какъ спрашиваетъ Новгородскій повольникъ Акундинъ въ Рязани: «а и что то за сторона? а и что за городъ? а и что то за люди?»[24] Узнавши, что жители городка преждѣ были вольные люди, а теперь платятъ дань Козарамъ, Аскольдъ и Диръ, какъ истые повольники, нераздумывая долго, остаются въ городкѣ, собираютъ около себя толпы другихъ повольниковъ и Скандинавскихъ и Новгородскихъ бѣжавшихъ отъ Рюрика, и захватываютъ всю землю Полянъ; Поляне непротивятся этому, вѣроятно потому, что повольники согласно съ своимъ характеромъ для того и остались въ городѣ, чтобы защищать ихъ отъ Казаръ. Захватить, завладѣть, — это первая и главная мысль повольника; такъ Акундинъ, только что разпросилъ о Рязанской сторонѣ, какъ уже и говоритъ: «а кабы ту широкую сторону Рязань покорить Новугороду.» Вторая также важная мысль для него, это защищеніе слабыхъ и угнетенныхъ; такъ Акундинъ защищаетъ городъ Ростиславль отъ змѣя Тугарина и отражаетъ Татаръ отъ Мурома.[25] Разсказъ лѣтописца, о странствованіи Аскольда и Дира и о занятіи Кіева, есть самое лучшее и ясное свидѣтельство, что Аскольдъ и Диръ были именно предводители повольниковъ, и что Рюрикъ отпустилъ съ ними всю неугомонную Русскую молодежъ, которой не сидѣлось мирно въ землѣ Новгородской, и которая своимъ буйствомъ только мѣшала Рю-

---

[23] Пол. соб. Рус. лѣт. Т. I. стр. 9.

[24] Собр. Руск. сказокъ Сахар. стр. 96.

[25] Ibid. стр. 123—124, 139—144.

рику водворить порядъ, миръ и тишину, для чего онъ былъ призванъ Новгородцами.

Оставшись въ Кіевѣ и собравши около себя дружину разныхъ повольниковъ, Аскольдъ и Диръ, по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи начали воевать съ Древлянами и Уличами.[26] Древнѣйшіе списки Несторовой лѣтописи неупоминаютъ о сихъ войнахъ Аскольда и Дира, но мы неимѣемъ права отвергать свидѣтельства Воскресенской лѣтописи, ибо войны сіи совершенно согласны съ характеромъ повольниковъ,—завоевывать земли и защищать слабыхъ, а въ древнѣйшихъ спискахъ Несторовой лѣтописи есть свидѣтельство, что Поляне по смерти Кія и его братьевъ, быша обидимы Древлями инѣми окольними.»[27] Слѣдовательно предводители повольниковъ оставшись у Полянъ, какъ ихъ защитники имѣли прямой поводъ къ войнамъ съ Уличами и Древлянами, да и при томъ они согласно съ своимъ характеромъ неимѣли большой нужды въ поводахъ, лишь бы гдѣ поживиться добычею, и не сидѣть дома. Попытавшись счастія у Древлянъ и Уличей, и вѣроятно довольно увеличивши свою дружину, Аскольдъ и Диръ въ 866 году снарядили 200 лодокъ и отправились грабить Византійскую имперію, эту завѣтную страну Норманновъ, куда они обыкновенно ходили служить за хорошую плату въ гвардіи Императоровъ. Походъ этотъ начался довольно счастливо, Византійскіе лѣтописцы,[28] а съ ними и нашъ Несторъ свидѣтельствуютъ, что тогдашній Византійскій Императоръ Михаилъ въ то время былъ въ войнѣ съ Арабами, и находился съ своими войками въ Азіи; по этому Кіевскіе повольники явились къ берегамъ имперіи въ самое удобное для себя время; они свободно начали свой обычный грабежъ прибрежныхъ селеній, даже проникли въ Константинопольскій проливъ и обступили съ этой стороны самый Царьградъ. Увѣдомленный объ этомъ нападеніи Императоръ Михаилъ едва успѣлъ пробраться въ свою столицу; но по всему вѣроятію безъ войска. Нашъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что Императоръ вмѣстѣ съ Патріархомъ Фотіемъ отправилися въ Влахернскую церковь Божіей матери, и молилися тамъ всю

[26] Воскрес. лѣт. стр. 73.

[27] Полн. собр. Руск. лѣт. Т. I, стр. 7.

[28] О семъ нападеніи Руссовъ на Константинополь упоминаютъ двѣнадцать Византійцовъ, изъ нихъ трое Никита Пафлагонянинъ, Георгій Амартолъ и Патріархъ Фотій, были современниками событія; слѣдовательно свидѣтелями достовѣрнѣйшими.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА 485546

ночь, а на другой день учредили изъ церкви крестный ходъ и погрузили въ море ризу Бигоматери; море доселѣ спокойное возстало бурею и потопило лодьи Аскольда и Дира, и только немногимъ удалось возвратиться домой.[29] Византійскіе лѣтописцы къ этому извѣстію Нестора прибавляютъ еще, что Аскольдъ и Диръ пораженные чудомъ погубившимъ ихъ флотъ приняли Христіанскую вѣру. Это свидѣтельство лѣтописцевъ подтверждаетъ и окружная грамота Константинопольскаго Патріарха Фотія къ восточнымъ Епископамъ писанная въ 866 году. Въ ней Патріархъ говоритъ: «Россы славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ имперіею Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и Священниковъ, имѣя живое усердіе къ богослуженію Христіанскому.» Да и Несторова лѣтопись непротиворѣчитъ Византійскимъ извѣстіямъ; ибо Несторъ при Игорѣ упоминаетъ уже о церкви пророка Иліи въ Кіевѣ, и кромѣ того подъ 882 годомъ описывая мѣсто погребенія Аскольда говоритъ, что на могилѣ Аскольда въ Несторово время была выстроена церковь Св. Николая.[30] Слѣдовательно Аскольдъ и въ Кіевѣ въ XII столѣтіи щитался христіаниномъ; ибо на могилѣ язычника не стали бы строить Христіанской церкви; а въ лѣтописи прямо сказано: «на той могилѣ поставилъ Ольма церковь Святаго Николу.»

По свидѣтельству Никоновой лѣтописи Аскольдъ и Диръ возвратившись изъ подъ Царяграда удачно воевали съ Печенѣгами.[31] По свидѣтельству Нестора первое нашествіе Печенѣговъ на Русскую землю относится къ 915 году;[32] да и по другимъ свидѣтельствамъ Византійскимъ и Венгерскимъ при Аскольдѣ и Дирѣ Печенѣги еще не переходили Дона, впереди ихъ были еще Угры и Хазары, слѣдовательно настоящее свидѣтельство Никоновской лѣтописи есть позднѣйшая вставка; и Аскольдъ и Диръ въ 867 году немогли воевать съ Печенѣгами; ибо чтобы добраться до Печенѣговъ, имъ сперва нужно было воевать съ Уграми и Хазарами; а объ этихъ войнахъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

---

[29] Пол. соб. лѣт. Т. I. стр. 9.
[30] Ibid. 10.
[31] Ник. I. стр. 17.
[32] Полн. соб. лѣт. Т. I. стр. 18.

Несторъ называетъ Аскольда и Дира владѣтелями земли принадлежавшей Полянамъ; «*начаста владѣти Польскою землею*» говоритъ онъ. Но здѣсь по всему вѣроятію подъ словами Нестора нельзя разумѣть какого либо правильнаго владѣнія; Аскольдъ и Диръ съ ихъ дружиною не были приглашены Полянами, какъ Рюрикъ Новгородцами, и не завоевывали Полянской земли; они только остановились въ Кіевѣ, потому что городъ съ одной стороны представлялъ удобную стоянку на большой дорогѣ въ Греческую землю, куда имъ хотѣлось пробраться, а съ другой стороны занятіе сего города непредставляло имъ большихъ затрудненій, ибо тамошніе жители платили дань Хазарамъ, слѣдовательно ради были принять къ себѣ какихъ угодно пришлецовъ, которые бы освободили ихъ отъ этой дани, и согласились защищать отъ непріязненныхъ сосѣдей. Оставшись въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ недумали соединяться съ Полянами, они по обычаю повольниковъ немедленно принялись воевать съ сосѣдями Древлянами и Уличами, и потомъ пустились подъ Византію; но во всѣхъ сихъ войнахъ Поляне кажется непринимали участія, повольники — сбродъ Скандинавовъ и Новгородцевъ всюду дѣйствовали одни; ибо Несторъ прямо говоритъ: «многи Варяги совокуписта и начаста владѣти Польскою землею,» и нигдѣ неупоминаетъ что бы Поляне принимали участіе въ походахъ Аскольдовыхъ, а напротивъ постоянно называетъ это племя мирнымъ, кроткимъ и даже обдимымъ, каковымъ оно вѣроятно и было въ первое водвореніе тамъ Руси; позднѣйшій же, извѣстный по лѣтописямъ, характеръ сего племени развился уже послѣ, когда Поляне слились съ пришельцами, когда Кіевъ сдѣлался матеріею городовъ Русскихъ. Предполагать что Кіевъ еще до Аскольда и Дира былъ сборнымъ мѣстомъ Варяговъ и всѣхъ пришлецовъ повольниковъ мы не можемъ; ибо по прямому свидѣтельству Нестора, Аскольдъ и Диръ нашли въ этомъ городѣ однихъ мирныхъ Полянъ, потомковъ Кія, Щека и Хорива, платящихъ дань Хазарамъ; жители Кіева на вопросъ Аскольда и Дира: «чіи се градокъ.» Отвѣчаютъ ясно и подробно: «была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ, родъ ихъ, платяче дань Козаромъ.» Сбродные Варяги и повольники, конечно не стали бы называть себя потомками Кія и данниками Хазарамъ. Такимъ образомъ у повольниковъ Аскольдовыхъ и туземцовъ небыло ничего общаго, кромѣ земли и города, гдѣ жили тѣ и другіе; конечно таковая раздѣльная жизнь въ одномъ городѣ, немогла быть продолжительна, повольники и Поляне должны были со-

единиться тѣснѣе другъ съ другомъ и составить одно цѣлое, сдѣлаться настоящимъ владѣніемъ Аскольда и Дира; но для этаго нужно было время, а братья сіи недожили до этого времени, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, они умерли, какъ жили, только предводителями дружины повольниковъ утвердившимися въ Кіевѣ, а ненастоящими владѣльцами Приднѣпровья.

Въ разсказѣ лѣтописей о водвореніи Аскольда и Дира въ Кіевѣ, съ перваго взгляда, замѣчается нѣкоторая неполнота. Всѣ лѣтописи единогласно свидѣтельствуютъ, что Поляне во время прибытія братьевъ подъ Кіевъ платили дань Хазарамъ, а не въ одной лѣтописи нѣтъ извѣстія, чтобы Аскольдъ и Диръ воевали съ Хазарами, тогда какъ этой войны должно бы было ожидать прежде всего. Но по обстоятельствамъ, въ которыхъ тогда находились Хазары, этой войны дѣйствительно не могло быть и не было. Хазары еще съ III-го вѣка по Р. Х. извѣстные въ Арменіи, а потомъ у Византійцевъ, въ VII вѣкѣ были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, не разъ ходили въ Персію, какъ союзники Византійскихъ Императоровъ, покорили себѣ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, и нѣсколько разъ удачно воевали съ Аравійскими Калифами, но въ IX вѣкѣ ихъ могущество стало значительно ослабѣвать; а въ то время, когда Аскольдъ и Диръ заняли Кіевъ, у Хазаръ была жестокая война съ Уграми и Печенѣгами выдвигавшимися изъ Азіи въ Европу черезъ Хазарскія владѣнія. А посему Хазарамъ во все было не до того, чтобы вступаться за Кіевъ, который лежалъ слишкомъ далеко на западъ отъ главныхъ Хазарскихъ владѣній на Дону и Волгѣ; Днѣпровскій путь столь важный для Скандинавовъ и Новгородцовъ, во все неимѣлъ такого значенія для Хазаръ, ибо ихъ главная дорога въ Грецію шла по Дону, да по свидѣтельству восточныхъ писателей Хазары никогда небыли мореходами.[33] При томъ же Аскольдъ и Диръ оставшись въ Кіевѣ во все недумали тревожить другихъ Хазарскихъ владѣній, въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину, чтобы сіи предводители повольниковъ переходили на лѣвый берегъ Днѣпра и нападали на Хазарскихъ данниковъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, ихъ набѣги ограничивались только правымъ берегомъ Днѣпра, на которомъ кромѣ Кіевлянъ небыло племенъ плативишхъ дань Хазарамъ. Мы незнаемъ съ умысломъ

---

[33] Масуди писатель X вѣка прямо говоритъ: «Царь Хазарскій неимѣетъ судовъ, и подданные его въ мореплаваніи неопытны» (Жур. Мин. Нар. Просв. 1835 года № V. стр. 238).

ли Аскольдъ и Диръ непереходили на лѣвый берегъ Днѣпра, или просто безъ умыслу неимѣли еще времени перебраться туда; но во всякомъ случаѣ это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что у нихъ не было войнъ съ Хазарами. И Хазары занятые войною съ Уграми и Печенѣгами, и нетревожимые Аскольдомъ и Диромъ на лѣвомъ берегу Днѣпра очевидно во все не думали вступаться за Кіевъ; и тѣмъ болѣе это предположеніе согласное съ извѣстіями лѣтописи заслуживаетъ довѣрія, что и послѣ при Олегѣ Хазары не вступались за Сѣверянъ, когда Олегъ даже перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра.

Преемникомъ Рюрика былъ Олегъ его родственникъ, о которомъ сказано въ лѣтописи: «что Рюрикъ умирая, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.»[34] Это свидѣтельство лѣтописи для насъ очень важно, и мы здѣсь должны дорожить каждымъ словомъ лѣтописца. Здѣсь во первыхъ лѣтописецъ указываетъ на отношеніе Рюрика къ Новгородцамъ. Рюрикъ не могъ назначить своимъ преемникомъ сына, потому что онъ былъ еще малъ, — «бысть бо дѣтескъ вельми; «слѣдовательно для Новгородцовъ нужно было, чтобы Князь былъ взрослый, который бы могъ самъ наблюдать за порядкомъ и тишиною; Новгородцы непризнавали Княземъ малолѣтнаго; иначе бы Рюрику не зачѣмъ было обходить своего сына и назначать себѣ преемникомъ родственника, сынъ конечно для него былъ ближе всякаго другаго родича. Это прямо показываетъ, что Новгородскій Князь въ то время долженъ былъ быть непремѣнно совершеннолѣтнимъ, который бы самъ управлялъ дѣлами; Новгородцы непризнавали власти только по имени, по ихъ тогдашнимъ понятіямъ права Князя были неразрывно соединены съ личною возможностію исполнять Княжія обязанности; оно такъ и должно быть по тогдашнему состоянію Новгородскаго общества, которое приглашало князя судить и рядить по праву. Во вторыхъ изъ настоящаго же свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Олегъ наслѣдовалъ Рюрику не по тому, что онъ былъ старшій въ родѣ; ибо лѣтопись ясно выставляетъ причину наслѣдованія Олега послѣ Рюрика, — малолѣтство Рюрикова сына Игоря: «вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.» Слова лѣтописи прямо указываютъ, что ежели бы Игорь небылъ дѣтескъ вельми, то Рюрику наслѣдовалъ бы онъ, Игорь, а не Олегъ. Только мало-

---

[34] Пол. соб. лѣт. Т. I стр. 9.

лѣтство Игоря было причиною, что преѣмникомъ Рюрика былъ Олегъ, а отнюдь не родовое старшинство Олега; т. е. будь Игорь при смерти Рюрика совершеннолѣтнимъ, или иначе удовлетвори онъ главному условію Новгородскаго Князя, имѣй возможность лично управлять народомъ; тогда Олегъ никогда бы небылъ преемникомъ Рюрика. Свидѣтельства лѣтописи объ этомъ дѣлѣ нельзя иначе и понимать; и утверждать что Олегъ преемствовалъ Рюрику по родовому старѣйшинству, значитъ искажать самый простый и ясный смыслъ лѣтописи. Въ 3-хъ изъ этаго же свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Олегъ преѣмствовалъ Рюрику не какъ опекунъ Игоря, или временный правитель, ибо лѣтопись говоритъ: «предасть княженье свое Ольгови отъ рода ему суща.» Слѣдовательно Олегъ былъ полнымъ преемникомъ Рюрика, такимъ же Княземъ Новгородскимъ, со всѣми правами и обязанностями какія принадлежали и Рюрику; что подтверждаютъ и самыя дѣйствія Олега, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

По смерти Рюрика Олегъ прожилъ въ Новгородскомъ краю около трехъ лѣтъ, и лѣтопись неотмѣтила сихъ годовъ никакимъ событіемъ; по этому и мы съ достаточнымъ вѣроятіемъ можемъ заключать, что въ это время у Олега и небыло никакихъ замѣчательныхъ событій, что онъ жилъ въ Новгородской землѣ совершенно на правахъ Рюрика, судилъ и рядилъ Новгородцовъ, ѣздилъ въ полюдье и посылалъ своихъ мужей по областямъ для суда и сбора доходовъ; Новгородцы и другія племена, умиренные предусмотрительнымъ Рюрикомъ, незатѣевали никакихъ новыхъ возстаній, и были довольны правленіемъ новаго Князя. Но очевидно не совсѣмъ доволенъ былъ Олегъ, ему тѣсно было въ Новгородѣ; и онъ въ 882 году собрался въ походъ на югъ. Лѣтопись говоритъ: «Въ лѣто 6390 поиде Олегъ, поимъ воя многи: Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи; и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой.» [35] Здѣсь особенно важно для насъ выраженіе лѣтописца: «Поиде Олегъ, поимъ воя многи.» Олегъ собравши много воевъ пошелъ изъ Новгорода, а куда пошелъ не сказано [36]; слѣдовательно лѣтописецъ

---

[35] Пол. соб. л. Т. I. стр. 10.

[36] Въ Софійской и Воскресенской лѣтописи впрочемъ мы имѣемъ варіантъ, что Олегъ изъ Новгорода пошелъ прямо къ Кіеву. «Поиде Олегъ, поимъ Игоря, изъ Новгорода къ Кыеву.» Но этотъ варіантъ весьма важный въ настоящемъ случаѣ опровергается тѣми же лѣтописями; ибо далѣе мы въ нихъ читаемъ: «и оттуду (отъ Смоленска) пріиде внизъ по Днѣпру къ

здѣсь ясно говоритъ, что Олегъ ушелъ изъ Новгорода, чтобы болѣе невозвращаться туда, оставилъ Новгородцовъ, не желая болѣе жить у нихъ, и пошелъ даже самъ не зная куда; по этому настоящій Олеговъ походъ нельзя называть какимъ либо преднамѣреннымъ распоряженіемъ Олега и Новгородцовъ для разпространенія Новгородскихъ владѣній; Олегъ пошелъ собственно для себя а не для Новгородцовъ; лѣтопись неуказала мѣста куда пошелъ Олегъ именно потому, что и для него самаго это было еще не совсѣмъ извѣстно. Когда разсказъ идетъ о воинскихъ походахъ съ цѣлію завоеванія или добычи, то лѣтопись постоянно означаетъ страну или племя, куда назначается походъ. Такъ она говоритъ: «поча Олегъ воевати Деревляны, иде Олегъ на Сѣверяне, иде Олегъ на Греки; или: иде Игорь на Древляны, иде Игорь на Греки; или: иде Святославъ на Козары, иде Святославъ на Дунай на Болгары.» Слѣдовательно лѣтописецъ неуказывая куда пошелъ Олегъ изъ Новгорода, самымъ уже выраженіемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что Олегъ отправлялся не въ походъ, а просто оставлялъ Новгородъ; забравъ съ собою сколько можно болѣе воиновъ изъ Варяговъ, Чуди, Словенъ, Кривичей и другихъ племенъ жившихъ въ Новгородскомъ краю. Послѣдующія разпоряженія Олега вполнѣ подтверждаютъ свидѣтельство лѣтописи, Олегъ болѣе уже невозвращался въ Новгородъ, невозвращались и тѣ воины изъ разныхъ племенъ, которые пошли съ нимъ, они остались при немъ и можетъ быть поселились въ городахъ основанныхъ имъ въ Приднѣпровьѣ; лѣтопись говоритъ: бѣша у него (Олега) Варяги и Словѣни и прочіи прозвашася Русью; се же Олегъ нача городы ставити.» [37]

Такимъ образомъ ежели Олегъ пошелъ изъ Новгорода собственно для себя а не для Новгородцовъ; то рождается вопросъ, — почему же пошли съ нимъ, кромѣ его единоплеменниковъ Варяговъ, Словени, Чудь, Кривичи, Меря и Весь? какимъ образомъ Новгород-

---

горамъ Кіевскимъ; и увидѣвъ Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ.», Слѣдовательно Олегъ подошелъ къ Кіеву нечаянно, не знавъ прежде, что тамъ княжатъ Аскольдъ и Диръ, а не предпринималъ похода на Кіевъ еще будучи въ Новгородѣ, лѣтопись ясно говоритъ: пріиде къ горамъ Кіевскимъ и увидѣвъ, яко Аскольдъ... что совершенно согласно и съ другими лѣтописями.

[37] Пол. соб. лѣт. Т. I. стр. 10.

цы отпустили ихъ? Новгородцы немогли не отпустить ихъ съ Олегомъ; ибо Олегъ былъ Княземъ Новгородскимъ; лѣтопись нигдѣ неупоминаетъ, чтобы Новгородцы отказали ему, и непризнавали его власти. Конечно они могли недавать ему помощи, не собирать воиновъ для похода предпринимаемаго не для нихъ; но Олегъ и неимѣлъ нужды въ сборѣ собственно Новгородскаго войска; ибо очевидно владѣлъ прямо и непосредственно всѣми тѣми городами, которые были уступлены Новгородцами еще Рюрику; мы неимѣемъ никакихъ извѣстій, чтобы города отданные Рюрику были отняты у Олега, напротивъ изъ договоровъ сего послѣдняго съ Греками ясно видимъ, что за нимъ оставались еще Ростовъ и Полотскъ; въ договорѣ сказано: «И заповѣда Олегъ (Грекамъ) даяти уклады на Рускіе городы: первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ.»[38] Слѣдовательно Полотскъ, Ростовъ и другіе города Новгородскаго края уступленные Рюрику постоянно оставались и за Олегомъ; и изъ этихъ-то городовъ и ихъ областей Олегъ могъ набрать и Словенъ, и Чудь, и Мерю, и Весь, и Кривичей, даже не сносясь съ Новгородцами; и Новгородцы не имѣли права вступаться въ этотъ наборъ, какъ вовсе до нихъ неотносящійся; собственно же Новгородскихъ воиновъ лѣтопись неназываетъ въ числѣ отправившихся съ Олегомъ; слѣдовательно ихъ и небыло съ нимъ.

Выходя изъ Новгородской земли Олегъ очевидно устрѣмился на югъ къ Днѣпру; ибо по свидѣтельству лѣтописи онъ прежде другихъ городовъ подошелъ къ Смоленску и занялъ его при помощи сопровождавшихъ его Кривичей единоплеменниковъ Смолнянамъ. Занятіе Смоленска по всему вѣроятію было мирное; разсказъ лѣтописи сильно намѣкаетъ на это: «прииде къ Смоленску съ Кривичи и прія градъ.» Слово *прія* незначитъ *захватилъ*, *завоевалъ*, а принялъ то, что ему отдали добровольно; на добровольное, мирное занятіе Смоленска указываетъ и то, что Олегъ подошелъ къ нему съ Кривичами, единоплеменниками Смольнянамъ: «пріиде къ Смоленску съ Кривичи.» Мирно присоединивши Смоленскъ къ своимъ владѣніямъ, и оставивши тамъ намѣстниковъ, вѣроятно съ дружиною, Олегъ отправился въ низъ по Днѣпру и взялъ Любечь. Здѣсь кажется уже было завоеваніе а не мирное занятіе; ибо лѣтопись говоритъ: «Оттуда (изъ Смоленска) поиде внизъ и взя Любечь и посади мужъ свой.» Глаголъ

---

[38] Ibid. 13.

взя выражаетъ со всемъ не то что *прія*, *взя* значитъ взять силою, захватить, завоевать. По завоеваніи Любеча Олегъ пустился внизъ по Днѣпру и подошелъ къ горамъ Кіевскимъ, и тутъ только узналъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ. Лѣтописецъ именно говоритъ: «Пріидоста къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣ Олегъ яко Аскольдъ и Диръ княжита.» [39] Такъ слово въ слово сказано во всѣхъ спискахъ Несторовой лѣтописи, которыми пользовалась при изданіи Археографическая Коммиссія; таже мысль, хотя въ другихъ словахъ выражена въ Воскресенской лѣтописи: «Пріиде въ низъ по Днѣпру къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣвъ Олегъ яко Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ.» [40] Почти въ тѣхъ же словахъ и въ Никоновской лѣтописи: «Пойде внизъ по Днѣпру, и приде къ горамъ Кіевскимъ; и увѣде Олегъ, яко Оскольдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ.» [41] Въ Рускомъ лѣтописцѣ изданномъ Львовымъ также сказано: «поиде къ горамъ Кіевскимъ и увидавъ, яко Оскольдъ и Диръ въ Кіевѣ князьями.» [42] Только такъ называемый Архангелогородскій лѣтописецъ разногласитъ противъ настоящаго показанія; въ немъ сказано; «Слыша (Олегъ), яко Аскольдъ и Диръ княжита въ Полянѣхъ, и пойде изъ Новгорода воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку.... и приде къ горамъ Кіевскимъ, и узрѣста городъ Кіевъ, и вопросиста у нѣкоего человѣка: кто въ семъ городкѣ княжитъ? Онъ же сказа имъ: Аскольдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ.» [43] Но здѣсь очевидна позднѣйшая передѣлка въ семъ лѣтописцѣ; [44] а по сему настоящее его свидѣтельство неимѣетъ

---

[39] Ibid. 10.

[40] Воскрес. стр. 75.

[41] Ник. Т. I, стр. 24.

[42] Львов. лѣт. Т. I, стр. 20.

[43] Архангел. изд. второе, стр. 7.

[44] Вотъ для доказательства полный разсказъ сего лѣтописца, «Въ лѣто 6389, Ольгово княженіе. Слыша яко Аскольдъ и Диръ княжита въ Полянѣхъ, и пойде изъ Новагорода воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку и пріидоста подъ Смоленескъ, и сташа выше города, и шатры изставиша многи различны цвѣты. Увѣдавше же Смольняне, и изыдоша старѣйшины ихъ къ шатромъ, и спросиша единаго человѣка: Кто сей пріиде? Царь ли, или князь въ велицей славѣ? И изыде изъ шатра Олегъ, имый на рукахъ у себя Игоря, и рече Смоляномъ: сей есть Игорь Князь Рюриковичь Русскій. И нарекоша его Смоляне государемъ; и вдася весь градъ за Игоря. И посади въ немъ намѣстники своя, а самъ пойде по Днѣпру внизъ,

на столько силы, чтобы имъ опровергать единогласное свидѣтельство всѣхъ другихъ лѣтописей и старыхъ и новыхъ. Такимъ образомъ по единогласному свидѣтельству почти всѣхъ лѣтописей должно принять, что Олегъ при своемъ отправленіи изъ Новгорода во все не слыхалъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ, и узналъ объ этомъ только тогда, когда уже подошелъ къ горамъ Кіевскимъ. Это извѣстіе имѣетъ на своей сторонѣ полный авторитетъ, какъ по единогласію въ немъ лѣтописцовъ, такъ и потому что оно согласно и съ предшествующимъ извѣстіемъ лѣтописи о томъ, что Олегъ, удаляясь изъ Новгородскаго края, и самъ путемъ незналъ куда пойдетъ. А по сему историкъ неимѣетъ никакого права, въ противность почти всѣмъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, допустить, чтобы Олегъ еще въ Новгородѣ сбирался на Аскольда и Дира, съ цѣлію присоединить Кіевъ къ Новгородскимъ владѣніямъ и такимъ образомъ забрать въ свои руки большую дорогу изъ Варягъ въ Греки. Большая дорога сія точно лежала именно по Днѣпру, гдѣ шелъ Олегъ, и конечно хотя по слухамъ она была ненеизвѣстна Олегу, онъ можетъ быть ежегодно видалъ Новгородскихъ и Варяжскихъ купцовъ отправлявшихся по этой дорогѣ въ Грецію и по ней же возвращавшихся домой съ дорогими товарами; но ни откуда невидно, чтобы онъ именно шелъ для занятія этой дороги, приведенное же выше свидѣтельство о томъ, что ему неизвѣстно было о занятіи Кіева Аскольдомъ и Диромъ, и потомъ хитрость употребленная имъ противъ нихъ ясно говорятъ, что онъ отправляясь изъ Новгородскаго края вовсе не разчитывалъ на завладѣніе всею дорогою по Днѣпру и даже неготовился къ сему; а шелъ изъ Новгорода просто чтобы нежить тамъ, и захватить себѣ какой либо другой край, какой только удастся, незагадывая впередъ ничего.

Узнавши, что Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ, Олегъ по разсказу лѣтописца: «похорони вои въ лодьяхъ, и другія назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови глаголя: яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря княжича; да пріидета къ намъ къ родомъ своимъ.» По этому приглашенію Аскольдъ

и приде къ горамъ Кіевскимъ, и узрѣста градъ Кіевъ, и вопросиста у нѣкоего человѣка: Кто въ семъ городѣ княжитъ? Онъ же сказа имъ: Аскольдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ.»

и Диръ пришли къ Олегу въ лодью и были убиты воинами скрытыми въ лодьѣ. Послѣ чего Олегъ занялъ Кіевъ и началъ тамъ княжить. Разсказъ лѣтописи о дѣйствіяхъ Олега прямо говоритъ, что онъ съ своими силами нерѣшился вступить въ открытую борьбу съ Аскольдомъ и Диромъ, слѣдовательно небылъ увѣренъ въ побѣдѣ и и нещиталъ своихъ силъ довольно достаточными для битвы съ такими отчаянными храбрецами, каковы были Аскольдъ и Диръ съ ихъ дружиною повольниковъ; въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы хитрить, а подошелъ бы прямо къ Кіеву съ своею дружиною, точно также какъ и къ Любечу. Хитрость Олегова разсказанная лѣтописцемъ имѣетъ важное значеніе для историка: она во 1-хъ, свидѣтельствуетъ, что Олегъ, такъ сказать, наткнулся на Аскольда и Дира нечаянно вовсе не готовый къ открытой борьбѣ; во 2-хъ, она указываетъ, что Новгородскіе и Варяжскіе гости часто спускались по Днѣпру къ Константинополю, что эта дорога была обычнымъ торговымъ путемъ Новгородцовъ, что Новгородъ въ это время велъ довольно дѣятельную торговлю съ Греками; и что сами Князья принимали въ ней участіе; ибо Олегъ прямо извѣщаетъ Аскольда и Дира: «яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря Княжича.» А естественно что въ настоящемъ случаѣ для приглашенія Аскольда и Дира ему нужно было придумать самый обыкновенный предлогъ, чтобы неподать имъ какого либо подозрѣнія нащетъ себя; въ 3-хъ, наконецъ эта же хитрость показываетъ, что Аскольдъ и Диръ, засѣвши въ Кіевѣ непрерывали тѣснаго знакомства съ Варягами и Новгородцами, неопускали случаевъ видаться и разговаривать съ проѣзжающими Новгородскими и Варяжскими купцами; что они держались въ Кіевѣ собственно только наплывомъ къ нимъ Новгородскихъ и Варяжскихъ пришельцовъ повольниковъ, которые по тогдашнему обычаю могли пріѣзжать вмѣстѣ съ купцами; слѣдовательно небыли полными владѣльцами Кіевскаго приднѣпровья и неимѣли крѣпкихъ связей съ туземнымъ народонаселеніемъ. Въ противномъ случаѣ Олегъ назвавши себя Новгородскимъ гостемъ идущимъ въ Грецію, нерѣшился бы приглашать ихъ въ такихъ словахъ: «да пріидете къ намъ родомъ своимъ.» Да и Аскольдъ и Диръ не пошли бы на такое приглашеніе, а скорѣе бы пригласили пріѣзжаго гостя къ себѣ

Самая легкость занятія Кіева по убіеніи Аскольда и Дира свидѣтельствуетъ, что сіи предводители повольниковъ, оставались таковыми и въ Кіевѣ, и неимѣли крѣпкихъ связей съ тамошнимъ народонаселеніемъ. Въ лѣтописи сказано: «Аскольдъ и Диръ пріидоста; вы-

скакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь рода княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погрѣбоша и на горѣ, иже ся нынѣ зоветь Угорьское... Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ.»[45] Здѣсь нѣтъ и помину о сопротивленіи Кіевлянъ или дружины Аскольдовой; ясно что Кіевляне непринимали никакого участія въ дѣлахъ Аскольда и его повольниковъ; а повольники лишившись своихъ предводителей вовсе неимѣли нужды въ сопротивленіи Олегу, ибо собственно они ничего нетеряли отъ занятія Кіева Олегомъ, оставшись рѣшительно притомъ же при чемъ были у Аскольда и Дира, могли жить по прежнему въ Кіевѣ, могли и уйдти куда угодно. Олегъ даже былъ радъ присоединить къ своей дружинѣ эту неугомонную вольницу; ибо недумая возвращаться въ Новгородъ онъ нуждался въ увеличеніи своихъ силъ, чтобы быть дѣйствительнымъ и полнымъ владѣльцомъ въ Приднѣпровьѣ; здѣсь буйству повольниковъ онъ могъ дать надлежащее направленіе въ войнахъ съ сосѣдями, что онъ и сдѣлалъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Здѣсь онъ былъ совсѣмъ не въ тѣхъ отношеніяхъ въ какихъ Рюрикъ въ Новгородѣ: Рюрикъ, опасаясь непріятныхъ встрѣчь молодой вольницы съ сильною старою общиною его пригласившею для тишины и наряда, по неволѣ долженъ былъ здерживать или удалять отъ себя повольниковъ; у Олега же этой необходимости небыло, Приднѣпровскіе старожилы его неприглашали, онъ завладѣлъ ими самъ, обидимые, тихіе Поляне для него были неопасны, онъ небоялся ихъ столкновеній съ повольниками. Да и притомъ, судя по всѣмъ дѣламъ, нельзя непризнать, что Олегъ имѣлъ со всѣмъ не такой характеръ, какой былъ у Рюрика: онъ непрожилъ въ Новгородѣ и трехъ лѣтъ, тогда какъ Рюрикъ жилъ тамъ семнадцать лѣтъ; и утвердившись въ Приднѣпровьѣ онъ непереставалъ дѣлать нападенія во всѣ стороны. Все это показываетъ, что и личному характеру Олега повольники немогли найти себѣ лучшаго предводителя, а для него ненужно было лучшей дружины, какъ повольники Аскольдовы закаленные въ битвахъ и нелюбившіе сидѣть дома. А посему естественно можно предположить, что Аскольдова дружина вся признала своимъ предводителемъ Олега, и осталась при немъ; этому непротиворѣчатъ и лѣтописи, которыя нигдѣ даже не намѣка-

---

[45] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 10.

ютъ, чтобы дружинники Аскольдовы вышли изъ Кіева при занятіи его Олегомъ; а напротивъ послѣдующія дѣйствія Олеговы прямо указываютъ, что Олегъ усилилъ себя Аскольдовою дружиною; ибо до убіенія Аскольда и Дира онъ нерѣшался даже вступить въ открытую борьбу съ ними, а по смерти ихъ вдругъ объявилъ Кіевъ матерію городовъ Рускихъ, поселился въ немъ и началъ дѣлать походы во всѣ стороны.

Смерть Аскольда и Дира, занятіе Кіева и присоединеніе Аскольдовыхъ повольниковъ къ дружинѣ Олеговой совершенно измѣнили отношенія Олега къ Новугороду. Лѣтопись говоритъ: «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати градомъ Рускимъ.» Бѣша у него Варяги и Словѣни, и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.»[46] Такимъ образомъ изъ настоящаго свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Олегъ по занятіи Кіева изъ Скандинавскаго Конунга, какимъ онъ былъ, по примѣру Рюрика, въ Новгородѣ, сдѣлался самостоятельнымъ владѣтелемъ покореннаго имъ Приднѣпровья, и Приднѣпровскій Кіевъ объявилъ своимъ столынымъ городомъ, и назвалъ матерію городовъ Русскихъ, причемъ имя Руси отъ Новгорода перенеслось на на Приднѣпровскій край. Новгородцамъ послѣ этаго нечего уже было ждать его возвращенія въ Новгородъ; имъ оставалось одно изъ двухъ: искать новаго Князя или вступить въ новыя отношенія къ Олегу; они какъ должно полагать по ходу дѣлъ рѣшились на послѣднее. И сіи новыя отношенія для Олега были весьма важны, сдѣлавшись самостоятельнымъ владѣтелемъ Приднѣпровья онъ пересталъ уже зависѣть отъ Новгородской общины, а между тѣмъ по прежнему остался непосредственнымъ владѣтелемъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя были уступлены Новгородцами Рюрику, не потерялъ Рюриковыхъ правъ на самый Новгородъ, и даже кажется увеличилъ ихъ обязавши Новгородцовъ каждогодно платить Варягамъ по 300 гривенъ мира дѣля, т. е. за то, что Варяги Олеговы не будутъ тревожить и тѣснить Днѣпровскую торговлю Новгородцовъ; чего конечно они неплатили Рюрику, ибо онъ не владѣлъ Днѣпромъ и немогъ тѣснить ихъ торговли на этомъ пути. Это послѣднее разпоряженіе Олега показываетъ, что Новгородъ и при новыхъ отношеніяхъ къ

[46] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 10.

Князю остался по прежнему самостоятельнымъ и независимымъ владѣніемъ, и признавалъ надъ собою власть Олега, непотому что сей владѣлъ Кіевомъ, но потому что онъ согласился быть Княземъ Новгородскимъ. Конечно ежели бы Новгородцы поступили въ одинакія съ Кіевлянами отношенія къ Олегу; то сей послѣдній неимѣлъ бы повода брать съ нихъ особую дань за право торговли по Днѣпру, ибо онъ не облагалъ же за это данью Кіевлянъ. Словъ же лѣтописи: «устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля.» Нельзя иначе объяснить, какъ данью за безпрепятственную торговлю по Днѣпру, который теперь принадлежалъ Варягамъ Олеговымъ; о торговлѣ же Новгородцовъ по Днѣпру до Константинополя мы имѣемъ прямое свидѣтельство Константина Богрянороднаго, (писавшаго во время Игоря), который говоритъ, что Руссы ѣздя водою въ Царьградъ изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода приходили въ Кіевъ.[47] Ибо ежели принять здѣсь толкованіе, что Олегъ уставилъ давать 300 гривенъ Варягамъ оставленнымъ въ Новѣгородѣ; то этому противорѣчитъ прямое свидѣтельство лѣтописи, что Князья Новгородскіе своимъ дружинникамъ въ Новѣгородѣ выдавали особую плату; такъ Несторъ говоритъ о Ярославѣ и другихъ Новгородскихъ посадникахъ: «Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомъ дающу Кіеву двѣ тысячи гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху: а тако даяху посадницы Новъгородстіи.»[48] Слѣдовательно 300 гривенъ назначенныя Олегомъ въ выдачу Варягамъ отъ Новгорода, относятся не къ тѣмъ Варягамъ, которые оставались тамъ; при томъ мы неимѣемъ никакихъ извѣстій оставлялъ ли Олегъ Варяговъ въ Новгородѣ, а по ходу дѣлъ скорѣе должно допустить, что неоставлялъ; ибо это не нужно было ни для него ни для Новгородцовъ, Г. Погодинъ въ своихъ лекціяхъ это доказалъ убѣдительно и ясно. Нельзя также согласиться, чтобы 300 гривенъ назначались вмѣсто дани Варягамъ заморскимъ; ибо по прямому свидѣтельству лѣтописи, платежъ 300 гривенъ былъ назначенъ Олегомъ: «и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля.» А Олегъ не не владѣлъ заморскими Варягами, слѣдовательно немогъ приказать, чтобы они жили мирно съ Новгородцами; а по сему неимѣлъ никакого права назначать имъ дань за соблюденіе мира; ежели бы Новгородцамъ нужно было покупать миръ у заморскихъ Варяговъ, то они

---

[47] Bandur. T. I, de admin. Imp. Const. Porph. pag. 59.

[48] Полн. Собр. лѣт. Т. I, стр. 10.

объ этомъ толковали бы съ самими Варягами, а не съ Олегомъ, которому до заморскихъ Варяговъ во все небыло дѣла, и который живучи далеко на югѣ не могъ имѣть на нихъ никакого вліянія. Притомъ лѣтопись говоря о Ярославѣ прямо свидѣтельствуетъ, что онъ по условію платилъ 2000 гривенъ Кіеву, а прежде въ той же лѣтописи сказано, что дань, назначенная Олегомъ Варягамъ, платилась Новгородцами до смерти Ярославовой; слѣдовательно при снесеніи сихъ двухъ свидѣтельствъ оказывается яснымъ, что 300 гривенъ назначенныя Олегомъ платились именно Варягамъ Кіевскимъ, а не другимъ какимъ, урокомъ дающе Кіеву, по словамъ лѣтописи. [49]

Оставшись въ Кіевѣ и назвавъ его матерью городовъ Рускихъ, Олегъ занялся устройствомъ своего новаго владѣнія въ Приднѣпровьѣ. по свидѣтельству лѣтописей онъ началъ строить здѣсь города. «Се же Олегъ нача городы ставити.» Мы незнаемъ по лѣтописямъ какіе города построилъ Олегъ; но нѣтъ сомнѣнія, что города сіи были, собственно въ Кіевской области въ странѣ Полянъ; т. е. на правомъ берегу Днѣпра, можетъ быть на пространствѣ между устьевъ Припети и Роси и на западъ до верховьевъ Тетерева и Ирши; ибо Олегъ съ начала владѣлъ только этимъ краемъ, далѣе на западъ и востокъ онъ проникъ послѣ. Постройка городовъ въ Приднѣпровьѣ прямо показываетъ, что Олегъ хотѣлъ быть настоящимъ владѣтелемъ страны, и старался соединить интересы туземцовъ съ интересами своей дружины, его цѣль состояла въ томъ, чтобы сдѣлать Приднѣпровье настоящею Русью не по одпому названію, но и по составу народонаселенія; въ чемъ онъ и успѣлъ совершенно. Его дружинники по всему вѣроятію большею частію безсемейные, поселясь въ новопостроенныхъ городахъ приднѣпровья, естественно вступили въ семейныя связи съ Полянами, и такимъ образомъ составили новое Русское племя, въ которое отъ Полянъ перешли Славянскій языкъ и можетъ быть мягкость правовъ прославляемая лѣтописцемъ. Кромѣ этаго наслѣдія Полянской крови, новое племя сдѣлалось совершенно инымъ, прежде обидимое и мирное, оно теперь стало воинственнымъ и предпріимчивымъ, и вскорѣ господствующимъ на востокъ и западъ отъ Днѣпра; въ немъ сѣверное упорство, неутомимость въ трудахъ, и какая-то страсть къ борьбѣ съ препятствіями соединились съ южнымъ пыломъ страстей, воспріимчивостію, хитростію и энергіею, то скрывающеюся за лѣнью и безпечностію, то выступающею наружу съ не-

[49] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 56.

укротимымъ бѣшенствомъ. Плоды таковаго соединенія незамедлили выказаться даже въ поколѣніи современномъ Олегу: Днѣпръ — эта большая дорога сѣверныхъ торговцевъ въ Грецію, еще при Олегѣ покрылся доселѣ неизвѣстными ладьями Приднѣпровской Руси; Кіевляне приняли дѣятельное участіе въ торговлѣ Греческой и, какъ вскорѣ увидимъ изъ договоровъ Олега съ Греками, купцы Кіевскіе сдѣлались обычными посетителями Константинополя; племена сосѣднія доселѣ обижавшія Полянъ скоро сами подверглись нападеніямъ Олега и его Приднѣпровской Руси. Конечно во всемъ этомъ при Олегѣ еще сильно участвовала Русь приведенная съ Сѣвера, она такъ сказать была во главѣ тогдашней дѣятельности приднѣпровскаго края; но нельзя отвергать и участія собственно Полянъ, ибо воспріимчивость и энергія южнаго Славянина получивъ толчокъ, и видя образцы дѣятельности въ своихъ новыхъ соотечественникахъ, немогли оставаться въ усыпленіи.

На другой годъ по занятіи Кіева Олегъ отправился на западъ отъ Днѣпра противъ Древлянъ, можетъ быть къ берегамъ Случи или Уши. Эта страна по свидѣтельству лѣтописца тогда была покрыта лѣсомъ, и племя жившее тамъ было уже извѣстно своею воинственностію и нападеніями на Полянъ. Лѣсная мѣстность и воинственность Древлянъ представили Олегу сильныя препятствія въ этомъ походѣ. По словамъ лѣтописи Олегъ долженъ былъ примучить Древлянъ, т. е. выбивать ихъ изъ засѣкъ и другихъ лѣсныхъ укрѣпленій; но для неукротимыхъ дружинниковъ Кіевскаго Князя такія препятствія немогли служить преградою неодолимою; Древляне наконецъ измучились и согласились платить дань по черной кунѣ отъ дыма или жилья.[50] Въ слѣдующемъ году Олегъ переправился на лѣвый берегъ Днѣпра и вступилъ въ землю Сѣверянъ, которые тогда были еще данниками Хазаръ. Это племя довольно сильное, богатое, и какъ мы уже видѣли, находившееся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Камскою Болгаріею, Хазарами и Греками [51], старалось также дать отпоръ Олегу, но было побѣждено и обложено данью; только Олегъ, на это племя по словамъ лѣтописи наложилъ дань легкую, и запретилъ Сѣверянамъ платить дань въ Хазарію; онъ сказалъ: «я противникъ Хазарамъ, а вамъ до нихъ нѣтъ дѣла.» Покоривъ Сѣверянъ Олегъ послалъ за данью къ Радимичамъ полудикимъ жителямъ рѣки Сожи,

[50] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 10.
[51] Русск. зем. до Рюрик. стр. 15—28.

также Хазарскимъ данникамъ. Радимичи непротивились, и дали ту самую дань, которую платили Хазарамъ; въ лѣтописи сказано: «и вдаша Ольгови по щлягу, яко же Козаромъ даяху.» Мы не знаемъ что именно называлось щлягомъ, по всему вѣроятію это было мѣстное названіе какой либо звѣриной шкуры, полудикимъ бѣднымъ Радимичамъ жившимъ въ лѣсахъ нечѣмъ было платить дань, какъ только звѣриными шкурами. Самое слово Szelag Польское и образовалось изъ Старонѣмецкаго Schin, кожа; Радимичи по свидѣтельству Нестора были старыми пришельцами изъ Польши, слѣдовательно очень легко могли удержать въ своемъ нарѣчіи Польское слово Szelag въ его первоначальномъ значеніи звѣриной шкуры, а не монеты, которую оно стало означать послѣ.

Обложивъ данью Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, Олегъ вступилъ въ упорную борьбу съ другими Славянскими племенами жившими на западъ и югозападъ отъ Днѣпра; и во первыхъ пошелъ на Уличей и Тиверцовъ, которыхъ города были разсыпаны на всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Дуная.[52] Сіи два племени невдругъ подчинились Олегу; лѣтопись подъ 885 годомъ говоритъ: «а съ Уличи и Тѣверцы имяше рать;» но нѣтъ сомнѣнія, что Кіевскій Князь въ послѣдствіи здѣсь имѣлъ какой-либо успѣхъ, по крайней мѣрѣ у Тиверцовъ, ибо лѣтопись подъ 907 годомъ изчисляя племена участвовавшіе съ Олегомъ въ походѣ на Грековъ, упоминаетъ между прочими и Тиверцовъ. Кромѣ того въ продолженіи 22 лѣтъ протекшихъ отъ покоренія Радимичей до похода на Грецію, Олегъ вѣроятно побѣдилъ еще Хорватовъ прилегавшихъ къ Карпатскимъ горамъ, можетъ быть по Сану и Вислоку, а также Дулѣбовъ или Бужанъ жителей Волыни; ибо въ изчисленіи племенъ участвовавшихъ въ Греческомъ походѣ упоминаются и Хорваты и Дулѣбы. Такимъ образомъ двадцать пять лѣтъ, отъ занятія Кіева до похода на Грековъ, Олегъ провелъ почти въ безпрестанныхъ войнахъ съ Славянскими племенами, преимущественно жившими на западъ отъ Днѣпра. Конечно прямой видимой пользы для Государства и для преемниковъ Олеговыхъ въ этихъ войнахъ почти небыло, большая часть племенъ, воевавшихъ съ Олегомъ надолго еще остались независимыми; съ Кіевскимъ владѣніемъ соединились только Кривичи, Сѣверяне, и можетъ быть другія ближайшія племена; но тѣмъ неменѣе все это время было раздольемъ для повольниковъ и всѣхъ дружинниковъ Олеговыхъ.

[52] Полн. собр. лѣт. Т. I, стр. 5.

Всѣ непосѣды, вся удаль стекалась къ Князю не хотевшему знать покоя, его дружины съ каждымъ новымъ походомъ росли болѣе и болѣе, необходимая убыль въ битвахъ всегда съ излишкомъ пополнялась новыми пришельцами, ибо каждый удалецъ, каждый бездомникъ спѣшилъ присоединиться къ дружинамъ идущимъ почти за вѣрною добычею; а бездомниковъ и удальцовъ тогда было много и въ Скандинавіи, у Кривичей и въ Новгородскомъ краю, и знакомый Днѣпръ ихъ прямо велъ къ Олегу; а также Полянская и Сѣверянская молодежъ возбуждаемая успѣхами и привлекательною жизнію пришельцовъ вѣроятно не сидѣла дома. Кромѣ того каждый походъ обогащая дружины добычею увеличивалъ въ то же время народонаселеніе Приднѣпровскаго края приводомъ плѣнниковъ, не всѣхъ же ихъ отводили на продажу, значительная часть вѣроятно оставалась въ Приднѣпровьи, какъ рабы или какъ необходимые поселенцы въ городахъ и селахъ. Относительно обычая поселять плѣнниковъ въ Приднѣпровскихъ городахъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи; такъ Ярополкъ въ 1116 году выстроилъ въ своей Переяславской области городъ Желди для плѣнныхъ Дручанъ;[53] ежели это дѣлали въ XII столѣтіи, то въ IX и X столѣтіяхъ этотъ обычай необходимо былъ еще сильнѣе по самымъ потребностямъ Приднѣпровскаго края. Народонаселеніе Полянскаго Приднѣпровья очевидно росло съ изумительною быстротою, а это-то и нужно было для Олега; государства въ собственномъ смыслѣ тогда еще небыло, оно лишь зараждалось; и посему пріобрѣтеніе огромныхъ и отдаленныхъ земель, было почти безполезно для Олега и его вновь созданной Руси, ему нужно было преимущественно народонаселеніе, усиленіе и перерожденіе обидимыхъ Полянъ переименованныхъ въ Приднѣпровскую Русь. И походы Олега на сосѣднія Славянскія племена очевидно въ полнѣ удовлетворяли этой настоятельной потребности; ибо дѣйствительно вскорѣ Полянское Приднѣпровье дѣлается цвѣтущимъ и многолюднымъ, а Кіевъ богатымъ и сильнымъ, и даже соперникомъ Константинополю, по крайней мѣрѣ по далекой молвѣ.[54]

Подъ 898 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что въ этотъ годъ Угры или Венгры прошли мимо Кіева. Это движеніе новаго незнакомаго

---

[53] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 7.

[54] Дитмаръ. Chronic. «in hac magna civitate (т. е. Кіевѣ), quae istius regni caput est, plusquam quadringinta habentur ecclesiae et mercatus VIII. Адамъ Бремен. Hist. eccles. L. II. cap. 13. «Ostragard Russiae, cujus metropolis civitas est Chive aemula sceptri Constantinopolitani.

еще Приднѣпровью народа очевидно неимѣло никакого вліянія на владѣнія Олега. Лѣтописецъ говоритъ: «прошли Угры мимо Кіева берегомъ, и перешедши Днѣпръ стояли вежами на горѣ (подъ Кіевомъ), которая съ того времени получила прозваніе Угорскаго. Они очень походили на Половцовъ, и пришли съ востока, и потомъ устрѣмились черезъ великія горы, въ послѣдствіи назвавшіяся Угорскими, и стали воевать съ живущими тамъ Волохами и Словѣнами.»[55] Нѣтъ сомнѣнія, что Угры дѣйствительно мирно прошли Приднѣпровьемъ; ибо преданіе вѣрно очеркнувшее внѣшній видъ ихъ, и даже не забывшее урочища, гдѣ стояли Угорскія вежи подъ Кіевомъ, конечно немогло бы не знать о нападеніи Угровъ и борьбѣ съ ними Олега, ежели бы на самомъ дѣлѣ было что нибудь подобное. Движеніе же Угровъ на западъ именно было около этаго времени и по свидѣтельству другихъ источниковъ Византійскихъ и западныхъ.

По всему вѣроятію къ этому времени можно отнести знакомство Приднѣпровскихъ Руссовъ съ Славянскою грамотою изобрѣтенною Кириломъ и Меѳодіемъ; ибо Несторъ, упомянувши о движеніи Венгровъ на западъ мимо Кіева, тутъ же разсказываетъ, что Моравскіе Князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ отправили посольство къ Греческому Императору Михаилу просить учителей для преложенія священныхъ книгъ на Славянскій языкъ; и что по сей просьбѣ были присланы императоромъ ученые уроженцы Селуня братья Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) и Меѳодій, которые и составили Славянскую азбуку и перевели на Славянскій языкъ Апостолъ, Евангеліе и другія священныя книги. И притомъ замѣчаетъ, что грамота, изобрѣтенная Кирилломъ и Меѳодіемъ для Моравлянъ, есть именно та самая, которая употребляется на Руси и у Дунайскихъ Болгаръ. «Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словеньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.»[56] Но по другимъ источникамъ извѣстно, что посольство Моравскихъ князей въ Константинополь было отправлено въ 862 году, а въ 898 году не только небыло въ живыхъ Кирилла (который умеръ въ 868 году), но и Меѳодій уже скончался за 13 лѣтъ до этаго года.[57] Слѣдовательно можно предполагать, что Несторъ не почему другому упомянулъ подъ 898 годомъ объ изобрѣтеніи Славянской грамоты,

[55] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 10.
[56] Ibid. 11.
[57] Чтен. Общ. Истор. 1846 г. № 4. Стат. Епископа Филарета.

какъ потому, что она около этаго времени сдѣлалась извѣстною на Руси; это же подтверждается и тѣмъ, что около этаго времени Христіанство стало дѣлать нѣкоторые успѣхи между Приднѣпровскими Руссами, такъ мы знаемъ, что уже Аскольдъ и Диръ были Христіанами, а при Олегѣ Греки полагали въ Россіи особую епархію въ числѣ подвѣдомыхъ Константинопольскому Патріарху.[58] Греки же конечно учили Русскихъ Христіанской вѣрѣ по Славянскимъ книгамъ переведеннымъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Какъ бы то нибыло почти нѣтъ сомнѣнія, что Славянская грамота вмѣстѣ съ Христіанствомъ проникла въ Приднѣпровье при Олегѣ; этому самымъ яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ служатъ договоры Олега и Игоря съ Греками писанные по Славянски; ежели бы грамота изобрѣтенная Кирилломъ и Меѳодіемъ не была знакома Приднѣпровцамъ, то конечно не зачѣмъ было и писать договоровъ по Славянски.

Въ 907 году Олегъ пустился въ Грецію, въ этотъ любимый край удалыхъ Варяговъ, гдѣ они всегда надѣялись достать себѣ много золота и другихъ драгоцѣнностей. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ отправляясь въ этотъ походъ оставилъ Игоря въ Кіевѣ, и взялъ съ собою множество Варяговъ, Словѣнъ, Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцовъ, и конныхъ и пѣшихъ, конные шли берегомъ, а пѣшіе въ корабляхъ или лодіяхъ, которыхъ по его щету было 2000, по сороку человѣкъ въ каждой. Мы незнаемъ точно ли столько было рати съ Олегомъ, ибо кромѣ свидѣтельства представляемаго нашимъ лѣтописцемъ въ настоящее время у насъ нѣтъ никакихъ другихъ извѣстій объ Олеговомъ походѣ; но мы почти не можемъ сомнѣваться, что лѣтописецъ писалъ о немъ не по одному преданію но и по Греческимъ источникамъ, теперь еще неотысканнымъ; ибо въ разсказѣ его племена Славянскія сопровождавшія Олега, вообще называются Скифскими («си вси звахуться великая Скуѳь»), и въ самомъ Олегѣ Греки видятъ Св. Димитрія, посланнаго на нихъ Богомъ. («И ркоша Грецѣ: нѣсть се Олегъ, но Св. Дмитрій, посланъ на ны отъ Бога.») А названіе Скифи и представленіе Олега Св. Димитріемъ рѣшительно невозможны въ древнемъ языческомъ преданіи Приднѣпровскихъ Руссовъ, для которыхъ собирательнымъ общимъ именемъ Славянскихъ

[58] Codini de offic. mag. eccl. Paris. 1648. T. I. стр. 379. И *Ἔκθεσις νεα Ἀνδρανικου Βασιλεως ὅς τις τὰς τοῦ Κωνσαντινουπόλεως μητροπόλεις.* (Bandurij imperium orientale T. I. pag. 233).

племенъ была живая Русь, а не мертвая сохранившаяся только въ книгахъ Греческихъ Хронографовъ Скифь, и Олегъ по Русски назывался вѣщимъ, а не Св. Димитріемъ, котораго Приднѣпровцы во все незнали. Въ одномъ хронографѣ XVI вѣка есть даже извѣстіе, что разсказъ объ Олеговомъ походѣ на Грековъ взятъ именно изъ Греческаго лѣтописца.[59] Сообразя такимъ образомъ источники лѣтописнаго разсказа, мы со всею вѣроятностію можемъ допустить, что число рати Олеговой слишкомъ увеличено, какъ это обыкновенно дѣлалось Византійскими лѣтописцами при изчисленіи варварскихъ войскъ нападавшихъ на Византійскія владѣнія.

Далѣе лѣтописецъ прямо разсказываетъ о высадкѣ Олеговой рати предъ Константинополемъ, о жестокостяхъ произведенныхъ Руссами въ окрестностяхъ Греческой столицы и объ ужасѣ Грековъ. «Олегъ по его словамъ подошелъ къ Царюгороду, и Греки замкнули проливъ, а городъ затворили. И вышелъ Олегъ на берегъ и приказалъ воемъ вытаскивать корабли, воины начали воевать около города, избивать Грековъ, грабить и разорять загородныя дворцы Греческихъ вельможъ, жечь церкви, поподавшихся плѣнниковъ мучить разными жуками, кого посѣкать мечами, кого разстрѣливать, кого бросать въ море, какъ обыкновенно дѣлаютъ ратные люди. Потомъ Олегъ приказалъ воинамъ сдѣлать колеса и поставить на нихъ корабли, и когда вѣтеръ потянувшій съ моря надулъ паруса, корабли сами пошли къ городу. Греки увидавши это въ ужасѣ выслали сказать Олегу: «не губи города, мы готовы платить тебѣ дань, сколько хочешь.» Олегъ остановилъ рать, и изъ города вынесли къ нему вино и пищу, но онъ непринялъ ничего подозрѣвая отраву. Это подозрѣніе смутило Грековъ и они сказали: «это не Олегъ а Св. Димитрій, котораго послалъ на насъ Богъ.» Олегъ же потребовалъ дани на 2000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а въ каждомъ кораблѣ было по 40 человѣкъ. Греки дали обѣщаніе платить требуемую дань, и начали просить о прекращеніи войны. Олегъ отошелъ нѣсколько отъ города и вступилъ въ переговоры съ Греческими Царями Львомъ и Александромъ, послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемида съ требованіемъ дани. Греки сказали сколько же хотите? Олегъ въ отвѣтъ на это, потребовалъ выдать воинамъ на 2000 кораблей по 12 гривенъ на ключь, и кромѣ того назначилъ уклады на Русскіе города: во первыхъ на Кіевъ,

[59] Библ. Погод. Хроногр. № 4.

потомъ на Черниговъ, на Переяславль, на Полоцкъ, на Ростовъ, на Любечь и на другіе города; въ которыхъ сидѣли Князья подчиненные Олегу; притомъ назначилъ, чтобы Руссы приходящіе въ Грецію получали хлѣбъ сколько хотятъ, а ежели придутъ гости, то имъ выдавалась бы мѣсячина на шесть мѣсяцевъ и хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыба, и овощи, и неостанавливали бы ихъ мыться въ баняхъ сколько пожелаютъ; а когда пойдутъ назадъ въ Русь, то снабжать ихъ изъ царской казны съѣстными припасами на дорогу, якорями, парусами и канатами сколько понадобится. Цари и бояре Греческіе согласились, но съ условіемъ, чтобы нетребовали мѣсячины тѣ изъ Руссовъ, которые придутъ не для купли, чтобы Князь запрѣтилъ приходящихъ Руссамъ грабить села въ странѣ Греческой, — чтобы Руссы останавливались у Св. Мамы,[60] куда будутъ приходить къ нимъ царскіе чиновники для переписи именъ пришельцовъ и для выдачи мѣсячины сперва Кіевлянамъ, потомъ Черниговцамъ, Переяславцамъ и другимъ, чтобы Руссы входили въ Константинополь только одними воротами, съ царскимъ приставомъ, безъ оружія и небольше 50 человѣкъ въ одинъ разъ, въ городѣ имъ дозволяется производить куплю, какая понадобится, и неплатить мытныхъ пошлинъ. Олегъ согласился на условія, и Цари Греческіе заключили миръ и въ исправномъ платежѣ дани и исполненіи всѣхъ условій договора дали клятву и цѣловали крестъ; Олегъ же и его мужи въ утвержденіе мира клялись по Русскому закону оружіемъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотьимъ богомъ. Послѣ чего Олегъ приказалъ сшить паруса Руссамъ изъ паволокъ, а Словѣнамъ кропійныя, и когда это было приготовлено, то отправился домой, повѣсивши въ знакъ побѣды Русскіе щиты на вратахъ Константинопольскихъ. Тѣмъ и кончился походъ, Олегъ воротился въ Кіевъ неся золото, паволоки, овощи,

---

[60] Подъ именемъ Св. Мамы здѣсь конечно должно разумѣть церковь и предмѣстіе Св. Мамонта находившееся по ту сторону залива. Неизвѣстный описатель мѣстностей Константинопольскихъ, отысканный Бандуріемъ, въ числѣ монастырей и церквей лежавшихъ за заливомъ отъ Константинополя именно помѣщаетъ церковь Св. Мамонта и не далеко отъ нея дворецъ Льва Мацеласа и ипподромъ, а также мостъ о 12 аркахъ, равный величиною Халкидонскому (Imper. Orient. T. I, parc. III, pag. 57—58.) Петръ Гиллій собираетъ всѣ свидѣтельства о мѣстности Св. Мамонта, изъ которыхъ также видно, что церковь сія была въ предмѣстіи Константинополя (ibid. 416).

вина и всякія узорочья; и народъ прозвалъ его *вѣщимъ*,[61] т, е. Волхвомъ, вѣдуномъ.

Разсказъ первоначальнаго лѣтописца о походѣ Олеговомъ подъ Константинополь представляетъ много данныхъ, которыя довольно хорошо характеризуютъ состояніе Приднѣпровской Руси при Олегѣ; а по сему здѣсь нелишнимъ будетъ нѣсколько подробный разборъ этого разсказа. Лѣтописецъ начинаетъ тѣмъ, что Олегъ отправляясь въ походъ оставилъ Игоря въ Кіевѣ, это извѣстіе намекаетъ, что Олегъ и прибывшая съ нимъ Русь находились въ шаткихъ отношеніяхъ къ Приднѣпровью, что Русь держалась тамъ только силою, и неуспѣла еще слиться съ Славянскими племенами тамошняго края, хотя большею частію и подчинила ихъ, въ противномъ случаѣ Олегу слѣдовало бы взять Игоря съ собою въ походъ, ибо Игорю въ это время было никакъ неменѣе 29 лѣтъ, слѣдовательно онъ былъ бы необходимымъ помощникомъ въ походѣ, какъ главный предводитель войска послѣ Олега. А посему ежели Олегъ невзялъ его въ походъ, то значитъ, что Игорь былъ необходимъ въ Кіевѣ для удержанія Приднѣпровья въ покорности. Это объясненіе лѣтописнаго извѣстія вполнѣ подтверждается всѣми тогдашними обстоятельствами: Русь прибывшая съ Олегомъ жила еще очень недавно въ Приднѣпровьѣ и немогла слить своихъ интересовъ съ интересами туземцовъ, она долго еще отличалась отъ нихъ даже языкомъ (какъ свидѣтельствуютъ Русскія и Славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ записанныя у Константина Порфиророднаго, писавшаго между 949—952 годами); и по сему конечно щиталась пришлымъ а неродственнымъ племенемъ; притомъ же Поляне принявшіе Олега безъ сопротивленія и слѣдовательно болѣе сроднившіеся съ Русью поселившеюся между ними, были очень незначительны и слабы въ сравненіи съ сосѣдними племенами и сами нуждались въ защитѣ; а новые поселенцы изъ разныхъ племенъ посаженные Олегомъ въ построенныхъ имъ городахъ, конечно не совсѣмъ дружелюбно смотрѣли и на Полянъ, и могли удерживаться въ повиновеніи только силою. Самое изчисленіе племенъ участвовавшихъ въ Олеговомъ походѣ, представленное лѣтописцемъ, показываетъ, что племена сіи еще не составляли одного цѣлаго, что между ними небыло внутренней жизненной связи, и что они участвовали въ походѣ только по принужденію, по требованію внѣшней силы еще не-

[61] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 12—13.

давно доказавшей имъ свое превосходство. Лѣтописецъ вѣрный преданію не употребляетъ здѣсь общаго названія Руси, которое было сообщено всему Приднѣпровью еще съ занятія Кіева Олегомъ; а напротивъ исчисляетъ всѣ племена поименно, и даже Русь, приведенную Олегомъ съ Сѣвера, называетъ Варягами а не Русью. Значитъ имя Руси тогда еще не сроднилось съ Славянскими племенами Приднѣпровскаго и Заднѣпровскаго края, такъ что народное преданіе неохотно вспоминаетъ о немъ, а скорѣе обращается къ частнымъ названіямъ каждаго племени; Приднѣпровскому преданію было какъ то дико и непривычно изчюжепринесеннымъ именемъ покрывать родные изстаринныя названія племенъ, ему еще не столько понятно и памятно названіе Руси, сколько названія Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулебовъ и Тиверцовъ; даже самую Русь пришедшую съ Олегомъ оно охотнѣе называетъ Варягами именемъ занесеннымъ въ Приднѣпровье Скандинавскими дружинами, издавна странствовавшими по Днѣпру въ Константинополь. Все это показываетъ, что Русь Олегова была еще не совсѣмъ крѣпка въ Приднѣпровьѣ, и что самый походъ въ Грецію былъ предпринятъ Олегомъ сколько для поживы богатою почти вѣрною добычею, которая ему была нужна для привлеченія дружинниковъ (обыкновенно охотнѣе вступавшихъ въ службу къ Князю богатому и предпріимчивому), столько и для того, чтобы въ общемъ предпріятіи объобщить интересы покоренныхъ имъ Славянскихъ племенъ, и тѣмъ соединить ихъ ближе другъ съ другомъ и съ Русью имъ приведенною.

Далѣе лѣтописецъ, исчисливши племена участвовавшія въ походѣ, прямо переноситъ Олега и его рать къ стѣнамъ Константинополя, неупомянувши ни слова ни о страшныхъ затрудненіяхъ, которыя неминуемо должны были встрѣтить Олеговы ратники въ порогахъ Днѣпровскихъ, ни о путешествіи по морю; это умолчаніе для историка должно быть краснорѣчивѣе самыхъ пространныхъ и живыхъ описаній; оно прямо указываетъ, что и бурное море и страшные пороги Днѣпра, такъ интересовавшіе Византійскаго Императора Константина Порфиророднаго, были нипочемъ для Приднѣпровцовъ, что тамошніе люди часто ходившіе по этому пути для торговли и другихъ цѣлей такъ уже привыкли ко всѣмъ таковымъ трудностямъ, что они сдѣлались для нихъ дѣлами заобычными, даже во все неинтересовавшими народнаго преданія, изъ котораго лѣтописецъ черпалъ свои извѣстія; въ противномъ случаѣ преданіе незабыло бы ни о Днѣпровскихъ порогахъ ни о Черномъ или Русскомъ морѣ, и раз-

сказало бы объ нихъ даже съ диковинными прикрасами, какъ оно разсказало же о необычныхъ успѣхахъ Олега подъ Константинополемъ, заставивши его лодьи идти на парусахъ по сушѣ.

Еще далѣе, при изчисленіи Русскихъ городовъ, на которые Олегъ требовалъ уклады или дани отъ Грековъ, лѣтописецъ неупоминаетъ о Новгородѣ, тогда какъ перечисляетъ и Кіевъ, и Переяславль, и Черниговъ, и Полоцкъ, и Ростовъ и Любечь; это умолчаніе о Новгородѣ ясно свидѣтельствуетъ, что Новгородъ при Олегѣ уже непринадлежалъ къ Русскимъ городамъ. Здѣсь никакъ нельзя согласиться, чтобы лѣтописецъ подразумѣвалъ Новгородъ подъ прочими городами; ибо ни съ чѣмъ несогласно, чтобы преданіе, наименовавши и Ростовъ и Любечь города вовсе не такъ значительные, не именовало Новгорода первоначально пригласившаго Русь и вообще знаменитаго въ то время.

Наконецъ въ настоящемъ разсказѣ лѣтописецъ упоминаетъ о Князьяхъ подчиненныхъ Олегу и сидящихъ по городамъ, на которые Олегъ требовалъ уклады; а изъ прежнихъ разсказовъ лѣтописца мы видѣли, что Рюрикъ и Олегъ сажали по занятымъ ими городамъ своихъ мужей а не Князей; слѣдовательно здѣсь упоминается о племенныхъ князьяхъ, которыхъ по сему Олегъ неистреблялъ въ покоренныхъ имъ племенахъ, но оставлялъ ихъ по прежнему владѣть своими племенами, только съ обязанностію быть въ подчиненіи и зависимости отъ Русскаго Князя, какъ отъ верховнаго Государя всѣхъ покоренныхъ племенъ; ясное указаніе на племенныхъ князей оставленныхъ Олегомъ мы въ послѣдствіи увидимъ въ договорахъ заключенныхъ Олегомъ и Игоремъ съ Греками.

Въ разсказѣ лѣтописца объ Олеговомъ походѣ подъ Царьградъ встрѣчаются два мѣста, которыя съ перваго взгляда кажутся невѣрными или по крайней мѣрѣ темными: во первыхъ лѣтописецъ говоря объ отправленіи Олега въ походъ упоминаетъ о конной рати; «и съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ,» но далѣе нигдѣ не говоритъ о ней: у него Олегъ, два раза требуетъ отъ Грековъ дани на одни только корабли. Это извѣстіе лѣтописца кажется можно объяснить тѣмъ, что конная рать недоходила до Константинополя, а проводивши корабли до моря возвратилась домой. Ежели это предположеніе вѣрно; а въ вѣрности его нѣтъ нужды сомнѣваться, ибо иначе нельзя будетъ объяснить почему Олегъ нетребовалъ дани на конную рать; то слѣдовательно въ низовьяхъ Днѣпра по степямъ жили еще племена враждебныя Олегу, отъ нападенія ко-

торыхъ онъ долженъ былъ защищать свои корабли конною ратью; а конная рать конечно болѣе пригодна противъ конниковъ; слѣдовательно степи прилегавшія къ низовьямъ Днѣпра были заняты уже племенами кочевыми наѣзднические не Славянскаго происхожденія, вѣроятно Торками Берендеями и иными извѣстными въ послѣдствіи подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ; а можетъ быть частію и Печенѣгами, которые въ это время выдвигали уже свои кочевья къ западу отъ Дона и Волги.

Вторымъ невѣрнымъ или темнымъ мѣстомъ въ лѣтописномъ разсказѣ представляется требованіе Олегомъ дани. Сперва лѣтописецъ говоритъ: «и заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблій по 12 гривнѣ на человѣка, а въ корабли по 40 мужъ.» А далѣе повторяетъ: «И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблей, по 12 гривнѣ на ключь.» Это видимое противорѣчіе заставило нѣкоторыхъ изслѣдователей подозрѣвать въ лѣтописномъ текстѣ какія-то вставки, и давать предпочтеніе одной вставкѣ передъ другою; но на самомъ дѣлѣ разсказъ лѣтописи представляетъ стройное цѣлое, и видимыя противорѣчія разсказа объясняются очень просто и естественно: Олегъ сперва запросилъ съ Грековъ по 12 гривенъ на каждаго своего воина; но потомъ когда вступилъ въ обстоятельные переговоры съ Греками, то измѣнилъ первое требованіе, и запросилъ по 12 гривенъ на лодейный ключь [62] и сверхъ того уклады на Русскіе города; слѣдовательно въ сущности здѣсь нѣтъ противорѣчій, а только естественное измѣненіе требованій со стороны Олега. [63]

Четыре года, по возвращеніи Олега изъ подъ Константинополя, въ лѣтописи неотмѣчены никакими событіями; но въ концѣ 911 года по свидѣтельству лѣтописи, Олегъ отправилъ посольство къ Греческимъ Царямъ, для того чтобы заключить съ Греками новый мирный договоръ на основаніи прежняго, только съ болѣе опредѣлен-

---

[62] Ключемъ въ лѣтописи очевидно названа уключина въ лодкѣ, къ которой прикрѣплялось весло; ибо въ одномъ житіи Бориса и Глѣба отмѣченномъ Востоковымъ въ каталогѣ Румянцовскаго музеума подъ № CLII, прямо сказано: «Посланные на убіеніе Глѣба *имше корабль ключи и привлекоша къ себѣ*,» т. е. ухвативши за уключины. Для точнѣйшаго опредѣленія дани требованной Олегомъ, слѣдовало бы показать сколько ключей или уключинъ обыкновенно употреблялось въ древнихъ Русскихъ лодкахъ; но наша Археологія объ этомъ предметѣ еще не имѣетъ никакихъ извѣстій.

[63] Что разсказъ о походѣ Олега на Византію дѣйствительно составленъ частію по Греческимъ источникамъ, свидѣтельство этому я на дняхъ нашелъ въ

ными условіями для отстраненія столкновеній и недоумѣній въ сношеніяхъ Руси съ Греками. Для заключенія этого договора были отправлены Олеговы мужи: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, или по другимъ спискамъ Велмудръ [64] Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, или по другимъ спискамъ Руаръ, [65] Руалъ, [66] Риаръ, [67] Актеву, Труанъ, и Трианъ, или Труатъ, [68] Лидуль Фостъ и Стемидъ или Стемиръ и заключили слѣдующій мирный договоръ. [69]

одномъ Хронографѣ (рукопись XVI вѣка). Гдѣ о семъ разсказѣ сказано: «Сіе пишетъ о немъ въ Греческомъ лѣтописцы.» (Погодинск. библіотека.)

[64] Воскрес. лѣт. Т. I, стр. 82.

[65] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I. стр. 13.

[66] Радзив. стр. 27.

[67] Ник. I, стр. 31.

[68] Ibid. и Воскрес. I, стр. 82.

[69] Имена сіи имѣютъ большое значеніе для историка, они показываютъ кѣмъ былъ окруженъ Олегъ, изъ какого народа преимущественно состояла его дружина особенно старшая, приближеннѣйшіе къ нему мужи. Въ приведенныхъ именахъ звучатъ по Славянски только Стемидъ или Стемиръ, и Карнъ, остальные всѣ чисто Скандинавскія, такъ что почти каждое изъ нихъ мы найдемъ въ Исландскихъ сагахъ, иныя безъ измѣненія звуковъ, а иныя съ небольшимъ измѣненіемъ. Такъ лѣтописному имени *Карлы* Сага Олава святаго представляетъ двойника *Karli*, уроженца изъ Галогіи, вмѣстѣ съ Торемъ и Гунистейномъ ограбившаго храмъ Юмалы Біармійскаго (Antiq. Russ. T. I, стр. 333, 453); лѣтописному *Инегельду* соотвѣтствуетъ въ Сагахъ Ingjaldr, упоминаемый въ сагѣ Орвародда (ibid. 93) въ параллель съ *Веремудомъ* и даже *Велмудомъ* въ сагахъ встрѣчается *Veremundr* мудрый, дальній предокъ Сигурда Ринга (ibid. 220), и *Vilmundr* упоминаемый въ мифологическо-исторической поемѣ Oddrúnargrátr (ibid. 33). *Рулаву* соотвѣтствуетъ Hrólfr нерѣдко упоминаемый въ Скандинавскихъ сагахъ; *Гуды* имѣетъ себѣ подобнаго въ числѣ богатырей сопровождавшихъ Сигурда Ринга въ Бравальскомъ бою, Guði tollus (ibid. 80). *Руалду* отвѣчаетъ также Ринговъ богатырь Hróalde (ibid. 82); *Фрелаву* отецъ Одина Frjálafr, или по другимъ чтеніямъ Freáláf, и Frelaf (ibid. 46). *Руару* или *Риару* можетъ быть Hrejðarr въ сагѣ Орвародда (ibid. 93); *Актеву* можетъ быть Agdi (ibid. 217). *Труану* или *Триану* можетъ быть Þorri (ibid. 215) и Þorrir (ibid. 334.) Фарлофу по свидѣтельству Скандинавскихъ надписей снятыхъ Вереліемъ, является двойникъ Фарульфъ. *Лидуль* можетъ быть Скандинавскее Loðì, (сынъ Гальфдана древняго.) *Фастъ* или *Фостъ* также Скандинавское имя. Такимъ образомъ изъ четыр-

Мы отъ рода Русскаго (далѣе слѣдуютъ вышеприведенныя имена) иже послани отъ Олга Великаго Князя Русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ, къ вамъ, Львови и Александру и Константину, великымъ о Бозѣ самодержьцемъ, царемъ Грецкымъ, на удержаніе и на извѣщеніе отъ многыхъ лѣтъ межю Христіяны и Русью бывшюю любовь, похотѣньемъ нашихъ Князь и по повелѣнію (свѣтлаго Князя нашего), и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси. Наша свѣтлость, болѣе инѣхъ хотящи (Соф.) еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшюю межю Христіяны и Русью многажды, право судихомъ, но точью просто словесемъ, и писаніемъ и клятвою твердою, кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему.

Мы Русскіе, которыхъ прислалъ Олегъ Великій Князь Русскій и всѣ свѣтлые бояре его подручники, къ вамъ Льву, Александру и Константину, великимъ по благословенію божію самодержцамъ и Царямъ Греческимъ, на удержаніе и извѣщеніе любви между Христіанами и Русью бывшей издавна, по желанію нашихъ Князей и повелѣнію свѣтлаго Князя нашего и всей Руси, которая ему подвластна. Наша свѣтлость желая болѣе иныхъ удержать и извѣстить по Божіей волѣ любовь много разъ заключаемую между Христіанами и Русью но только на словахъ, разсудили за правильнѣйшее утвердить и извѣстить таковую любовь писаніемъ и твердою клятвою, поклявшись своимъ оружіемъ по вѣрѣ и по закону нашему.[70]

надцати именъ только два Стемидъ или Стемиръ и Карнъ звучатъ по Славянски или корнями своими примыкаютъ къ Славянскому языку. Стемиръ можетъ быть сокращенное Станимиръ, *Карнъ* имѣетъ подобное себѣ въ словѣ о полку Игоревѣ, *Карну*, отъ слова *Кърнъ* обрѣзанный, оттуда же *Карнать* обрывать, *корнаухій* съ обрѣзанными ушами, и такъ *Карнъ* можетъ быть рѣзаный. Слѣдовательно главными дѣятелями на Руси въ Олегово время были Скандинавы, Варяги, Славяне же Приднѣпровскіе еще слабо участвовали въ общественныхъ дѣлахъ, или по крайней мѣрѣ были позади Варяговъ, и только немногіе изъ нихъ пробивались въ передъ судя по именамъ Олеговыхъ пословъ двое на двѣнадцать.

[70] Представляемый здѣсь переводъ кажется не совсѣмъ близкимъ къ подлиннику; но въ сущности подлинникъ перевести ближе нѣтъ никакой возможности: ибо сохраняя порядокъ словъ подлинника, какъ бы его не пе-

За вступленіемъ слѣдуетъ переходъ къ статьямъ договора:

«Сутѣ, яко понеже мы ся имали по Божіи вѣрѣ, о любви главы таковы.»

Вотъ главы о любви, которыя мы взялись исполнять по Божіей вѣрѣ.

реводили всегда будетъ ереводъ теменъ и неправиленъ, всегда останется нѣсколько словъ какъ бы неотносящихся къ дѣлу или лишнихъ; но на самомъ дѣлѣ составитель подлинника не сказалъ ни одного лишняго слова, а только по неопытности неумѣлъ совладѣть съ кучею связанныхъ предложеній, находившихся можетъ быть въ Греческомъ оригиналѣ договора, и разставилъ имъ безъ связи и тѣмъ затемнилъ свое изложеніе до крайности, такъ что держась его порядка словъ при переводѣ приходилось бы выпускать цѣлыя предложенія. Въ словосочиненіи въ соединеніи и разстановкѣ предложеній составитель, привыкшій выражаться изустно краткими предложиніями, рѣшительно разтерялся, когда ему пришлось излагать мысли на письмѣ, гдѣ понадобилось связывать и располагать нѣсколько предложеній зависящихъ одно отъ другаго, и взаимно другъ друга опредѣляющихъ и дополняющихъ, особенно при переводѣ съ Греческаго языка, который былъ ему извѣстенъ по изустнымъ разговорамъ съ Греками, не простиравшимся далѣе простыхъ и отрывочныхъ выраженій необходимыхъ при торговыхъ и житейскихъ сношеніяхъ. А посему онъ и на письмѣ неизмѣнилъ своему изустному образу изложенія, каждое предложеніе понималъ и переводилъ отдѣльно и ставилъ въ томъ порядкѣ въ какомъ находилъ его въ Греческомъ подлинникѣ, не заботясь о томъ у мѣста ли оно, и можетъ ли дополнять и опредѣлять другое предложеніе съ которымъ оно находится въ неразрывной связи по смыслу. Отъ этаго у него и вышли многія неправильности. Такъ онъ зналъ что можно сказать: *извѣстить удержать любовь*; при томъ же видѣлъ что по Гречески ἀγάπη стояло въ винительоомъ падежѣ, ибо зависѣло отъ неопредѣленнаго наклоненія съ членомъ; и по неопытности нерѣшился или просто недогадался измѣнить винительный падежъ *любовь* въ родительный, когда вмѣсто неопредѣленнаго *извѣстить* и *удержать* ему понадобилось поставить управляющимъ словомъ имена *извѣщеніе удержаніе*. Слѣдующее за симъ выраженіе: «похотеньемъ нашихъ князь, и по повелѣнью и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси,» вѣроятно составителемъ было написано правильно, и искажено только позднѣйшимъ перепещикомъ, который пропустилъ слова: «свѣтлаго Князя нашего,» составителемъ было написано: «похотеньемъ нашихъ князь и по повелѣнью свѣтлаго князя нашего, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его

Первая статья или глава договора:

«По первому убо слову да умиримся съ вами Грекы, да любимъ другъ друга отъ всея душа и изъ-

Согласно первому нашему слову да умиримся съ вами Греки, да любимъ другъ друга отъ всей

сущихъ Руси.» Наше предположеніе въ таковомъ пропускѣ перепищика оправдывается параллельнымъ выраженіемъ того же договора поставленнымъ ниже. «Тако же и вы Греци да храните таку же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ, и къ всѣмъ иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего,» т. е. составитель подъ словами: «*свѣтлаго князя нашего*» разумѣлъ Олега, какъ верховнаго князя на Руси, а подъ словами: «*нашихъ князь*,» князей надъ Славянскими племенами подчиненныхъ Олегу. Но сцѣпленіе нѣсколькихъ предложеній, которыми оканчивается приведенное нами первое отдѣленіе договора, очевидно есть подлинное неизкаженное произведеніе древняго составителя или переводчика договора, оно явно обличаетъ человѣка только что начинающаго излагать свои мысли на письмѣ; здѣсь мы не видимъ ни недостатка ни не точности въ выраженіяхъ и словахъ, здѣсь каждому понятію даны именно тѣ слова которыя выражаютъ его ясно и опредѣленно, все указываетъ на языкъ богатый выраженіями и слѣдовательно на народъ, который уже много пережилъ на своемъ (некороткомъ) вѣку, много видѣлъ, много узналъ и о многомъ передумалъ, но за неимѣніемъ грамоты еще неучился передавать свои думы и свои знанія на письмѣ, въ связномъ изложеніи. А отсюда выходитъ то, что каждое предложеніе взятое отдѣльно является правильнымъ и яснымъ, почти такимъ, какимъ бы оно явилось въ языкѣ совершенно развитомъ и получившемъ опредѣленныя правильныя грамматическія формы. Вотъ три предложенія составляющія окончаніе перваго отдѣленія. 1-е. «Наша свѣтлость право судихомъ и писаньемъ и клятвою твердою такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему. 2-е. «Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь бывшую межю Христіаны и Русью многажды, но точію просто словесемъ. И 3-е. «Кленшеся оружіемъ своимъ.» Каждое изъ сихъ предложеній взятое отдѣльно, какъ всякій долженъ сознаться неимѣетъ недостатка въ правильности и опредѣленности грамматической; а посему темнота и сбивчивость цѣлой статьи очевидно зависитъ только отъ неправильной ихъ разстановки, и именно отъ того, что составитель или переводчикъ сказуемое перваго главнаго предложенія: «право судихомъ,» поставилъ между первымъ и вторымъ сказуемымъ прибавочнаго предло-

воленья; и невдадимъ, елико наше изволеніе, быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакому же соблазну или винѣ; но потщимся, елико по силѣ, на схраненіе прочихъ и всегда лѣтъ съ вами Грекы, исповѣданіемъ и написаніемъ съ клятвою извѣщаемую, любовь не превратну и непостыжну. Тако же и вы, Греци, да храните таку же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Русскимъ и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго Князя нашего, не съблазнену и непреложну всегда и въ вся лѣта.»

души и изволенья; и согласно нашему изволенью недопустимъ быть какому либо соблазну или винѣ отъ людей подвластныхъ нашимъ свѣтлымъ Князьямъ; но потщимся, сколько можемъ, на сохраненіе, на всѣ будущіе годы, непревратной и непоступной съ вами Греки любви, которую теперь съ клятвою извѣщаемъ и на словахъ и писменно. Также и вы Греки да сохраните на всегда во вся лѣта несблазненно и непреложно такую же любовь къ нашимъ свѣтлымъ Князьямъ Русскимъ, и ко всѣмъ подвластнымъ нашему свѣтлому Князю.

Вторая статья договора.

«А о головахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице:

Да елико яве будетъ показаши явленьми, да имѣютъ вѣрное о тацѣхъ явленіи; а ему же начнуть неяти вѣры, да кленеться часть та, иже ищетъ неятью вѣры, да егда клянется по вѣрѣ своей, будетъ казнь, якоже явиться съгрѣшеніе о семъ.»

А о головахъ, ежели случится какое нещастіе, узаконимъ такъ:

Ежели что явно будетъ по уликамъ представленнымъ на лицо, то должно вѣрить таковымъ уликамъ; но ежели чему не будутъ вѣрить, то пусть клянется та сторона, которая требуетъ, чтобы невѣрили, и ежели послѣ клятвы данной по своей вѣрѣ окажется по розыску, что клятва дана была ложно, то клявшійся да пріиметъ казнь.

Третья статья договора.

«Аще кто убьетъ Крестьяна Русинъ, или Крестьянъ Русина, да

Убьетъ ли Русинъ Христіанина, или Христіанинъ Русина, да

женія: «любовь бывшюю многажды, но точію просто словесемъ,» и такимъ образомъ разорвалъ два предложенія, изъ которыхъ втораго предложенія, какъ опредѣляющаго подлежащее перваго предложенія, разрывать не слѣдовало.

умрѣть, идеже аще створить убійство. Аще ли убѣжить створивый убійство, аще есть имовить, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возметъ ближній убіенаго, а и жена убившаго да имѣетъ то лицѣмъ же прибудеть (правильнѣе *еже ее будетъ*) по закону; аще ли есть неимовить створивый убойство и убѣжавъ, да держится тяжи, доньдеже обрящется, яко да умретъ.»

Четвертая статья договора.

«Аще ли ударить мечемъ или бьеть кацѣмъ любо съсудомъ, за то ударенье или бьенье да вдасть литръ пять сребра по закону Русскому; аще ли будеть неимовить тако сътворивый, да вдасть елико можетъ и да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходить, а о прочѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никако же иному помощи ему, да пребываеть тяжа оттолѣ невзыскаема о семъ.»

Пятая статья договора.

«Аще украдеть Русинъ что любо у Крестьянина, или пакы Христьянинъ у Русина, и ятъ будетъ въ томъ часѣ тать, егда татьбу творить, отъ погубившаго что любо. Аще приготовится татьбу творяй, и убіенъ будеть, да невзыщеться смерть его ни отъ Христьянъ ни отъ Руси, но паче убо да възметъ свое, иже будетъ по-

умретъ тамъже, гдѣ учинитъ убійство. Ежели же убѣжитъ учинившій убійство, и ежели онъ имѣетъ достатокъ, то часть его, т. е. что ему принадлежитъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго, но и жена убившаго да удержитъ то лицемъ, что ей принадлежитъ по закону; ежели же убійца убѣжавъ не оставитъ имѣнія, то искъ непрекращается до тѣхъ поръ, пока его не отыщутъ, и не казнятъ смертію.

Ежели кто ударитъ кого мечемъ, или прибьетъ какимъ либо орудіемъ, то за сіе ударенье или побои по закону Русскому да заплатитъ пять литръ серебра; ежели же учинившій сіе не будетъ имѣть достатка, да отдастъ столько, сколько можетъ, да сниметъ съ себя и ту самую одежду, въ которой ходитъ, а въ остальномъ да клянется по своей вѣрѣ, что у него некому помочь въ платежѣ; послѣ чего искъ прекращается.

Ежели Русинъ украдетъ что либо Христіанина, или также Христіанинъ у Русина, и при поимкѣ хозяиномъ во время кражи ежели воръ станетъ сопротивляться, и присопротивленіи будетъ убитъ, то смерть его да невзыщется ни отъ Христіанъ ни отъ Руси; хозяинъ же возметъ только свое, что покрадено. Но ежели воръ про-

губилъ. Аще вѣдасть руцѣ украдый, да ять будетъ тѣмъ же, у него же будетъ украдено, и связанъ будетъ, и отдастъ то, еже смѣ створить, и створитъ трижды о семъ. Аще ли кто, или Русинъ Хрестьяну, или Хрестьянъ Русину, мученія образомъ искусъ творити (будетъ) и насилье явѣ, или възметъ что любо дружне, да въспятить тричь.»

тянетъ руки, чтобы его взялъ тотъ, у кого онъ укралъ, и будетъ связанъ; то долженъ отдать и то что укралъ, и сверхъ того заплатить тройную цѣну украденнаго. Но ежели кто, Русинъ ли у Христіанина или Христіанинъ у Русина, будетъ дѣлать обыскъ съ притѣсненіемъ и явнымъ насиліемъ, или возметъ что либо у другаго, да возвратитъ втрое.

Шестая статья договора.

«Аще вывержена будетъ лодья вѣтромъ великомъ на землю чюжю, и обрящються тамо иже отъ насъ Руси, да еще кто идетъ, снабдети лодью съ рухломъ своимъ и отсылати пакы на землю Крестьянску, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже придетъ въ безстрашно мѣсто. Аще ли таковая лодья, ли отъ буря, ли бороненія земнаго боронима, не можетъ възборонитися въ своя си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоя лодья мы Русь и да провадимъ съ куплею ихъ по здорову, ти аще ключиться близъ земли Грецкы; аще ли ключиться тако же проказа лодьи (близъ земли) Рустѣй, да проводимъ ю

Ежели большимъ вѣтромъ выкинетъ лодью на чужую землю, и тамъ случится кто нибудь изъ насъ Руси, ежели кто идетъ (въ Грецію), тому охранять лодью съ ея товаромъ, и отвести въ землю Христіанскую; да проводимъ ее сквозь всякое опасное мѣсто, пока она непридетъ въ мѣсто безопасное. А ежели таковая лодья отъ бури или сѣвши на мель[71] не можетъ добраться до своего мѣста; то мы Русь да поможемъ гребцамъ той лодьи, и проводимъ ихъ и съ товаромъ по здорову, ежели это будетъ близь Греческой земли; а ежели таковое нещастіе случится близь Руской земли, то проводимъ лодью въ Рус-

[71] Здѣсь слово *бороненье* земное я перевелъ словомъ мель, потому что и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси отмели и пороги называются переборами (Област. Слов. стр. 155) а въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ слова *забрало* и *обронь* въ значеніи насыпи. Такъ въ словѣ о полку Игоревѣ: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ,» а въ лѣтописи одно укрѣпленіе называется «Обронь княжъ.»

въ Русскую землю, и да продаютъ рухло тоя лодья, и аще что можеть продати отъ лодья, воволочимъ имъ мы Русь, да егда ходимъ въ Грекы или съ куплею, или въ сольбу къ Цареви вашешему, да пустимъ я съ честью проданное рухло лодья ихъ. Аще ли ключиться кому отъ тоя лодья, въ ней убіену быти, или бьену быти отъ насъ Руси, или взяти что любо, да повинни будуть то створшіи преждерѣченною епитемьею.»

Седьмая статья договора.

«Аще полоняникъ, обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ону страну, оже обрящеться или Русинъ или Гречинъ, да искупять и възвратять искупленное лице въ свою страну, и възмуть цѣну его купящіи, или мниться въ куплю на день челядиная цѣна. Тако же аще отъ рати ятъ будеть, отъ тѣхъ Грекъ, тако же да взвратится въ свою страну, и отдана будеть цѣна его, якоже рѣчено есть, яко же есть купля.»

Осьмая статья договора.

«Егда же требуеть на войну ити, егда же требу творите, и си хотять почестити Царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придеть и хотять остати у Царя вашего, своею волею да будуть.»

скую землю и товаръ сей лодьи да продаютъ, и ежели что можно будетъ продать, то мы Русь выгрузимъ имъ, и когда пойдемъ въ Грецію съ куплею или съ посольствомъ къ вашему Царю, отпустимъ ихъ и проданный товаръ лодьи съ честію. Но ежели случится, что кто нибудь съ той лодьи будетъ убитъ или прибитъ кѣмъ либо изъ насъ Руси, или что либо будетъ похищено, то учинившіе сіе подвергнутся наказанію, о которомъ сказано выше.

Ежели въ той или въ другой сторонѣ у Руси или у Грековъ будетъ находиться плѣнникъ проданный въ ту сторону, и ежели откроется, что онъ или Русинъ или Гречинъ; то да выкупятъ его, и выкупивши возвратятъ лицомъ въ свою сторону, а купившіе возмутъ за него или выкупную цѣну, или торговую цѣну невольника въ тотъ день. Также и взятый на войнѣ Греками, да возвратится въ свою сторону, и за него, какъ сказано, будетъ выдана торговая цѣна.

Когда же нужно будетъ на войну идти, и вы будете набирать воиновъ, а сіи захотятъ почтить вашего Царя, и сколько бы ихъ непришло, ежели захотятъ остаться у вашего царя; то имъ это предоставляется на волю.

Девятая статья договора.

«О Руси о полоненьи, многажды отъ коея убо страны пришедшимъ въ Русь и продаваемымъ въ Христіяны, еще же и о Крестьянѣхъ полонныхъ многажды отъ коея любо страны приходящимъ въ Русь, се продаеми бываютъ по 20 золота и да придутъ въ Грекы.»

О Русскомъ полонѣ. Всѣмъ плѣнникамъ изъ какой бы страны они ни пришли въ Русь, какъ это часто бываетъ; ежели они продаются въ землю Христіанскую, то имъ чистъ путь въ Грецію и одна цѣна по 20 златницъ; та же цѣна и также чистъ путь и плѣннымъ Христіанамъ, изъ какой бы страны они ни пришли въ Русь, какъ это часто бываетъ.

Десятая статья договора.

«О томъ аще украденъ будетъ челядинъ Рускый, или ускочить, или по нужи проданъ будеть, и жаловати начнуть Русь, да покажеться таковое отъ челядина, да имуть и въ Русь; но и гостье погубиша челядинъ, и жалують, да ищють и, обрѣтаемое да имуть ѐ. Аще ли кто искушенія сего недасть творити, мѣстникъ да погубить правду свою.»

Ежели невольникъ принадлежащій Русину будетъ украденъ, или проданъ насильно, или самъ уйдетъ, и ежели Русинъ начнетъ на это жаловаться; то жалобу долженъ подтвердить самъ невольникъ, и тогда дозволяется взять его въ Русь. Точно также и гости потерявши невольника должны жаловаться и искать его, и ежели съищутъ взять къ себѣ. Но ежели хозяинъ дома недопуститъ дѣлать обыскъ; то тѣмъ самымъ уже лишается права на невольника.

Одиннадцатая статья договора.

«О работающихъ въ Грецѣхъ Русиу Крестьянскаго царя, аще кто умреть не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ неимать, да возвратить имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь; аще ли створить обряженіе, таковый взметь уря-

О Руссахъ состоящихъ на службѣ въ Греціи у Христіанскаго Царя. Ежели кто изъ нихъ умреть не разпорядившись своимъ имѣніемъ, или не будетъ имѣть при себѣ своихъ, то имѣніе его да отошлютъ къ его ближнимъ въ Русь.

ное его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдитъ е.»

Но ежели онъ по своему имѣнію сдѣлаетъ разпоряженіе, то тотъ, кого онъ напишетъ наслѣдникомъ имѣнія, да возметъ назначенное ему да наслѣдитъ имѣніе.

Двѣнадцатая статья договора.

«Отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающихъ аще злодѣй, възвратится въ Русь, да жалуютъ Русь Хрестьянскому царству, и ятъ будетъ таковый и възвращенъ будетъ нехотяй въ Русь. Си же вся да творятъ Русь Грекомъ, идѣже аще ключится таково.»

Между торгующими Руссами и разными приходящими въ Грецію и проживающими тамо, ежели будетъ преступникъ и долженъ быть возвращенъ въ Русь, то Русь должна объ этомъ жаловаться Христіанскому царю, и тогда возмутъ и возвратятъ его въ Русь противъ воли. Тоже должны сдѣлать и Руссы для Грековъ, ежели случится что подобное. [72]

---

[72] Статью сію нѣкоторые переводчики и толкователи начинаютъ словами: «Аще злодѣй възвратится въ Русь.» Предшествующія же слова: «отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающихъ» относятъ къ концу одиннадцатой статьи. Но таковая перестановка словъ изъ одной статьи въ другую вредитъ той и другой статьѣ; ибо слова сіи въ одиннадцатой статьѣ являются ненужнымъ дополненіемъ, измѣняющимъ и затѣмняющимъ смыслъ; тамъ уже сказано, что имѣніе остающееся послѣ Русина безъ завѣщанія возвращается на Русь къ сродникамъ умершаго; наслѣдникъ же по завѣщанію самъ беретъ завѣщанное, и конечно долженъ брать его изъ квартиры умершаго, а не отъ пріѣзжихъ Рускихъ купцовъ, или вообще отъ проживающихъ въ Греціи Руссовъ: ибо странно и ни съ чѣмъ несообразно предполагать, чтобы хозяинъ держалъ свое имѣніе не у себя, а отдавалъ постороннимъ лицамъ, и при томъ такимъ, которые временно приходятъ въ Грецію по своимъ дѣламъ. Мы неможемъ предполагать, что здѣсь должно разумѣть, будто бы хозяинъ отдавалъ свой капиталъ пріѣзжающимъ Русскимъ купцамъ для торговли, для того чтобы его капиталъ въ торговыхъ оборотахъ пріобрѣлъ приращеніе; ибо въ статьѣ сказано не объ однихъ купцахъ, но и о различныхъ ходящихъ въ Грекы, отъ которыхъ по смыслу толкователей наслѣдникъ будто бы долженъ былъ требовать завѣщанное имѣніе;

Заключеніе договора.

«На утвержденіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью бывшій миръ сътворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою; (и царь) предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею, еди-

Чтобы миръ бывшій между вами Христіаны и Русью былъ твердъ и неподвиженъ, мы написали его на двухъ хартіяхъ Ивановымъ письмомъ за руками нашими и вашего царя; и царь передъ честнымъ крестомъ и Святою единосущною Троицею еди-

---

слѣдовательно о приращеніи капитала чрезъ отдачю его въ торгъ, здѣсь нѣтъ и намеку. Такимъ образомъ слова: «отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающихъ.» вовсе неотносятся къ 11-й статьѣ договора. И на оборотъ 12 статья безъ сихъ словъ теряетъ свой смыслъ; ибо безъ нихъ дѣлается непонятнымъ: о какомъ злодѣѣ говоритъ статья о Русскомъ или о Греческомъ; да и самый глаголъ *възвратится* въ Русь, оказывается не нужнымъ, ибо чрезъ два предложенія въ статьѣ слѣдуетъ глаголъ: «*взвращенъ будетъ.*» Отъ чего и переводчики принимавшіе такое неправильное дѣленіе сихъ двухъ статей должны были прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ искаженіямъ смысла. Такъ Эверсъ слова «аще злодѣй възвратится,» переводитъ: «Ежели кто злодѣйски будетъ ратовать.» (Древн. Рус. Прав. стр. 190.) А одинъ изъ послѣдователей Эверса слово *взвратится* переводитъ словомъ: *убѣжитъ*; «Ежели преступникъ убѣжитъ изъ Руси.» (Исторія Россіи Т. I, стр. 109.) Нѣтъ сомнѣнія, что начало 12 статьи и съ присоединеніемъ словъ: «отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающихъ,» еще остается не совсѣмъ яснымъ; но эта не ясность изчезаетъ, ежели вставить глаголъ, *будетъ* или *обрящется*, который вѣроятно пропущенъ перепищикомъ, но очевидно былъ употребленъ составителемъ статьи; «Отъ взимающыхъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающихъ аще злодѣй обрящется, возвратится въ Русь.» Ибо мы въ договорѣ же Олега видимъ подобное выраженіе съ глаголомъ *обрящуться: «и обрящются тамо, иже отъ насъ Руси»* (статья шестая); и таковая вставка или дополненіе пропущеннаго перепищикомъ слова нимало непротиворѣчитъ языку договора; ею неусомнился воспользоваться нашъ знамѣнитый историіографъ Карамзинъ, глубокій знатокъ Русскаго слова, и отступать отъ его указанія мы неимѣемъ никакого права. . . .

наго истиньнаго Бога нашего извѣсти и дасть нашимъ словомъ; мы же кляхомся къ царю вашешему, иже отъ Бога суще яко Божіе зданіе, по закону и по покону языка нашего, непереступати ни намъ ни иному отъ страны нашея отъ уставленныхъ главъ мира и любве. И таково написаніе дахомъ царства вашего на утверженіе обоему пребывати таковому свѣщанію на утвержденіе и извѣщеніе межи нами бываюшаго мира мѣсяца Себтября въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто созданія міру 6420.»

наго истиннаго Бога нашего далъ клятву по нашему слову, а мы клялись вашему царю по нашему закону и исконному обычаю нашего языка, не преступати ни намъ ни другому кому съ нашей стороны отъ уставленыхъ главъ мира и любви, какъ произшедшихъ отъ Бога и отъ устроенія Божія. И чтобы съ обѣихъ сторонъ неуклонно соблюдался настоящій договоръ, на утвержденіе и извѣщеніе состоявшагося между нами мира, мы дали сіе написаніе мѣсяца Сентября въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто отъ созданія міру 6420.

Договоръ сей сохраненный лѣтописцомъ въ подлинникѣ представляетъ собою важный историческій инстересъ, какъ по языку своему такъ и по содержанію. По языку онъ является первымъ литературнымъ памятникомъ на Руси [73] мы изъ этаго договора видимъ, ка-

---

[73] Называя Олеговъ договоръ первымъ литературнымъ памятникомъ Приднѣпровской Руси, я здѣсь щитаю себѣ обязанностію доказать что языкъ договора непередѣланъ лѣтописцемъ, и что договоръ не былъ писанъ Болгариномъ, которыхъ нерѣдко встрѣчаемъ въ Византійской службѣ. Впрочемъ подозрѣніе на щетъ передѣлки языка лѣтописцомъ здѣсь рѣшительно невозможно; языкъ лѣтописи и языкъ договоровъ сильно разнятся другъ съ другомъ: у лѣтописца вездѣ рѣчь ясная и правильная обличающая писателя образованнаго и опытнаго; въ договорѣ же рѣчь темная сбивчивая, нестройная и неправильная, въ которой очень замѣтно, что тогдашній языкъ только что въ первые укладывался въ письмена, и еще плохо подчинялся правиламъ связной и продолжительной рѣчи; притомъ же точность, которую, какъ мы уже видѣли, нашь лѣтописецъ большею частію соблюлъ въ передачѣ чуждыхъ для него Скандинавскихъ именъ Олеговыхъ посланниковъ, отстраняетъ даже самый поводъ къ подозрѣнію, что бы онъ непозаботился сохранить въ точности родной и уже конечно любопытный для него старый языкъ договоровъ. Слѣдовательно предполо-

кимъ языкомъ говорили Олеговы современники въ Приднѣпровьѣ, какъ выражали свои понятія тогдашніе Рускіе люди, и слѣдовательно какъ

женіе о передѣлкѣ языка лѣтописцемъ неимѣетъ для себя никакой поддержки. Но не таково предположеніе о составленіи или переводѣ (съ Греческаго) договоровъ Болгариномъ; за него стоятъ во первыхъ извѣстія Греческихъ Лѣтописцевъ, что Болгары служивали при Византійскомъ дворѣ, слѣдовательно Греческое правительство скорѣе всего могло поручить переводъ договоровъ на Славянскій языкъ своему чиновнику изъ Болгаровъ; во 2-хъ при современникѣ Олеговомъ Болгарскомъ царѣ Симеонѣ книголюбцѣ много уже книгъ переводилось Болгарами съ Греческаго языка на Славянскій, слѣдовательно Болгары въ это время были лучшими и обычными переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ, каковыми вовсе небыли въ то время Славяне Приднѣпровскіе; и въ 3-хъ наконецъ позднѣйшіе ученые изслѣдователи, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, находятъ въ языкѣ Олегова договора частые Болгаризмы, и прямо приписываютъ Болгарину переводъ Олегова договора съ Греческаго языка на Славянскій. Всѣ сіи доказательства въ пользу перевода договора Болгариномъ съ перваго взгляда очень сильны; но тѣмъ неменѣе предположеніе о Болгарскомъ переводчикѣ или составителѣ договора при внимательномъ изслѣдованіи дѣла неможетъ быть принято нетолько за истинное но даже и за правдоподобное. Во 1-хъ ежели Греки охотнѣе могли поручить переводъ, или составленіе договора на Славянскомъ языкѣ, Болгарамъ состоящимъ въ ихъ службѣ, то конечно Рускіе менѣе могли довѣрять Греческимъ чиновникамъ въ этомъ дѣлѣ, и скорѣе должны были поручить его своимъ, тѣмъ болѣе что между самыми послами были Славяне, какъ можно заключить по именамъ нѣкоторыхъ пословъ; а переводъ договоровъ или составленіе ихъ на Славянскомъ языкѣ нужны были не для Грековъ, а для Руссовъ; слѣдовательно, кому поручить это дѣло, рѣшительно принадлежало Рускимъ а не Грекамъ. Притомъ по прямому свидѣтельству нашего лѣтописца, самая мысль составить договоры принадлежитъ не Грекамъ а Олегу; ибо лѣтопись говоритъ: «посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью.» (Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I. стр. 13.) слѣдовательно Рускіе здѣсь были главными хозяевами дѣла. Вопросъ о томъ, могли ли Рускіе переводить съ Греческаго языка, знали ли они по Гречески? кажется разрѣшается самъ собою, и самыми договорами Олега; по свидѣтельству договоровъ, Рускіе часто ѣздили въ Константинополь, дѣятельно торговали съ Греками, и жили между ними по долгу, даже находились иные въ службѣ у Константинопольскихъ Императоровъ, слѣдовательно необходимо должны бы-

понимали, насколько были развиты въ умственныхъ способностяхъ и въ общественной жизни; ибо извѣстно, что языкъ есть лучшее выраженіе жизни народа; богатство сила и стройность языка показываетъ, что народъ много видѣлъ, много испыталъ и о многомъ передумалъ; и наоборотъ ежели языкъ слабъ, невѣренъ, тяжелъ и нестроенъ въ выраженіяхъ предметовъ общественной жизни, то и самое общество, которое говоритъ такимъ языкомъ, нестройно, неразвито, оно еще путемъ несложилось.

По содержанію своему Олеговъ договоръ разрѣшаетъ много историческихъ и юридическихъ вопросовъ относящихся къ Олегову времени на Руси. Такъ во 1-хъ въ договорѣ мы находимъ ясное свидѣтельство, что Рускіе дорожили миромъ съ Греками; ибо послы Олеговы прямо пишутъ, что они посланы по желанію Рускихъ Князей, по повелѣнью Великаго Князя и всей Руси подвласной ему. Конечно Рускіе небоялись Грековъ, ибо Греки недавно были побѣждены Рускими, и никогда ненападали и немогли нападать на Рускія владѣнія; слѣдовательно искать желать мира съ Греками заставляла не боязнь

ли знать по Гречески, иначе имъ неудобно бы было и торговать и служить въ Греціи. Во 2-хъ ежели Болгары въ Олегово время были хорошими переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ; то безъ сомнѣнія они писали по Славянски стройно и правильно, какъ на самомъ дѣлѣ это и было, чему мы имѣемъ очевидныя и неподлежащія спору доказательства въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ и переводахъ Болгарскихъ писателей X вѣка, каковы Іоаннъ Экзархъ, Константинъ, и Григорій переводчикъ или составитель сборника для Симеона Царя Болгарскаго. Договоры же Олега писаны языкомъ нестройнымъ, тяжелымъ и неправильнымъ; слѣдовательно ясно, что ихъ писали не Болгары опытныя въ дѣлѣ писанія, а приднѣпровскіе Руссы новички въ этомъ дѣлѣ. Въ 3-хъ наконецъ чтобы правильно судить о составителѣ или переводчикѣ договоровъ по самому языку договоровъ, для этаго нужно сличить договоры относительно языка съ памятниками Болгарской литтературы одного времени съ договорами; на примѣръ съ твореніями Іоанна Экзарха Болгарскаго. Но мы это оставляемъ для другой статьи, здѣсь же довольно указать на нѣсколько чисто Рускихъ словъ встрѣчающихся въ договорѣ, которыхъ мы ненаходимъ у Болгаръ: на примѣръ *си рѣчь*, *тяжа*, *неимовитъ*, *порты*, *соимать*, *лодья*, *сѣсудъ* въ значеніи орудія, *рухло*, *поздорову* и подоби.

а другія побужденія, и именно торговля, какъ доказываетъ содержаніе договора. И такъ мы здѣсь видимъ, что торговля для Олеговыхъ Руссовъ была однимъ изъ главныхъ занятій жизни, они понимали важность торговли и дорожили ею, — искали болѣе вѣрныхъ средствъ для ее обезпеченія; и заботились объ этомъ кажется частныя лица и можетъ быть частныя торговыя общества, какъ свидѣтельствуютъ сами Олеговы послы, говоря «наша свѣтлость болѣе другихъ желая удержать любовь между Христіанами и Русью, многократно заключаемую только на словахъ, разсудили за лучшее утвердить ее писаніемъ и клятвою.» Сіи слова пословъ ясно говорятъ, что искали мира преимущественно извѣстныя частныя лица, именно тѣ которые правили посольство къ Византійскимъ Императорамъ; а между посланниками мы видимъ и Скандинавовъ и Славянъ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ имена; слѣдовательно и Скандинавы и Славяне вели торговлю съ Византіею и дорожили ею. Такимъ образомъ въ Олеговыхъ послахъ мы видимъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ торговцевъ нарочно ѣздившихъ въ Византію, чтобы заключить договоръ съ Греками по преимуществу торговый, въ которомъ главная забота состоитъ въ обезпеченіи и опредѣленіи правъ Греко-Руской торговли. Въ договорѣ нѣтъ ни слова ни о дани, ни объ укладахъ ни о какихъ либо преимуществахъ Руссовъ пріѣзжающихъ въ Грецію. Статьи договора преимущественно говорятъ объ опредѣленіи мирныхъ безъобидныхъ отношеній между Греками и пріѣзжающими къ нимъ Руссами, объ устраненіи поводовъ къ ссорамъ, и именно къ такимъ ссорамъ, которыя бываютъ между людьми находящимися въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, объ охраненіи имуществъ, о взаимномъ вспомоществованіи мореходцовъ Греческихъ и Рускихъ и о свободной продажѣ привозимыхъ товаровъ. Все это указываетъ на частыя сношенія Руссовъ съ Греками, и притомъ на такія сношенія, которыми Руссы дорожили, и для поддержанія которыхъ нетребовали себѣ никакихъ преимуществъ, искали только правды и безъобидности, какъ бы опасаясь, что бы Греки въ противномъ случаѣ неотказались отъ сношеній съ Руссами, перестали ѣздить къ нимъ и пускать ихъ къ себѣ.

Для историка особенно драгоцѣнны тѣ статьи договора, которыми обезпечиваются взаимныя безобидныя юридическія отношеня Грековъ къ Руссамъ, относящіяся собственно къ частному праву; въ нихъ онъ находитъ прямое и ясное свидѣтельство о внутреннемъ устройствѣ Русскаго Общества въ то время; ибо естественно что сіи статьи договора заимствованы и изъ Рускаго и изъ Византійскаго

устройства. Руссы непонимали искуственныхъ законовъ Римскаго права, и потому немогли вполнѣ подчиниться имъ, простое же естественное право Руси могло быть понятно для Византійцовъ; а посему со стороны Византійцовъ немогло встрѣтиться большихъ препятствій въ принятіи Русскаго права для сношеній съ Русскими, и Византійцы немогли не допустить Русскихъ законовъ, только съ дополненіями изъ своего права, дополненія сіи ясны, какъ увидимъ изъ самыхъ статей.

Въ числѣ статей, обезпечивающихъ взаимныя сношенія Византійцовъ съ Русскими, первое мѣсто занимаетъ статья о судѣ. Она выражена въ договорѣ такъ: «А о головахъ, ежели что явно будетъ по уликамъ представленнымъ на лицо, то должно вѣрить таковымъ уликамъ; но ежели имъ небудутъ вѣрить, то пусть клянется та сторона, которая требуетъ, чтобы невѣрили; и ежели послѣ клятвы, данной по своей вѣрѣ, окажется по розыску, что клятва была дана ложно, то клявшійся да пріиметъ казнь.» Здѣсь первое и самое важное доказательство на судѣ улика, поличное; чисто Рускій законъ, непотерявшій своей силы и въ настоящее время. Тогда какъ по Римскому праву недостаточно было уликъ, а требовалось, чтобы обвиненіе было подкрѣплено законными свидѣтелями, или построено на самыхъ несомнѣнныхъ доводахъ, или снабжено для доказательства несомнѣнности признаками, которыя были бы яснѣе свѣта.» [74] А въ дѣлахъ уголовныхъ по Римскому праву то только убійство признавалось злодѣяніемъ, достойнымъ казни, которое дѣлалось съ умысломъ. Законъ Римскій говорилъ: «eum, qui hominem occiderit, si non occidendi animo hoc admiserit, absolvi posse, et qui hominem non occiderit, sed vulneraverit, ut occidat, pro homicida damnandum. [75] Въ договорѣ же о такихъ разграниченіяхъ о различіи намѣреній нѣтъ и помину, и требуется только одинъ уликъ представленныя на лицо; здѣсь законъ несправливаетъ съ какимъ намѣреніемъ совершено убійство, и судитъ только на томъ основаніи, что совершено убійство. Ясно что это не Византійскій а Русскій законъ,

[74] Codex IV. XIX. 25 Sciant cuncti accusatores, eam se rem deferre in publicam notionem debere, quae munita sit idonejs testibus, vel instructa apertissimis documentis, vel indiciis ad probationem indubitatis et luce clarioribus expedita.»

[75] Digest. XLVIII. I. u VIII. XIV. Divus Adrianus in haec verba rescripsit: «*In maleficijs voluntas spectatur, non exitus.*»

довольствующійся фактомъ и неспрашивающій о намѣреніи. Но вторая половина статьи явно принадлежитъ Византійцамъ, которые по своимъ понятіямъ о правѣ немогли довольствоваться *однимъ поличнымъ*; и по сему включили возможность допускать споръ и противъ поличнаго, но съ тѣмъ чтобы свидѣтельствующій противъ поличнаго, прежде всего далъ клятву въ справедливости своего свидѣтельства, и въ случаѣ ложности клятвы подвергался наказанію. Всѣ сіи предосторожности и формы при допущеніи свидѣтельствъ противъ поличнаго, явно принадлежатъ Римскому праву, гдѣ читаемъ: «Iurisjurandi religione testes prius, quam perhibeant testimonium, jamdudum arctari praecepimus, et ut honestioribus potius testibus fides adhibeatur. [76] Тамъ же находимъ и наказаніе за ложную клятву, какъ и въ статьѣ договора: «Ежели кто будетъ свидѣтельствовать ложно, то вопервыхъ судится какъ клятвопреступникъ, и потомъ какъ ложный свидѣтель; а ежели ложность свидѣтельства будетъ замѣчена въ самое время свидѣтельствованія, то подвергается пыткѣ. Тотъ же кто отъ ложнаго свидѣтельства потерпитъ вредъ, ежели захочетъ вести дѣло противъ ложнаго свидѣтеля, то весь убытокъ имъ потерпенный переводится на свидѣтеля, который сверхъ того подвергается наказанію опредѣленному законами. «[77] Такимъ образомъ изъ разбора сей статьи мы видимъ, что въ Олегово время на Руси дѣйствовала не одна личная месть, какъ это бываетъ въ обществахъ первобытныхъ, но допускался и судъ въ которомъ поличное щиталось главнымъ и единственнымъ доказательствомъ; что явно свидѣтельствуетъ о степени развитія Русскаго общества при Олегѣ.

Слѣдующая статья договора говоритъ о казни убійцы. «Убьетъ ли Русинъ Христьянина, или Христіанинъ Русина, да умретъ тамъ же, гдѣ учинилъ убійство. Ежели же убѣжитъ учинившій убійство, и ежели онъ имѣетъ достатокъ, со часть его, т. е. что ему принадлежитъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго; но и жена убившаго да удержитъ то лицемъ, что ей принадлежитъ по закону. Еже-

---

[76] Corpus juris. Sectio II. pag. 134.

[77] Ibid. «Ὁ τὰ ψευδῆ μαρτυρήσας πρότερον μὲν ἐπιορκεῖ, δεύτερον δὲ ὡς πλαστογράφος ἐνάγεται, καὶ ἐν αὐτῷ δὲ τῷ καιρῷ τῆς μαρτυρίας ὑπονοηθεὶς ψεύδασθαι βασάνοις ὑπόκειται. Εἰ δὲ βουληθῇ ὁ ἐκ τῆς ψεύδους μαρτυρίας καταδικασθεὶς πολιτικῶς κινῆσαι κατὰ τοῦ ψευδομαρτυρήσαντος, λήψεται παρ αὐτοῦ πᾶσαν, ἣν ὑπέστη, ζημίαν, πρὸς τῷ καὶ τὴν ἀπὸ τῶν νόμων ὡρισμένην τιμωρίαν ὑφίστασθαι. (Cod. Lib. IV. Tit. XX, num XXIII.)

ли же убійца убѣжавъ неоставитъ имѣнія, то искъ непрекращается до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ убійцы и не казнятъ смертію.» Эта статья носитъ на себѣ слѣды Русскаго а не Византійскаго закона; ибо по Римскому праву здѣсь основнымъ закономъ щитался законъ Корнелія требовавшій ссылки убійцы на островъ и лишенія имѣнія; въ послѣдствіи хотя и была въ обыкновеніи смертная казнь, но съ разными ограниченіями, [78] о которыхъ нѣтъ и помину въ статьѣ договора, и при томъ ссылка на острова никогда неотмѣнялась. Что же касается до закона замѣненія смертной казни отдачею имущества убійцы ближнимъ убіеннаго; то о таковомъ законѣ нѣтъ и намеку въ Римскомъ правѣ. Тогда какъ въ древнемъ Русскомъ правѣ онъ сильно развитъ и засвидѣтельствованъ лѣтописями и другими памятниками. Такимъ образомъ статья сія принадлежитъ Русскому а не Римскому праву. Предполагать здѣсь, что выкупъ или отдача имущества убійцы ближнимъ убитаго представляетъ собою уступку Руссовъ Грекамъ, чтобы месть за убитаго непростиралась на родственниковъ убійцы, мы не можемъ; ибо неимѣемъ на это никакихъ указаній; тогда какъ у насъ есть прямыя свидѣтельства Русской правды, какъ о законномъ платежѣ за убитаго, такъ и о томъ, что месть за убійство падала только на убійцу и непростиралась на его родственниковъ. Русская правда прямо говоритъ: «убьетъ мужъ мужа, то мстить брату брата, или сынови отца.» И далѣе: Аще не будетъ кто мьстя; то 40 гривенъ за голову.» Все что мы можемъ здѣсь подозрѣвать объ уступкѣ Византійскому праву со стороны Руссовъ, состояло развѣ въ томъ, что женнино имѣніе не поступало вмѣстѣ съ мужниным въ отдачу ближнимъ убитаго; ибо по Римскимъ законамъ могло быть отдѣльное имѣніе мужа и отдѣльное имѣніе жены. Но и здѣсь нельзя совершенно утвердить, чтобы эта часть статьи прямо принадлежала Римскому праву; ибо и по Скандинавскимъ и по Славянскимъ обычаямъ жена также могла имѣть свое отдѣльное имѣніе. Такъ по свидѣтельству Нестора мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ у Полянъ было обыкновеніе при отдачѣ дѣвицы въ замужство давать за нею приданое: «нехожаше зять по невѣсту, но приводяху

[78] Legis Corneliae de sicarjis et veneficis paena insulae deportatio est, et omnium bonorum ademtio. Sed solent hodie capite puniri, nisi honestiore loco positi fuerint, quam ut paenam legis sustineant; humiliores enim solent vel bestijs subjici, altiores vero deportantur in insulam». (corpus juris Sec. I. pag. 720.)

вечеръ, а завтра приношаху по нѣй что вдадуче.» [79] Слѣдовательно жена могла имѣть свое имущество. Въ древнѣйшихъ же Исландскихъ законахъ извѣстныхъ подъ именемъ Grágás мы имѣемъ прямыя свидѣтельства, что у супруговъ тогда только имѣніе признавалось по закону общимъ и даже переходило въ этомъ видѣ къ наслѣдникамъ, когда супруги утверждали эту общность особымъ актомъ. [80] Или тамъ же: ежели между супругами общность имѣнія небыла утверждена особымъ актомъ; то въ случаѣ денежнаго взысканія на одномъ изъ нихъ виновный платилъ только изъ своего имѣнія, некасаясь имѣнія принадлежащаго другой половинѣ, т. е. именно такъ, какъ поставлено и въ Олеговомъ договорѣ. Въ Русской правдѣ мы также имѣемъ прямое указаніе, что у жены могло быть имѣніе отдѣльное отъ мужнина имѣнія. [82] Слѣдовательно и эта видимая уступка Римскому праву по всему вѣроятію помѣщена въ договорѣ, какъ чисто Русскій законъ.

Статья о взысканіи за побои прямо говоритъ, что она почерпнута изъ Русскаго закона, а не изъ Римскаго права: «Ежели кто ударитъ кого мечемъ или прибьетъ другимъ какимъ орудіемъ, то за сіе удареніе или побои по закону Русскому да заплатитъ пять литръ серебра.» Слѣдовательно о происхожденіи этой статьи не можетъ быть и спору; она же въ подтвержденіе своего происхожденія повторяется и въ Русской правдѣ: «Аще ли кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылесніо; то 12 гривенъ. [83]

Пятая статья договора, въ которой говорится, что воръ пойманный во время кражи, безънаказанно могъ быть убитъ, ежели онъ

---

[79] Полн. Соб. лѣт. Рус. Т. I, стр. 16.

[80] Grágás pars I-ma Sectio VI. Cap. XXII. «Duo conjuges, si voluerint, et aequa adfuerit conditio bonorum, instituant communionem, quae etiam inter haeredes eorum valeat.»

[81] Gragas. Pars. I. Sec. VI cap. XXIII. «Si (communione inter conjuges nonexistente) paena pecuniaria alteri eorum irrogata fuerit, delicti reus bonis proprijs hoc expiat.»

[82] Русск. Правда въ статьѣ о задницѣ боярстѣй и о дружиннѣ: «Аще жена сядетъ по мужѣ, то у своихъ дѣтей взять часть, а что на ню мужъ взложитъ, тъ тому госпожа есть, а задница ей мужня ненадобѣ. Будутъ ли дѣти, то что пьрвои жены, тъ то възмутъ дѣти матери своей.»

[83] Руск. прав. стат. V.

сопротивлялся, на столько же принадлежитъ Римскому праву на сколько и древнимъ Русскимъ закономъ; ибо и по Римскому праву не щиталось преступленіемъ убить вора, ежели онъ защищался оружіемъ.»[84] И въ Русской правдѣ: «Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣба; то той убитъ. Аще ли до свѣта держатъ, то вести его на княжъ дворъ: а ожели убьютъ, а люди будутъ видѣли связанъ; то платити въ немъ.» Это свидѣтельство въ отношеніи первой половины статьи, т. е. когда воръ при поимкѣ будетъ сопротивляться.

Вторая половина статьи, гдѣ сказано: «что ежели воръ пойманный на дѣлѣ, не сопротивляясь отдастся хозяину, и будетъ связанъ, то долженъ отдать и то что укралъ и сверхъ того заплатить тройную цѣну украдѣнаго,» по содержанію своему не противорѣчитъ и Русской правдѣ и Римскимъ закономъ. По Римскому праву открытое воровство наказывалось въ четверо;[85] т. е. возвращалась покраденная вещь, или цѣна ея, и сверхъ того въ наказаніе тройная цѣна вещи.[86] И по Русской правдѣ, воръ кромѣ цѣны, чего стоила украденная вещь, платилъ еще за поступокъ. Въ статьѣ XXIX сказано: «А еже лодью украдеть: то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ; а въ голубѣ и въ куряти 9 кунъ; а въ уткѣ, и въ гусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди, 30 рѣзанъ: а продажи 60 рѣзанъ.» Такимъ образомъ вторая половина статьи, по совершенному сходству съ институтами Юстиніана, явно заимствована изъ Римскаго права, но въ то же время по сличенію съ XXIX статьею Русской правды оказывается, что она непротиворѣчитъ и Русскимъ законамъ.

Окончаніе статьи: «Но ежели кто Русинъ ли у Христіанина, или Христіанинъ у Русина будетъ дѣлать обыскъ съ притѣсненіемъ, и явнымъ насиліемъ, или возметъ что либо у другаго, да возвратитъ втрое.» Эта часть статьи имѣетъ отношеніе къ статьѣ Русской правды о сводѣ; на нее же есть указанія и въ Римскомъ правѣ. А въ древнихъ Исландскихъ законахъ извѣстныхъ подъ именемъ Grágás

---

[84] Furem interdiu deprehensum non aliter occidere lex duodecim tabularum permisit, quam si telo se defendat; teli autem appellatione et ferrum et fustis, et lapis, et denique omne, quod nocendi causa habetur, significatur. (Digest. Lib. XLII. Tit. II. de furtis. LVI).

[85] Insit. Lib. IV. Tit. I. «Poena manifesti furti quadrupli est.»

[86] Ibid. Tit. II. «In quadruplo inest rej persecutio, ut paena tripli sit.»

этотъ законъ выраженъ близко къ статьѣ договора, тамъ сказано: «Si inquirentes violenter et nullo jure et aliter, quam hic praescribitur sese gesserint, proscriptionis tenentur, modo nihil ibi intus invenerint, nec herus furti convincatur, sin minus, impune fiat.» (Gràgàs sestio VIII. Tit. C. X. VIII).

Въ девятой статьѣ сказано, что плѣнники, приводимые въ Русь на продажу, продаются по 20 златницъ и свободно отпускаются въ Грецію. Эта статья очевидно составлена подъ вліяніемъ Римскаго права, по которому законная цѣна невольника полагалась въ 20 солидовъ,[87] что почти тоже значило, что и двадцать златницъ; ибо и та и другая монета была золотая, и заключала въ себѣ 25 денаріевъ.

Десятая статья договора также составлена подъ вліяніемъ Римскаго права. Въ ней сказано: «Ежели невольникъ принадлежащій Русину будетъ украденъ, или проданъ насильно, или самъ уйдетъ, и ежели Русинъ начнетъ на это жаловаться; то справедливость жалобы долженъ подтвердить самъ невольникъ, и тогда дозволяется взять его въ Русь.» Это требованіе, чтобы невольникъ самъ объявилъ, принадлежитъ ли онъ истцу, по всему вѣроятію основано на извѣстныхъ статьяхъ Римскаго права, именно требующихъ, что бы бѣглые невольники спрашивались: кому они принадлежатъ,[88] и почему въ бѣгахъ живутъ у того хозяина, у котораго оказались по сыску.[89] Впрочемъ и въ Руской правдѣ есть указанія, что невольники въ случаѣ предъявленія на нихъ иска также спрашивались, отъ кого и какъ они перешли къ хозяину, у котораго оспориваетъ ихъ истецъ; именно въ статьѣ о челядинѣ сказано: «Аще кто познаетъ челядинъ свой украденъ, а поиметъ и, то оному вести по кунамъ и до третьяго

---

[87] Cod. L. VI. Tit. I. «Qvicunque fugitivum seruum in domum vel in agrum inscio domino ejus suscepit, eum cum alio pari vel viginti solidis reddat.»

[88] Cod. L. VI. Tit. I. § VI. «Cum servum quispiam repetit fugitiuum, et alius evitandae legis gratia, quae in occultantes mancipia certam paenam statuit, proprietatem apponit; vel in vocem libertatis eum animadvertit, illico nequissimus verbera, super quo ambigitur, tormentis subijciatur, ut aperta veritate disceptationis terminus fiat.»

[89] Ibid. § IV. «Sane mancipium torqueri oportet, ut manifestetur, utrum propter lucrum capiendum callide a domino ad domum vel ad agrum ejus, qui eum suscepit, missus fit, an non.»

свода; пояти же челядинъ въ челядина мѣсто, а оному дати лице, ать идеть до конечнаго свода, а то есть ни скотъ, нельзѣ рече, не ведѣ у кого есть купилъ, нъ по языку ити до конца.» Такимъ образомъ эта статья хотя и составлена подъ вліяніемъ Римскаго права, тѣмъ неменѣе не противорѣчитъ и Руской правдѣ; и слѣдовательно, принята обѣими договаривающимися сторонами, Греками и Руссами, какъ законъ согласный съ правами того и другаго народа. Но за то право предоставленное этою статьею гостямъ, — брать невольниковъ, по сыску, безъ подверженія иска самимъ невольникомъ, кажется собственно принадлежитъ Руссамъ, ибо въ Римскомъ правѣ подобныхъ привиллегій не имѣется; и Греки согласились на подобную привиллегію вѣроятно по высокому значенію гостей въ Русскомъ обществѣ. Окончаніе статьи: «ежели хозяинъ дома недопуститъ дѣлать обыскъ; то тѣмъ самымъ уже лишается права на невольника.» явно принадлежитъ Римскому праву, по которому домохозяинъ, недозволяющій дѣлать законнаго обыска, подвергался суду какъ воръ, что и называлось *actio prohibiti furti.* [90] Подобнаго узаконенія ни въ Руской правдѣ ни въ древнихъ Исландскихъ законахъ мы не встрѣчаемъ, слѣдовательно оно принадлежало чисто Римскому праву.

Одинадцатая статья договора состоитъ въ узаконеніяхъ относительно наслѣдованія имущества остающагося послѣ Руссовъ состоящихъ на службѣ у Византійскаго Императора; она требуетъ, чтобы имѣніе остающееся послѣ Русса умершаго безъ завѣщанія отсылалось на Русь къ его ближнимъ; а ежели покойный оставлялъ завѣщаніе то имѣніе его отдавалось тому, кто написанъ въ завѣщаніи. Это узаконеніе явно принадлежитъ Руссамъ; ибо въ статьѣ говорится только объ однихъ Руссахъ и объ ихъ имуществахъ, слѣдовательно до Византійцовъ это вовсе некасалось, и имъ незачѣмъ было тутъ вмѣшиваться съ Римскимъ правомъ; Руссы въ своихъ дѣлахъ естественно должны были вѣдаться своими законами.

Двѣнадцатая статья также явно принадлежитъ Рускому праву; въ ней не Греки а Руссы требуютъ, чтобы преступники бѣжавшіе въ Грецію насильно были возвращаемы въ Русь; и только какъ вознагражденіе предоставляется Грекамъ право на такоеже требованіе, ежели Греческіе преступники убѣгутъ въ Русь.

---

[90] Instit. L. IV. Tit. 1. «Est etiam prohibiti furti actio aduersus eum, qui furtum quaerere testibus praesentibus volentem prohibuerit.»

Такимъ образомъ, разсмотрѣвши статьи договора относящіяся къ обезпеченію взаимныхъ юридическихъ отношеній между Греками и Руссами, и отыскавши какія части статей принадлежатъ Рускому и какія Римскому праву, мы теперь отъ части можемъ видѣть внутреннее устройство Рускаго общества при Олегѣ. И находимъ 1-е, что въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ былъ въ обычаѣ судъ надъ преступниками, на которомъ главнымъ и, судя по договору, единственнымъ доказательствомъ признавалось поличное; слѣдовательно въ обществѣ уже недопускалось самоуправства. Хотя личная месть за убійство родственника, принимаемая Рускою правдою, повидимому указываетъ скорѣе на самоуправство, а не на судъ; но въ сущности между статьею договора и Рускою правдою нѣтъ противорѣчія; ибо Руская правда ограничиваетъ месть извѣстными ближайшими степенями родства, и неоставляетъ убійцы безъ наказанія хотябы и небыло мстителей; слѣдовательно также требуетъ суда и недопускаетъ самоуправства. 2-е убійца въ Рускомъ обществѣ по закону подвергался смерти, и даже именно на мѣстѣ преступленія: «да умретъ, идеже аще створить убійство;» но въ то же время законъ допускалъ вознагражденіе ближнихъ убитаго имѣніемъ убійцы, ежели убійца скрывался; при чемъ ближніе убитаго получали только то имѣніе, которое по закону принадлежало лично убійцѣ, и немогли брать имѣнія принадлежащаго его женѣ. Это ограниченіе указываетъ, что кромѣ судебнаго разбирательства по преступленіямъ на Руси тогда было уже судебное разбирательство по имѣніямъ, т. е. чисто гражданскій судъ опредѣляющій законность правъ на имущества. Статья договора именно говоритъ: «аще есть имовитъ (убійца) да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго.» 3-е Личныя обиды именно побои и раны, въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ также подчинялись суду, и обиженный получалъ опредѣленное закономъ денежное вознагражденіе, именно по четвертой статьѣ договора 5 литръ серебра, а по Руской правдѣ 12 гривенъ; слѣдовательно и тутъ недопускалось самоуправства, а требовался судъ, какъ по Олегову договору такъ и по Руской правдѣ. 4-е. При преслѣдованіи ночнаго вора хотя и допускалось нѣкоторое самоуправство, но только въ крайности когда воръ былъ вооруженъ и оказывалъ сопротивленіе; въ такой крайности самоуправство допускалось и современнымъ Римскимъ правомъ. Но въ противномъ случаѣ, т. е. когда воръ несопротивлялся и дозволялъ себя связать, законы Олеговыхъ Руссовъ равно какъ и Руская правда

строго запрещали и наказывали всякое самоуправство, и требовали, что бы воръ былъ представленъ въ судъ и подвергся наказанію опредѣленному закономъ, по Олегову договору въ такой же мѣрѣ, какая опредѣлялась и Римскимъ правомъ. Здѣсь самоуправство до того преслѣдовалось закономъ, что подвергалось наказанію такомуже какъ и воровство, даже тогда, когда оно являлось въ видѣ законнаго обыска. 5-е. Преслѣдованіе преступниковъ, по Рускому праву современному Олегу, не прекращалось и за предѣлами Руской земли, законъ требовалъ ихъ возвращенія даже тогда, когда они успѣвали скрыться за границу, какъ прямо говоритъ 12 статья договора: «между торгующими Руссами и разными приходящими въ Грецію и проживающими тамъ ежели будетъ преступникъ, и долженъ быть возвращенъ въ Русь; то Русь должна объ этомъ жаловаться христіанскому царю, и тогда возмутъ таковаго и возвратятъ въ Русь насильно.» Это настойчивое преслѣдованіе преступниковъ даже за предѣлами Руской земли служитъ яснымъ свидѣтельствомъ о могуществѣ власти и закона въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ, и слѣдовательно о твердости общественнаго устройства, основаннаго на разумныхъ началахъ, а не на случайныхъ отношеніяхъ.

Указавши на основаніи Олегова договора на тѣ законныя мѣры, которыя тогдашнее Руское общество употребляло противъ нарушенія правъ признанныхъ закономъ, теперь слѣдуетъ указать на тѣ права, которыя Руское общество предоставляло своимъ членамъ (сколько это можно видѣть изъ того же Олегова договора съ Греками). Относительно этаго предмета мы уже замѣтили при разборѣ третьей статьи договора, что владѣніе имуществомъ по тогдашнему устройству общества тогда только почиталось правильнымъ и заслуживающимъ общественную защиту и законное покровительство, когда имущество признано за владѣльцомъ по закону; «да часть его, сирѣчь, иже его будетъ по закону,» какъ прямо сказано въ договорѣ; въ той же статьѣ мы видѣли, что мужъ и жена могли имѣть отдѣльныя имущества; такъ что въ случаѣ взысканія за преступленіе изъ отдѣльныхъ имуществъ мужа и жены, поступало въ удовлетвореніе по закону только то имѣніе, которое принадлежало виновному; тамъ же мы видѣли что таковыя отношенія имуществъ мужа и жены на столько же принадлежали Римскому на сколько и древнему Рускому праву, равно какъ и Скандинавскимъ законамъ. Далѣе въ одинадцатой статьѣ договора мы встрѣчаемъ довольно ясное опредѣленіе правъ на имущества, признававшихся законными въ тогдашномъ Рускомъ обще-

ствѣ. Такъ въ этой статьѣ мы находимъ свидѣтельство, что имущество составляло собственность лица а не рода, что владѣлецъ или хозяинъ имущества не только могъ свободно разпоряжаться имъ при жизни, но даже имѣлъ право писать завѣщаніе съ назначеніемъ наслѣдника имуществу на случай своей смерти; и законъ признавалъ таковое завѣщаніе обязательнымъ. Въ этой же статьѣ есть указаніе и на права личныя вытекающія изъ отношеній лицъ другъ къ другу, здѣсь именно указывается на родственныя отношенія, которыми также условливались права на имущество; статья говоритъ о правѣ наслѣдованія родственниками, въ случаѣ ежели хозяинъ имущества умеръ не назначивъ наслѣдника завѣщаніемъ. Слѣдовательно въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ тѣ или другія отношенія лицъ другъ къ другу имѣли обязательную силу, и влекли за собою извѣстныя права на имущество, и права сіи были подъ охраненіемъ закона.

Теперь обратимся къ тѣмъ статьямъ договора, въ которыхъ есть указаніе на права лицъ вытекающія изъ отношеній къ самому обществу. Здѣсь самыя важныя указанія мы встрѣчаемъ въ вступленіи и первой статьѣ договора; именно вступленіе указываетъ намъ на верховнаго властителя Руси, Великаго Князя, на князей его подручниковъ, вѣроятно княжившихъ надъ разными племенами подчиненными Олегу, на свѣтлыхъ бояръ и на всю Русь подвластную Великому Князю; первая статья также говоритъ о князьяхъ, которыхъ называетъ свѣтлыми и властителями народа; и далѣе десятая статья упоминаетъ о гостяхъ, и о рабахъ. Такимъ образомъ изъ сихъ упоминаній мы видимъ, что по отношенію къ обществу были особыя права верховнаго властителя Руси, Великаго Князя, потомъ особыя права властителей надъ племенами подчиненными Великому Князю, особыя права бояръ, высшаго класса подданныхъ, носившихъ названіе свѣтлыхъ бояръ, особыя права гостей, и наконецъ особыя права вообще всѣхъ свободныхъ людей принадлежащихъ къ Рускому обществу, и права невольниковъ или рабовъ. Въ договорѣ Олеговомъ конечно мы ненаходимъ полнаго опредѣленія правъ того или другаго класса членовъ тогдашняго Рускаго общества; но уже самое различіе наименованій присвоенныхъ каждому классу намекаетъ на различіе правъ, ибо ежели въ языкѣ образовались различныя наимѣнованія, то это уже есть явный признакъ различія въ значеніи и правахъ; безъ идеи безъ предмета въ языкѣ неможетъ образоваться словъ или выраженій, которые всегда являются только какъ послѣдствія какъ изображенія идей напередъ уже составленныхъ умомъ и вытекшихъ изъ жизни. Впрочемъ

договоръ представляетъ нѣсколько данныхъ и для опредѣленія правъ того или другаго класса; такъ Олегъ Великій Князь Рускій называется властителемъ всей Руси, ему подчинены и свѣтлые бояре и другіе князья; въ договорѣ сказано. «Мы отъ рода Рускаго, иже послани отъ Ольга великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ, похотеньемъ нашихъ князь, и по повелѣнью Великаго Князя нашего, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси.» здѣсь даже видимъ, что въ сношеніяхъ съ чужеземнымъ народомъ разпоряжался не одинъ Великій Князь, но также имѣли голосъ и другіе князья подвластные Великому Князю, и бояре и вся Русь. Далѣе первая статья договора называетъ властителями владѣющими надъ народомъ и низшихъ князей подчиненныхъ Олегу; статья говоритъ;» не вдадимъ, елико наша изволенье, быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакому же соблазну или винѣ. «Но бояръ договоръ нигдѣ неназываетъ властителями, и оставляетъ за ними только право свѣтлости, т. е. благородства, особаго почета въ народѣ, отсюда мы можемъ заключать, что бояре небыли властителями и непринадлежали къ состоянію князей. Десятая статья договора представляетъ намъ данныя для нѣкотораго опредѣленія правъ присвоенныхъ тогдашнимъ Рускимъ обществомъ состоянію гостей; она говоритъ: «аще украденъ будетъ челядинъ Рускый, и жаловати начнутъ Русь, да покажется таковое отъ челядина, даимутъ и въ Русь; но и гостье погубиша челядинъ; и жалуютъ, да ищуть и, обрѣтаемое да имуть є.» Здѣсь, какъ мы видимъ, гости противополагаются вообще другимъ Руссамъ пріѣзжающимъ въ Грецію, слѣдовательно признаются особымъ отдѣльнымъ состояніямъ, особымъ классомъ съ своими правами. И тутъ же находимъ и нѣкоторое преимущество правъ гостя передъ другими Руссами приходящими въ Грецію; ибо для Руси вообще, что бы возвратить пропавшаго челядина, нужно было, чтобы самъ челядинъ призналъ ищущаго своимъ хозяиномъ, «да покажется таковое отъ челядина» тогда какъ для гостей небыло нужно показанія челядина, а требовалось только, чтобы гость подалъ жалобу и указалъ или отыскалъ челядина. А Игоревъ договоръ ставитъ гостей послѣ пословъ, и указываетъ на нихъ какъ на торговцовъ отправляющихся съ товарами въ чужія земли: «А Великій Князь Русскый и бояре его да посылаютъ въ Греки къ великимъ царемъ Греческимъ корабли елико хотятъ со слы и гостьми, пошаху сли печати злати, а гостье сребрени.» Такимъ образомъ, по снесенію Олегова договора съ Игоревымъ, мы находимъ, что гости въ

въ тогдашнемъ Рускомъ обществѣ составляли высшій торговый классъ отправляющій свои товары въ чужія земли, и имѣющій нѣкоторыя преимущества въ правахъ, именно почти въ такомъ значеніи въ какомъ мы видимъ гостей во многихъ оффиціальныхъ и лѣтописныхъ памятникахъ Московскаго періода. Наконецъ девятая и десятая статьи договора даютъ нѣкоторыя указанія для опредѣленія состоянія невольниковъ, рабовъ, называвшихся тогда челядью. Такъ девятая статья говоритъ, что невольниками были плѣнники, что они продавались какъ товаръ, и проданные отсылались въ разныя земли; а въ десятой статьѣ указывается на невольника, какъ на вещь, на которую права хозяина были неприкосновенны и охранялись закономъ, хозяинъ могъ требовать своего невольника, гдѣ бы его неотыскалъ.

Наконецъ договоръ Олега представляетъ нѣсколько данныхъ для опредѣленія отношеній Олеговыхъ Руссовъ къ Грекамъ. Здѣсь во-первыхъ мы видимъ, что цѣлію договора были миръ и любовь съ Греками; въ договорѣ послѣ вступленія прямо сказано: «Вотъ главы о любви, которыя мы взялись исполнять по Божіей вѣрѣ; слѣдовательно отношенія Руссовъ къ Грекамъ были чисто мирныя, какъ равныхъ съ равными, а не какъ побѣдителей съ побѣжденными, что подтверждаетъ и весь договоръ, непредставляя даже намековъ на какія либо преимущества и насильственныя требованія съ которой либо изъ договаривающихся сторонъ. Далѣе шестая статья договора свидѣтельствуетъ о дѣятельной торговлѣ между Руссами и Греками; мы въ ней видимъ что и Греки ходили съ торговлею въ Рускую землю, и Руссы въ Греческую, и производили торговлю именно воднымъ путемъ. Статья говоритъ: «ежели большимъ вѣтромъ выкинетъ лодью на чужую землю, и тамъ случится кто нибудь изъ насъ Руси идущій въ Греческую землю, тотъ долженъ охранять лодью съ ея товаромъ, и отвести въ землю Христіанскую. Но ежели случится таковое нещастіе близь Рускої земли, то Руссы обязываются проводить лодью въ Рускую землю, и по разпродажѣ товара проводить въ Грецію торговцовъ, когда Руссы пойдутъ къ Греческому царю съ посольствомъ или съ торговлею.» Здѣсь мы видимъ указаніе, что Руссы часто ходили въ Грецію и въ качествѣ пословъ и въ качествѣ торговцовъ; слѣдовательно были въ дѣятельныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Греками, и для поддержанія сихъ сношеній принимали на себя обязанность помогать Греческимъ торговцамъ въ случаѣ морской бури или другихъ нещастій на пути; эта готовность помогать Греческимъ торговцамъ на пути показываетъ, что Руссы

были очень хорошо знакомы съ морскимъ путемъ въ Грецію, и щитались обычными посѣтителяли странъ лежащихъ въ сосѣдствѣ съ симъ путемъ. Седмая статья договора указываетъ, что между предметами торговли Грековъ съ Руссами были невольники или плѣнники, которыхъ скупали и въ Греціи и на Руси изъ разныхъ сторонъ; и Греки и Руссы чтобы подержать взаимныя дружественныя отношенія взаимно обязывались выкупать плѣнниковъ той и другой стороны и отсылать на родину. А девятая статья говоритъ что невольниковъ приводили много и часто и опредѣляетъ на основаніи Римскаго права торговую цѣну невольниковъ по 20 златницъ или солидовъ. Это опредѣленіе цѣны невольниковъ показываетъ, что невольники составляли въ то время одну изъ важныхъ статей торговли, такъ что для нее даже потребовалось опредѣленіе цѣны, тогда какъ на прочіе товары цѣна неопредѣлялась закономъ.

Осмая, одинадцатая и двѣнадцатая статьи договора свидѣтельствуютъ, что Руссы кромѣ торговыхъ сношеній имѣли и другія сношенія съ Греками, многіе изъ Руссовъ приходили въ Константинополь для найма въ военную службу у тамошнихъ Императоровъ, что по договору безъ препятственно дозволялось отъ Великаго Князя Рускаго, какъ прямо говоритъ осьмая статья договора. «Егда же требуетъ на войну ити, егдаже требу творите, и си хотятъ почестити Царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придетъ, и хотятъ остати у царя вашего, своею волею да будуть.» Одинадцатая же статья договора указываетъ, что Руссы поступая на службу у Византійскихъ Императоровъ тѣмъ самымъ необращалась въ Византійскихъ гражданъ или подданныхъ, но по прежнему оставались членами Рускаго общества; ибо статья требуетъ, чтобы имѣніе остающееся по смерти Руссовъ служащихъ въ Греціи отсылалось на Русь къ родственникамъ. А двѣнадцатая статья упоминаетъ о Руссахъ торговцахъ, и приходящихъ въ Грецію по разнымъ другимъ дѣламъ, и о проживающихъ въ Греціи, или какъ выражено въ статьѣ удолжающихъ; и такимъ образомъ представляетъ прямое свидѣтельство, что сношенія Руссовъ съ Греками были часты и разнообразны [91].

---

[91] Я разбиралъ договоръ Олега во всѣхъ подробностяхъ, какъ актъ несомненный и подлинный, и непредставилъ никакихъ съ своей стороны доказательствъ въ пользу подлинности договора потому, что послѣ трудовъ, Круга, Карамзина, Эверса, и Погодина подлинность договоровъ Олега и Игоря уже неимѣетъ нужды въ новыхъ доказательствахъ.

Разсмотрѣвши Олеговъ договоръ по всѣмъ отношеніямъ, теперь слѣдуетъ перейти къ послѣдующимъ событіямъ Олегова времени. Лѣтописецъ говоритъ, что Византійскій Императоръ Левъ почтилъ Рускихъ пословъ дарами: золотомъ, драгоцѣнными тканями и одеждами, приставилъ своихъ чиновниковъ показать имъ церковныя украшенія, золотыя палаты и хранящіяся въ нихъ богатства множество золота, дорогія ткани, драгоцѣнные камни, страсти господни, (т. е. вѣнецъ терновый, гвозди и багряную хламиду), а также мощи святыхъ, желая такимъ образомъ научить пословъ своей вѣрѣ; и потомъ съ великою честію отпустилъ ихъ домой. Послы возвратившись къ Олегу разсказали ему всѣ разговоры свои съ Императоромъ Византійскимъ, и какъ заключили миръ, какія утвердили условія между Рускою и Греческою землею, и какъ обѣ договаривающіяся стороны клялись ненарушать договора.

Осенью 912 года Олегъ скончался ужаленный зміею на могилѣ любимаго коня. Вотъ преданіе объ Олеговой кончинѣ сохраненное лѣтописцемъ. «И жилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми странами, княжа въ Кіевѣ. И настала осень, и вспомнилъ Олегъ про своего коня, котораго поставилъ кормить, и на которомъ давно уже неѣздилъ. Потому что преждѣ когда то онъ спросилъ у волхвовъ и кудесниковъ отъ чего мнѣ умереть? и одинъ кудесникъ сказалъ ему: «князь! тебѣ умереть отъ коня на которомъ ты ѣдишь и котораго любишь.» Олегъ подумалъ объ этомъ и сказалъ: «никогдаже несяду на этаго коня и неувижу его болѣе, и приказалъ кормить его и не подводить къ себѣ. И такъ прошло нѣсколько лѣтъ, конь оставался безъ дѣла, Олегъ сходилъ уже въ Грецію, воротился въ Кіевъ, прожилъ еще четыре года, а на пятомъ вспомнилъ о конѣ, отъ котораго волхвы обрекли умереть ему, и призвавъ старѣйшину конюховъ, спросилъ: гдѣ конь, котораго я поставилъ на кормъ и приказалъ беречь? старѣйшина отвѣчалъ: «конь умеръ.» Олегъ засмѣялся и въ укоризну кудеснику сказалъ; «что ни говорятъ эти волхвы, все пустяки и ложъ; конь умеръ, а я живъ.» И приказалъ осѣдлать себѣ коня, и пріѣхавъ на мѣсто гдѣ лежали голые конскіе кости и черепъ, слезъ съ коня, и ступивши ногою на черепъ, съ насмѣшкою сказалъ: «отъ сего ли лба умереть мнѣ?» въ это время змія выползла изъ конскаго черепа и укусила Олега въ ногу. Отъ этаго Олегъ разболѣлся и умеръ.» Далѣе лѣтописецъ продолжаетъ. «И плакали всѣ люди великимъ плачемъ по Олегѣ, и понесли его, и похоронили на горѣ, что на-

зывается Щековица; и до сего дни цѣла еще его могила, и слываетъ Ольгова могила.»

Преданіе о кончинѣ Олега съ одной стороны напоминаетъ намъ о Норманскомъ характерѣ и произхожденіи тогдашней приднѣпровской Руси; ибо подобное преданіе мы встрѣчаемъ въ сагѣ Орваръ-Одда, знаменитаго Скандинавскаго витязя, которому одна вѣдунья Гейда также предрекла умереть отъ зміи выползшей изъ черепа его любимаго коня Факсія, и который въ послѣдствіи дѣйствительно умеръ ужаленый на могилѣ своего коня зміею выползшей изъ конскаго черепа. [92] Съ другой стороны тоже преданіе свидѣтельствуетъ что Олегъ своими подвигами заслужилъ особенное уваженіе у своихъ современниковъ и потомковъ, что онъ былъ истиннымъ героемъ тогдашней Руси, и героемъ именно въ народномъ духѣ; ибо вездѣ народное преданіе вмѣшательство высшей силы въ судьбахъ человѣка, предсказанія, и все чудесное соединяетъ только съ памятію о геройхъ, снискавшихъ своими подвигами особенную любовь народа.

По смерти Олега Русскимъ Княземъ въ Приднѣпровьѣ сдѣлался Игорь сынъ Рюриковъ. Этому Князю тогда было 35 лѣтъ отъ роду. Судя по преданію сохраненному лѣтописцемъ, Игорь думалъ также мирно начать свое княженіе, какъ мирно кончилъ свое Олегъ. Но что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ Приднѣпровской Руси, было возможно при концѣ жизни для стараго грознаго Князя посѣдевшаго въ битвахъ, то оказалось не совсѣмъ удобнымъ для Князя молодаго, только что начавшаго властвовать и еще неознаменовавшаго себя ни какими подвигами. Олегу въ послѣдніе годы жизни можно было жить мирно: одно грозное имя его приводило въ трепетъ всѣхъ сосѣдей дальнихъ и ближнихъ; а буйные дружинники, эта вольница нетерпѣвшая покоя, такъ привыкли къ старому вождю, столько лѣтъ водившему ихъ на вѣрную побѣду и добычу, что безъ его приказу не смѣли и думать о какихъ либо военныхъ предпріятіяхъ. Но не стало стараго Князя, и все пошло иначе; на первомъ же году Игорева княженія заратились Древляне и Уличи, а въ слѣдъ за ними и буйные повольники пустились сами, мимо Князя, искать войны и добычи.

По свидѣтельству Масуди восточнаго историка X вѣка въ 913 году пятьсотъ Русскихъ лодій явились въ устьѣ Дона, и подплывъ

---

[92] Antiq. Russ. T. I. p. 107.

къ Хазарской заставѣ, послали просить къ Хазарскому Государю, чтобы онъ пропустилъ ихъ чрезъ свою землю на Волгу и въ Хазарское море, обѣщая за то половину добычи, какую возмутъ въ Прикаспійскомъ краѣ. Каганъ согласился пропустить ихъ; и Руссы поплыли въ верхъ по Дону, потомъ перетащили свои лодьи на Волгу, и отъ Итиля внизъ по Волгѣ вышедъ въ Каспійское море, начали опустошать приморскіе берега въ областяхъ Джилѣ, (Гилянь) Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абисекунѣ и Нефтяной землѣ вплоть до Адербайджана. Тамошніе народы съ незапамятныхъ временъ невидавшіе врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ, незнали какъ защититься; Руссы всюду являлись нечаянно: били мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили богатство, и опустишивши одно мѣсто, удалялись на острова, и потомъ снова нечаянно являлись въ другомъ мѣстѣ, также дѣлали нападенія, разбивали противниковъ, грабили, опустошали и опять удалялись. Наконецъ тамошніе жители собрались съ силами и на лодкахъ и купеческихъ судахъ дружно пустились къ островамъ занятымъ Руссами, но были разбиты. И Руссы проживъ нѣсколько мѣсяцовъ на морѣ, и награбивъ множество добычи и плѣнницъ, отправились обратно къ устью Волги, и отсюда послали къ Хазарскому Государю условленную часть награбленнаго. Но музульманская гвардія (Аларесія) Кагана и другіе музульмане, жившіе въ Хазарской землѣ, стали просить Кагана, чтобы дозволилъ раздѣлаться съ грабителями, которые опустошили землю ихъ братьевъ музульманъ и по плѣнили ихъ женъ и дѣтей. Каганъ не могъ противиться такому требованію, и только извѣстилъ Руссовъ, что на нихъ приготовляется нападеніе. Музульмане отправились въ походъ вмѣстѣ со многими Христіанами, жителями Итиля, ихъ всего собралось 15,000 человѣкъ. Руссы оставя лодки, вышли къ нимъ на встрѣчу, и бились съ ними три дня сряду: наконецъ музульмане побѣдили; изъ Руссовъ одни пали въ битвѣ, другіе потонули, а часть истреблена Буртасами (Мордвою) и Волжскими Болгарами.[93]

У нашего лѣтописца нѣтъ и помину объ этомъ дальнемъ набѣгѣ Руссовъ; но это и немогло быть иначе; набѣгъ сей былъ не больше какъ предпріятіе повольниковъ ходившихъ за добычею безъ вѣдома

[93] Жур. Мин. Нар. Пр. 1835 г., ч. II, статья Григорьева о древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ, 236—239.

Князя, и притомъ предпріятіе очень обыкновенное въ тогдашнее время и въ добавокъ неимѣвшее послѣдствій; слѣдовательно лѣтописецъ могъ и незнать объ немъ, или зная могъ неупоминать въ своей лѣтописи, какъ о дѣлѣ обычномъ и нимало не интересномъ для современниковъ. Для насъ же настоящее чужеземное извѣстіе о набѣгѣ Руссовъ на берега Каспійскаго моря преимущественно важно потому, что оно служитъ яснымъ свидѣтельствомъ, какъ сильно было развито повольничество въ первый вѣкъ Рускаго Государства, и какъ въ то время храбрые воины предпріимчиваго Князя легко превращались въ удалыхъ повольниковъ грабителей при Князѣ менѣе предпріимчивомъ, при которомъ не находили занятія согласнаго съ ихъ характеромъ. Подробности настоящаго набѣга Игоревыхъ Руссовъ, живо напоминающія подобные подвиги Новгородскихъ ушкуйниковъ и повольниковъ XIII и XIV столѣтій, [94] ясно говорятъ намъ,

---

[94] Вотъ для сравненія нѣсколько лѣтописныхъ извѣстій о походахъ ушкуйниковъ, по характеру своему совершенно одинаковыхъ съ вышеописаннымъ набѣгомъ Руссовъ на берега Каспійскаго моря. «Лѣта 6874 ходиша изъ Новгорода люди молодыи на Влъгу безъ Новгородскаго слова; а воеводою Осипъ Варѳоломѣевичь, Василій Ѳедоровичь, Александръ Обоконовичь; того же лѣта пріидоша вси здрави въ Новгородъ.» (Новг. I, стр. 88.) Или: «Тогожъ лѣта пріидоша изъ Новгорода великого Новгородцы разбойницы, и бысть ихъ 200 ушкуевъ; и поидоша внизъ Волгою рѣкою, и избиша Татаръ и Арменъ въ Новгородѣ (Нижнемъ) множество, гостей сущихъ Татарскихъ тако же и Новгородскихъ, и жены и дѣти ихъ убиша, и товаръ ихъ безчисленно пограбиша, и суды ихъ вся изсѣкоша, и все огню предаша, а сами отъидоша въ Каму; и тако Камою ходяще Болгары воююще и многихъ избиша.» (Ник. IV, стр. 12.) Или: «Лѣта 6883 изъ Новгорода Великаго идоша разбойницы въ 70 ушкуевъ, а воевода бѣ у нихъ Прокофей, а другій Смольянинъ; бѣ же ихъ всѣхъ 2000 и поидоша на рѣку на Волгу рѣкою Костромою, и сташа ополчившись на брань подъ градомъ Костромою. Гражане жъ изыдоша противу ихъ изъ града собравшеся на бой. И видѣвше множество Костромичь разбойницы, и раздѣлишася на двое, и послаша половину лѣсомъ втай; они жъ обшедше удариша въ тылъ на Костромичи, а другая половина въ лице. Воевода жъ Костромскій Плещѣевъ подавъ плещи побѣжа, и вси Костромичи убоявшесь побѣгоша, а иныхъ живыхъ поимаша, и вшедши во градъ вся пограбиша; и стояша недѣлю во градѣ цѣлую, и всяко сокровище потаенное изобрѣтоша и елико возмогоша взяша, а елико не возмогоша та

что Руссы нападавшіе на берега Каспійскаго моря были именно повольники, ушкуйники и Новгородскіе и Приднѣпровскіе и Скандинавскіе, скопившіеся въ Кіевѣ при Олегѣ для того, чтобы участвовать въ его походахъ, и по смерти стараго Князя воителя не находя себѣ дѣла при новомъ, сами собою пустившіеся искать добычи и славы въ дальнихъ набѣгахъ. Появленіе ихъ, принастоящемъ набѣгѣ, прежде всего въ устьѣ Дона, прямо показываетъ, что они пришли изъ Кіева а не изъ другой какой либо стороны, что они именно принадлежали къ той неугомонной вольницѣ, которая по смерти Олега не находя себѣ дѣла при Игорѣ, сама принялась промышлять о себѣ, и спустившись внизъ по Днѣпру, по Черному и Азовскому морю проникла до устьевъ Дона. Тоже подтверждаетъ и отступленіе ихъ по Волгѣ до земли Буртасовъ и Болгаръ; ежели бы они были жителями прибрежій Черноморскихъ, то потерпѣвши пораженіе имъ слѣдовало бы пробираться къ Дону, чтобы потомъ спуститься въ море; пробираясь же такъ далеко вверхъ по Волгѣ до земли Буртасовъ и Булгаръ, они явно обличаютъ себя повольниками Кіевскими, воинами стараго Олега, состоявшими изъ сброда Новгородцовъ, Кривичей и Варяговъ, которымъ было все равно идти ли Дономъ, Чернымъ моремъ и Днѣпромъ на Кіевъ, или въ верхъ Волгою на Новгородъ.

Въ то время, какъ Олеговы воины, оставившіе Игоря, въ качествѣ повольниковъ, промышляли по свидѣтельству восточныхъ писателей на берегахъ Каспійскаго моря, самъ Игорь, по свидѣтельству Рускаго лѣтописца, отправился на заратившихся Древлянъ, а

вся пожгоша, а иное въ рѣку въ Волгу пометаша, и многихъ Христіанъ въ полонъ повѣдоша съ женами и дѣтьми. То же отъ Костромы поидоша къ Новгороду къ Нижнему и градъ зажгоша, и люди убиша, а иныхъ въ полонъ повѣдоша; и поидоша Волгою на низъ въ Каму повернуша и много пограбиша на ней; и возвратившесь пріидоша въ Болгары иже есть въ Казань, и тамо полонъ весь попродаша. И оттуда поидоша внизъ къ Сараю гости Христіанскіе грабяще и біюще; и пріидоша въ Астороканъ, и тамо полонъ попродаша. Князь же Астороканскій Салчей начатъ ухищряти ихъ лѣстію, и многу честь и кормы даяше имъ; они жъ начаша упиватись, и быша пьяни, яки мертвы; Астороханцы жъ всѣхъ избиша, ни единаго ихъ жива оставиша, и имѣніе взяша. Такову кончину пріяша воевода Прокофей и другій воевода Смольянинъ со всею дружиною ихъ.» (Ник. IV, стр. 45.)

противъ Уличей послалъ своего воеводу Свенельда, предоставивъ ему дань, которую сберетъ съ этаго народа. Съ Древлянами Игорь скоро управился, побѣдилъ ихъ и наложилъ дань больше Олеговой, и возвратился въ Кіевъ; но многочисленные Уличи, имѣвшіе много городовъ по Днѣстру почти до моря, оказали сильное сопротивленіе Свѣнельду, что бы примучить ихъ и добиться дани, онъ три года осаждалъ главный городъ ихъ Пересѣченъ и едва успѣлъ взять. [95]

На слѣдующій годъ послѣ Древлянскаго похода появился на границахъ Приднѣпровской Руси новый незнакомый народъ Печенѣги; но они, подобно Уграмъ при Олегѣ, на первый разъ встрѣтились мирно съ Руссами, и по словамъ лѣтописи, створивше миръ съ Игоремъ удалились къ Дунаю. Впрочемъ это прошла только передовая Печенѣжская орда, а за нею, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго современника Игорева, шли еще семь ордъ одна другой сильнѣе и неукротимѣе; первая заключивъ миръ съ Игоремъ дѣйствительно продвинулась до Дуная и вступила въ союзъ съ Греками противъ Болгаръ; но остальныя семь ордъ, идя одна послѣ другой, естественно должны были садиться одна другой восточнѣе и сѣвернѣе, слѣдовательно напирать на границы тогдашней Руси. Они мало по малу захватили всѣ степи по Дону, Донцу, Днѣпру, Днѣстру и Бугу до Дуная на западъ, и до Чернаго моря на югъ; такъ что поставили свои кочевья по Семи, Сулѣ, Супою и Роси тогдашнимъ юговосточнымъ границамъ Приднѣпровской Руси. Константинъ именно говоритъ, что четыре Печенѣжскіе орды перебравшіяся на западъ отъ Днѣпра, разсѣлились такъ: 1-я Гіазихопомъ сѣла у границъ Болгарскихъ при Дунаѣ; 2-я Хавуксингила заняла пространство отъ моря до земли Угорской; двѣ остальныя Харовои и Явдіертимъ поселились въ сосѣдствѣ съ Русью и разными Славянскими племенами, подчиненными Руссамъ, Уличами, Древлянами и прочими. А другія четыре Орды непереходившія за Днѣпръ; Куарци-Цуръ, Сируколпей, Вороталматъ и Булатъ-Зопонъ заняли всѣ степи отъ Волги до Днѣпра и моря. На Сѣверовостокѣ ихъ кочевья у Волги и Дона сосѣдили съ землями Узовъ и Хазаръ, на востокѣ ихъ сосѣдями были Алане, и Херсонъ съ тамошними округами; такъ что отъ Узіи и Хазаріи кочевья Печенѣговъ отстояли на пять дней пути, отъ Аланіи на шесть, отъ Мордіи (Мордовы) на десять, отъ Руси на одиннъ, отъ

---

[95] Ник. Лѣт. Т. I. стр. 41. и Соф. I-я Лѣт. стр. 97.

Угровъ на четыре, отъ Дунайскихъ Болгаръ на половину дня, а съ землями Херсонскими и Боспорскими сходились. [96] Таковое близкое сосѣдство сильныхъ и безпокойныхъ кочевниковъ естественно немогло обойтися безъ столкновеній, и лѣтопись дѣйствительно, подъ 920 годомъ, замѣтила что Игорь ходилъ на Печенѣговъ. Чѣмъ именно кончился этотъ Игоревъ походъ въ преданіи несохранилось, мы незнаемъ даже и того гдѣ столкнулся Игорь съ Печенѣгами; но соображая характеръ послѣдующихъ войнъ съ Печенѣгами и потомъ съ Половцами можно навѣрное сказать, что здѣсь дѣло шло не озавоеваніи и не о добычѣ, а единственно о томъ, что бы отогнать какую либо орду близко подвинувшуюся къ Рускимъ предѣламъ; и всего вѣроятнѣе, что война была съ которою нибудь изъ западныхъ ордъ, которые шли впереди и можетъ быть въ это время придвинулись къ Рускимъ границамъ. И нѣтъ сомнѣнія что успѣхъ войны былъ на сторонѣ Игоря; ибо во первыхъ такъ можно заключать изъ словъ преданія: «Игорь же воеваше на Печенѣгы;» а во вторыхъ потому что Печенѣги новые пришельцы въ этой сторонѣ, не успѣвши еще оглядѣться и имѣя въ виду просторные степи, не напирали очень сильно на Рускія владѣнія и особенно встрѣтивши какой нинаесть отпоръ со стороны Игоря. А отпоръ конечно былъ неслабый; ибо дружина Игорева по крайней мѣрѣ на половину состояла изъ воиновъ Олеговыхъ опытныхъ бойцовъ, здѣсь Европейскій воинъ отстаивалъ свою землю противъ Азіатскаго кочевника.

Послѣ похода на Печенѣговъ лѣтопись цѣлые двадцать лѣтъ Игорева княженія неотмѣтила никакимъ событіемъ на Руси; и вѣроятно во все это время небыло замѣчательныхъ событій, ибо въ противномъ случаѣ преданіе народное навѣрное запомнило бы что нибудь, и передало лѣтописцу. Но исторія едва ли должна приписывать таковое видимое бездѣйствіе нерадѣнію и слабости Игоря; послѣдующіе его походы на Константинополь уже въ старости ясно говорятъ, что въ Игорѣ еще довольно было предпріимчивости, что неспокойный характеръ Норманскій еще замѣтенъ былъ и въ этомъ Князѣ, хотя конечно не такъ предпріимчивомъ и отважномъ какъ Олегъ. Но чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе и характеръ Игоря, исторія должна вникнуть въ обстоятельства его княженія, должна осмотрѣть въ такомъ ли положеніи находилась тогда Русь,

---

[96] Constant. Porph. Lib. de admin imp. Pag. 106.

въ какомъ была при Олегѣ. Олегъ съ Норманскою дружиною и съ повольниками набранными въ Новгородскомъ краю спустился внизъ по Днѣпру и занялъ всѣ тамошніе Славянскіе города, именно въ такое время, когда ему не было сильнаго противника, когда разрозненные Славянскіе племена Приднѣпровья большею частію сами отдавались ему, или ежели и сопротивлялись, то въ одиночку а не соединенными силами, со стороны же онъ невидалъ ни какой грозы: Угры прошли при немъ мирно неостанавливаясь по сосѣдству съ Рускими владѣніями; Хазары занятые дѣлами на востокѣ въ предѣлахъ Волги и Дона недумали даже защищать тѣхъ своихъ данниковъ, которыхъ отнималъ у нихъ Олегъ; въ дальнихъ и ближнихъ степяхъ на востокъ и на югъ по Днѣпру хотя и виднѣлись кочевья Торковъ, Берендѣевъ и иныхъ кочевниковъ, но ихъ не чего было опасаться, они были немногочисленны. Но совсѣмъ нетаково было положеніе Игоря: на третій же годъ его княженія явились въ предѣлахъ Руской земли Печенѣги, и хотя первая орда прошла мирно, но за нею еще шли орда за ордой, одна другой сильнѣе и воинственнѣе, всѣ степи на востокъ и на югъ отъ Рускихъ владѣній покрылись Печенѣжскими кочевьями, степнымъ войнамъ небыло конца, прежніе кочевые сосѣди Руссовъ Торки и Берендеи незнали куда деваться отъ новыхъ пришельцовъ; Печенѣги время отъ времени надвигались на самыя предѣлы Рускихъ владѣній, и конечно по обычаю кочевниковъ дѣло не обходилось безъ грабежей и опустошеній. При такой страшной грозѣ и при томъ совершенно новой и доселѣ невѣдомой, слѣдовательно тѣмъ болѣе ужасной, очевидно Игорю вовсе небыло возможности предпринимать какіе либо походы на сосѣдей, конечно уже неблизкихъ по причинѣ довольнаго разпространенія Рускихъ владѣній при Олегѣ; онъ волей не волей долженъ былъ неоставлять Кіева и сторожить его отъ Печенѣговъ; насущная обязанность Игоря, наложенная на него обстоятельствами, состояла именно въ томъ, чтобы охранять Рускую землю, еще путемъ неокрѣпшую и только что недавно соединившуюся въ одно цѣлое; и онъ свято исполнилъ эту обязанность, онъ непотерялъ ни одного изъ пріобрѣтеній сдѣланныхъ Олегомъ. И ежели народное преданіе почтило память Олега за его завоеванія и подвиги исполненныя удивительной находчивости и отваги; то исторія, разсматривающая лица и событія не съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ какъ преданіе, должна оцѣнить и невидкую, небросающуюся въ глаза, дѣятельность Игоря; тогдашняя Приднѣпровская Русь ему обязана сохраненіемъ своихъ

владѣній, такъ какъ Олегу ихъ приобрѣтеніемъ; а нельзя незамѣтить, что въ то время при сильномъ движеніи Печенѣговъ сохраненіе старыхъ владѣній на Руси было ничѣмъ не легче пріобрѣтенія новыхъ. Естественно воинственному безпокойному народонаселенію тогдашней Руси сильно ненравилось, что Князь сидитъ дома и неводитъ полковъ на побѣды и добычи, дружинникамъ скучно было только поглядывать въ степи и время отъ времени отбиваться отъ Печенѣжскихъ наѣздниковъ; а по сему Игорь немогъ заслужить особой любви въ народномъ преданіи, и оно говоритъ объ немъ довольно холодно. Самъ Игорь кажется тяготился своимъ положеніемъ нисколько несогласнымъ съ характеромъ безпокойнаго Нормана; и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что еще въ 921 году, т. е. на другой годъ послѣ похода на Печенѣговъ, собралъ было много войска и кораблей; [97] но походъ несостоялся; лѣтопись не говоритъ почему, но очевидно не по доброй волѣ Игоря, а по какой-либо новой необходимости остаться дома. И эта необходимость по всему вѣроятію состояла въ появленіи новой орды Печенѣговъ, которые въ это время постоянно напирали къ Русскимъ предѣламъ. Игорь, отогнавши Печенѣговъ въ 920 году, думалъ что освободился отъ безпокойныхъ сосѣдей, и потому собрался было въ какой-то походъ; но на дѣлѣ вышло не такъ, на мѣсто отогнанной Орды явились новыя толпы многочисленнѣйшія прежнихъ; и онъ волей неволей долженъ былъ отложить походъ и остаться дома до болѣе удобнаго времени; а это удобное время неявлялось въ продолженіи почти двадцати лѣтъ. И Игорь во всѣ эти 20 лѣтъ долженъ былъ сидѣть дома и сторожить Русскую землю отъ незваныхъ гостей, однимъ появленіемъ своимъ наводившихъ ужасъ на всѣхъ сосѣдей ждать пока гости сіи усядутся по мѣстамъ, и вступятъ въ болѣе мирныя отношенія къ Руси. Современникъ Игоревъ Константинъ Порфирородный Императоръ Византійскій именно говоритъ: «что Руссы не могутъ вести войны съ чужеземными народами, неимѣя мира съ Пацинаками (такъ онъ называетъ Печенѣговъ); ибо какъ скоро Руссы выйдутъ въ походъ, то Печенѣги могутъ вторгнуться въ ихъ землю и опустошить ее.» [98] Игорь же долго немогъ имѣть необходимаго для походовъ мира съ Печенѣгами; ибо въ его время Печенѣги только что надвигались орда за

---

[97] Соф. Т. I, стр. 97.

[98] De adm. imp. pag. 56.

ордой; а посему заключивъ миръ съ одною ордою, нельзя было по надѣявшись на этотъ миръ отправляться куда нибудь въ походъ, ибо въ отсутствіе могла надвинуться новая орда, о которой небыло и слуху при заключеніи мира съ первою ордою. Игорь кажется имянно испыталъ подобную встрѣчу въ 921 году, когда, раздѣлавшись съ одною Печенѣжскою ордою въ 920 году, задумалъ собраться въ какой то походъ въ 921 году; онъ очевидно отложилъ походъ по случаю появленія новой Печенѣжной орды.

Наконецъ долго тяготѣвшее надъ Приднѣпровскую Русью, томительное ожиданіе, когда перестанутъ подходить новыя толпы Печенѣговъ, кончилось; всѣ орды Печенѣговъ заняли свои мѣста, новыхъ полчищь болѣе неявлялось. И князь Рускій, (можетъ быть договорами и при помощи заложниковъ обезпечивши свои владѣнія отъ Печенѣжскихъ набѣговъ,) на старости лѣтъ, (ему тогда было около 64 лѣтъ отъ роду) въ 941 году отправился въ походъ на Византію. Но этотъ походъ неудался, старикъ Игорь воротился домой потерпѣвъ пораженіе. Руское преданіе дошедшее до лѣтописца говоритъ, что Болгары предувѣдомили Грековъ, и тѣ успѣли приготовиться, и пожгли Рускія лодьи огнемъ подобнымъ небесной молніи; [99] Руссы воротившіеся домой разсказывали своимъ: «Греки съ своихъ лодій жгли насъ, пуская какой то огонь, аки молонью что на небесахъ, и потому мы неодолѣли ихъ.» Подробностей похода преданіе непомнитъ, что и естественно, ибо на пораженія у народа плоха память; Руссамъ воротившимся домой съ пустыми руками нечего было расказывать о своихъ подвигахъ, имъ рядъ было только защищаться отъ упрековъ товарищей остававшихся дома и складывать вину на Греческій огонь подобный молніи. Лѣтописецъ недовольный краткостію преданія выписываетъ подробности похода кажется изъ Георгія Амартола, сверхъ того объ этомъ походѣ мы имѣемъ еще шесть Византійскихъ писателей, [100] кромѣ того одного писателя Франкскаго [101]

---

[99] Замѣчательно въ этомъ преданіи названіе Русскихъ лодокъ Скедіями: «послаша Болгаре вѣсть ко Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ скедій 10 тысящь.» Это названіе чисто Скандинавское; тамъ меньшія суда, вмѣщавшія въ себѣ отъ 20 до 40 человѣкъ, назывались снекарами, скуторами, скейдами. (Олав. Далинъ, часть I. Кн. I, стр. 113.)

[100] Левъ Граматикъ, продолжатель Константина Порфироднаго, Георгій Кедринъ, Зонара, Симеонъ Логоѳетъ и Георгій монахъ.

[101] Liutprand. Histor. Lib. V, cap. 6.

одного Арабскаго [102] и одного Датскаго [103]. Всѣ они въ частностяхъ нѣсколько разногласятъ между собою; но въ цѣломъ говорятъ одно, что Руссы въ 941 году дѣйствительно подходили къ Константинополю, пробыли тамъ три мѣсяца съ Іюня по Сентябрь, производили разныя опустошенія грабежи и убійства, были разбиты императорскими полководцами сперва на морѣ, потомъ на сушѣ, и наконецъ опять на морѣ, при помощи Греческаго огня, послѣ чего бѣжали домой. Одни изъ писателей говорятъ, что Руссовъ было 1000 судовъ, другіе 10,000 судовъ и даже 15,000 и 30,000.

По свидѣтельству преданія Игорь воротившись съ неудачнаго Греческаго похода, началъ снова собирать множество воиновъ и послалъ къ Варягамъ за море, приглашая ихъ идти на Грековъ; збирался два года и на третій отправился во вторичный походъ. Преданіе о приготовленіи Игоря ко вторичному походу представляетъ два замѣчательныя указанія: одно намекаетъ на то, какъ тогда собирались воины на Руси; преданіе говоритъ: «нача совокупляти вои многи.» Здѣсь мы видимъ не поголовное ополченіе, не принужденіе идти на войну; а собственно кличь къ охотникамъ къ повольникамъ, кто пожелаетъ участвовать въ походѣ, кого разбираетъ охота промыслить славы и добычи въ далекой землѣ славной своими богатствами; сборъ продолжается цѣлыхъ два года, дружина скопляется невдругъ, охотники идутъ по мѣрѣ разпространенія вѣсти о походѣ, одни подзываютъ другихъ, одни строятъ лодьи, другіе снаряжаются пѣшіе, надѣясь на лодьи Княжескіе, и готовятъ необходимыя запасы на дорогу. Князь недовольствуется своими охотниками, посылаетъ въ Скандинавію, приглашаетъ тамошнихъ удальцовъ принять участіе въ замышляемомъ походѣ: «посла по Варяги многи за море, вабя é на Греки.» Это обращеніе къ Варягамъ заморскимъ представляетъ намъ другое важное указаніе о продолжавшихся еще тѣсныхъ связяхъ Приднѣпровской Руси съ Скандинавіею; мы здѣсь видимъ, что сынъ Рюриковъ еще хорошо помнитъ связи своего племени съ Варягами, знаетъ тамошніе обычаи, и надѣется что тамошніе викинги пойдутъ на знакомый призывъ его, и примутъ участіе въ Греческомъ походѣ. Онъ не нанимаетъ Варяговъ въ Греческій походъ, какъ на-

---

[102] Эльмакинъ, Historia Saracenica, стр. 213. (Лейденъ 1625 г.)

[103] Annales Danicj Bartholiniani, An. 777—1200, гдѣ подъ 941 годомъ сказано: Inger rex Normannorum Bysantium obſidet. (Langeb. T. I, pag. 336.)

нималъ Печенѣговъ, (о которыхъ въ лѣтописи сказано прямо: «и Печенѣги ная, и тали у нихъ поя») а только приглашаетъ: «вабя на Греки» какъ съзывалъ бы ихъ живучи въ Скандинавіи, и какъ совокуплялъ воевъ на Руси. Съзываніе или совокупленіе воевъ Игоремъ въ настоящій походъ даже не походитъ на сборъ войска Олегомъ въ его Греческій походъ въ 911 году; объ Олегѣ лѣтопись говоритъ: «иде Олегъ на Грекы, поя же множество Варягъ, Словенъ и Чуди и пр.» Здѣсь нѣтъ и намеку о приглашеніи о совокупленіи, Олегъ просто взялъ съ собою Варяговъ, Словенъ, Чудь и пр. Слѣдовательно съ нимъ шли только тѣ, которые уже были при немъ въ прежнихъ походахъ, или которыхъ онъ побралъ силою у побѣжденныхъ племенъ. Объ Игорѣ же преданіе помнитъ, что онъ совокуплялъ съзывалъ воиновъ; слѣдовательно это сзываніе, этотъ кличь, — кто хочетъ идти на Грековъ, былъ очень памятенъ для народа, такъ что память о немъ сохранилась въ преданіи, какъ особое замѣчательное событіе.

Созвавши множество воиновъ на Руси и въ Скандинавіи и нанявши еще Печенѣговъ, Игорь въ 944 году отправился во второй разъ въ Грецію, спустившись внизъ по Днѣпру, по этой большой Греческой дорогѣ. Записанное у лѣтописца преданіе такъ разсказываетъ объ этомъ походѣ. «Игорь же совокупивъ вои многи; Варяги, Русь, Поляны, Словѣны, Кривичи и Тиверцы, и нанявъ Печенѣговъ и побравъ у нихъ заложниковъ, пошелъ на Грековъ, въ лодьяхъ и на коняхъ, желая отомстить за себя. Корсунцы узнавши объ этомъ, послали сказать Царю Роману: идутъ Русь, кораблямъ ихъ нѣсть числа, покрыли море кораблями; А также и Болгары послали вѣсть: идутъ Русь и наняли Печенѣговъ. Царь услышавши объ этомъ послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ моля и прося: не ходи но возми дань, какую ималъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани; также послалъ и къ Печенѣгамъ множество дорогихъ тканей и золота. Игорь дошедъ до Дуная созвалъ дружину и на думѣ сказалъ рѣчь Цареву. И отвѣчала дружина Игорева: «коли Царь говоритъ такъ, чего жъ намъ еще, не бившись взять золото, серебро и дорогія ткани? почемъ знать, кто одолѣетъ, мы ли, они ли? или кто съ моремъ совѣтенъ, мы теперь идемъ не по землѣ а по глубинѣ морской, здѣсь общая смерть всѣмъ.» Послушалъ Игорь дружины, и повелѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю, а самъ взявши отъ Грековъ золото и дорогіе ткани на себя и на всѣхъ воевъ, возвратился назадъ и пришелъ домой въ Кіевъ.»

Это чисто Руское преданіе, неимѣющее никакой книжной примѣси; изъ сего мы видимъ, что лѣтописецъ неотыскалъ у Византійцовъ извѣстій о семъ походѣ, иначе бы онъ не опустилъ случая позаимствоваться тамошними подробностями, какъ сдѣлалъ при описаніи перваго похода. Мы также неимѣемъ извѣстій объ этомъ походѣ у Византійскихъ писателей; слѣдовательно почти можемъ сказать, что никто изъ Византійцевъ и неупоминалъ о немъ, да и на самомъ дѣлѣ Византійцу здѣсь не о чемъ было упоминать, ибо собственно до Византійскихъ владѣній на этотъ разъ Игорь и недоходилъ, и поворотилъ домой отъ Дуная, т. е. отъ границъ Болгарскихъ; дѣло все кончилось незначительнымъ посольствомъ Императорскимъ и подарками, важными для Игоря и его дружины, но обыкновенными для Византійскаго двора, т. е. нѣсколькими мѣшками золотыхъ солидовъ и нѣсколькими партіями шелковыхъ тканей дорогихъ и блѣстящихъ для Игоревой дружины, но по Византійски очень обыкновенныхъ, таковые или подобные подарки Византійскіе Императоры ежегодно посылали къ инымъ сосѣднимъ варварамъ, какъ напримѣръ Константинъ Порфирородный говоритъ, въ своей книгѣ объ управленіи Имперіею, о Печенѣгахъ. И заносить въ хроники всѣ таковыя траты двора Византійскіе Хронисты неимѣли ни возможности ни надобности, ибо иначе имъ пришлошь бы въ свои хроники переписывать каждогодно чуть не цѣликомъ разходныя книги Императорскаго казначея. Слѣдовательно молчаніе Византійскихъ писателей о второмъ Игоревомъ походѣ нисколько не наводитъ сомнѣнія на достовѣрность народнаго преданія записаннаго нашимъ лѣтописцомъ. Преданіе же сіе представляетъ намъ нѣсколько замѣчательныхъ данныхъ о внутреннемъ состояніи тогдашней Приднѣпровской Руси, которые невольно обращаютъ на себя вниманіе историка.

Преданіе говоритъ, что Игорь совокупилъ вои многи Варяговъ, Русь, Полянъ, Словѣнъ, Кривичей и Тиверцовъ. Подъ Варягами, конечно, здѣсь разумѣются Варяги заморскіе жившіе въ Скандинавіи, къ которымъ, какъ выше сказано, посылалъ Игорь за море вабя è на Греки; въ Скандинавіи Игорь не владѣлъ, тамъ были другіе Государи; слѣдовательно могъ приглашать только желающихъ учавствовать въ Греческомъ походѣ, какъ это обыкновенно дѣлали Конунги Скандинавскіе; а въ преданіи употребленъ одинъ глаголъ, *совокупивъ*, и для сбора Варяговъ и для сбора Полянъ, Кривичей и другихъ; слѣдовательно и на дѣлѣ была одинакая форма набора и для Варяговъ

и для Кривичей и проч. т. е. Игорь только сзывалъ, скликалъ, — кто хочетъ идти на Грековъ, точно также какъ это дѣлали Конунги въ Скандинавіи, объявляя, что они хотятъ идти въ восточное или западное море. Это показываетъ, что Игорь въ настоящемъ походѣ былъ небольше какъ Великій Конунгъ Скандинавскій, предводитель вольной дружины вышедшей на добычу. Далѣе въ преданіи рядомъ стоятъ: Варяги, Русь, Поляне, Словяне, Кривичи и Тиверцы. О Варягахъ мы знаемъ, что это были заморскіе пришельцы, повольники по одному приглашенію добровольно вызвавшіеся участвовать въ походѣ; слѣдовательно и Русь и Поляне, и Славяне, и Кривичи, и Тиверцы здѣсь являются не какъ племена, а какъ ватаги повольниковъ изъ означенныхъ племенъ. Здѣсь мы видимъ: 1-е, что Русь приведенная Олегомъ изъ Новгородскаго края еще не совсѣмъ слилась съ Приднѣпровскимъ народонаселеніемъ, такъ что преданіе еще отличало ее отъ Полянъ; и 2-е, что повольничество занесенное при Олегѣ изъ Новгородскаго края сильно развилось при Игорѣ по всему Приднѣпровью; такъ что по Игореву призыву сошлись ватаги повольниковъ не только изъ Скандинавіи и Новгородскаго края, т. е. отъ Словенъ, но даже отъ Тиверцовъ, и отъ Полянъ и отъ Кривичей. Но отъ Древлянъ, Уличей, Сѣверянъ, Радимичей, Хорватовъ и Дулебовъ небыло участниковъ въ Игоревомъ походѣ, объ нихъ преданіе неупоминаетъ; а Древляне и Уличи, покоренныя и обложенные тяжкою данью Игоремъ и Свенельдомъ, всего скорѣе должны были прислать своихъ воиновъ, ежели бы Игорь набиралъ войско силою приказаніемъ, а не приглашеніемъ добровольно участвовать въ походѣ; слѣдовательно здѣсь мы находимъ новое доказательство, что въ настоящемъ походѣ всѣ Игоревы вои были именно повольники, и что повольничество у лѣсныхъ Древлянъ, и удаленныхъ отъ Приднѣпровья Уличей, Хорватовъ и Дулебовъ еще не успѣло разпространиться на столько, на сколько оно распространилось въ Приднѣпровьѣ.

О Печенѣгахъ преданіе говоритъ, что Игорь нанялъ ихъ для Греческаго похода, и взялъ у нихъ заложниковъ. Здѣсь прежде всего рождается вопросъ; какимъ образомъ Печенѣги страшные въ началѣ Игорева Княженія, и такъ долго заставлявшіе Игоря сидѣть дома и сторожить Русскую землю, вдругъ дѣлаются наемниками самаго же Игоря? На этотъ вопросъ одинъ прямой отвѣтъ: Печенѣги были страшны только въ своемъ движеніи, когда Руссы не знали конца

ихъ переселѣніямъ, когда Орды Печенѣжскія одна за другой надвигались къ Русскимъ предѣламъ; усѣвшись же помѣстамъ Печенѣги необходимо должны были утратить большую часть того ужаса, который они навели было на сосѣдей. Приднѣпровскіе Руссы скоро разгадали, что этотъ народъ, столь ужасный своею дикою храбростію, несоставлялъ одного цѣлаго, что каждая орда дѣлилась еще на нѣсколько мѣлкихъ улусовъ, изъ которыхъ каждый, имѣя своего князя, дѣйствовалъ отдѣльно и очень слабо соединялся съ главною ордою, къ которой принадлежалъ по своему происхожденію. [104] Слѣдовательно нѣтъ ничего мудренаго, что Игорь нѣкоторые изъ Печенѣжскихъ улусовъ, можетъ быть ближайшіе къ Русскимъ границамъ, нанялъ въ походъ противъ Грековъ, и взялъ у нихъ заложниковъ. Извѣстіе о взятіи заложниковъ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ достовѣрности преданія; ибо въ X вѣкѣ точно также Византійцы обыкновенно нанимали Печенѣговъ и брали у нихъ заложниковъ. Константинъ Порфирородный, современникъ Игоревъ, описываетъ совсѣми подробностями этотъ наемъ и принятіе заложниковъ, [105] Выраженіе лѣтописи: «Печенѣги ная и тали у нихъ поя.» свидѣтельствуетъ, что преданіе хорошо знало различіе между наймомъ воиновъ, и призывомъ. О Печенѣгахъ оно сказало *ная*, а о Варягахъ Словенахъ и Кривичахъ *совокупивъ*; слѣдовательно Варяги и Славяне участвовали въ походѣ одинаково, именно по призыву, по добровольному приглашенію, а не по набору не по приказу; въ противномъ случаѣ преданіе иначе бы выразилось о Варягахъ, и инымъ образомъ о Славянахъ, такъ какъ оно выразилось же иначе о Печенѣгахъ. А что извѣстіе о наймѣ Печенѣговъ справедливо, въ этомъ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный, который прямо говоритъ, что Руссы обыкновенно стараются привлечь Печенѣговъ къ соучастію въ войнѣ, чтобы такимъ образомъ уклоняться отъ ихъ нападеній, и пользоваться ихъ пособіемъ. [106]

---

[104] Константинъ Порфирородный, въ своей книгѣ объ управленіи Имперіей, именно говоритъ: «Вся Пацинакія дѣлится на 8 ордъ, и имѣетъ столько же главныхъ Князей. Сіи 8 ордъ раздѣляются на 40 улусовъ, изъ коихъ въ каждомъ находится Князь низшей степени.» (L. de adm. im. Cap. XXXVIII.)

[105] Въ той же книгѣ главы: 1, 4, 5, 7, 8.

[106] De adm. Im. cap. II.

Преданіе говоритъ, что о походѣ Игоревомъ послали вѣсти въ Константинополь сперва Корсунцы, а потомъ Болгары, и что Игорь дошелъ до Дуная. Стало быть Игорь шелъ мимо Корсунскихъ и Болгарскихъ владѣній. Этотъ дорожникъ Игорева похода служитъ новымъ доказательствомъ достовѣрности преданія. Константинъ Порфирородный именно говоритъ, что Руссы по этой дорогѣ ходили въ Константинополь. По его словамъ Руссы изъ Кіева спускаются внизъ по Днѣпру на Витичевъ, потомъ пройдя пороги идутъ чрезъ Крарійскую переправу, гдѣ Корсунцы переправляются изъ Руси и Печенѣги въ Корсунь; далѣе отъ Крарійской переправы идутъ Днѣпромъ до устья сей рѣки, гдѣ дня на два или на три останавливаются для отдыха на островѣ Св. Эөерія, и наконецъ отъ этаго острова придерживаясь берега проходятъ къ устью Дуная.»[107] Ежели бы преданіе было не вѣрно, ежели бы это мѣсто лѣтописи было позднѣйшею вставкою переписчиковъ; то необходимо описанная въ преданіи дорога Игоревыхъ лодій не совпадала бы такъ отчетливо съ обычнымъ путемъ Руссовъ (въ X вѣкѣ), замѣченнымъ у Константина Порфиророднаго. Въ преданіи жъ напротивъ отчетливость простирается до того, что даже незабыта остановка Игоря на островѣ Эөерія, гдѣ обыкновенно по свидѣтельству Константина Руссы останавливались для отдыха дня на два или на три; ибо по преданію Императорскіе послы были у Игоря еще до приходу его къ устью Дуная, слѣдовательно нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ на островѣ Эөерія, гдѣ Руссы останавливались отдыхать.

Съ перваго взгляда намъ кажутся неправильными не согласными съ ходомъ дѣла слова преданія: «Царь посла къ Игорю лучшіе боляре, моля и глаголя: «не ходи, но возми дань, юже ималъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани.» Мы готовы сдѣлать вопросъ не уже ли Императоръ славной и гордой Византіи молилъ варварскаго, по ихъ понятію, Князя Игоря, неужели признавалъ себя данникомъ другаго такого же Князя Олега? Но это кажется неестественнымъ и непонятнымъ по нашимъ теперешнимъ понятіямъ о дѣлахъ и политикѣ Византійской; въ глазахъ же Приднѣпровскихъ Руссовъ современниковъ Игоревыхъ это дѣйствительно было такъ, какъ отмѣчено въ преданіи. Византійскіе послы встрѣтили Игоря на дорогѣ, пока еще онъ недошелъ до Греческихъ владѣній, и обѣщали дать деньги и разные дары,

---

[107] De adm. Imp. cap. IX.

только бы онъ неходилъ далѣе и возвратился домой, и можетъ быть при переговорахъ довольно поторговались и погрозили Игорю, даже особо успѣли передать подарки и Печенѣгамъ, какъ прямо сказано въ преданіи. Но дружина сложившая преданіе, немогла знать всѣхъ подробностей переговоровъ ни формы въ какой они были ведены Византійцами; она только видѣла, что Византійскіе Императорскіе послы пришли къ Игорю, и узнала также, что Царь черезъословъ обѣщаетъ дать деньги и шелковыя ткани, только бы Игорь неходилъ подъ Константинополь; и этого для дружины было довольно, чтобы сказать: Царь поклонился нашему Князю, и обѣщалъ дань больше той, которую далъ Олегу. Да и на самомъ дѣлѣ можетъ быть Игорь взялъ отъ Императора больше чѣмъ Олегъ; ибо для Византійцовъ, по ихъ тогдашнему положенію, было гораздо выгоднѣе прикинуть къ подаркамъ нѣсколько лишнихъ мешковъ золота и нѣсколько партій шелковыхъ матерій, чѣмъ допустить чтобы Руссы пожгли и пограбили приморскіе города и села Имперіи. Вѣдь посылали же они въ это время ежегодно подарки Печенѣгамъ, чтобы тѣ были съ ними въ мирѣ, какъ пишетъ самъ Константинъ Порфирородный,[108] то почему же Византійцамъ, нельзя было однажды поплатиться Игорю, чтобы онъ отложилъ походъ въ ихъ владѣнія. У Константина даже есть прямое указаніе, что Византійцы обыкновенно поплачивались Руссамъ, чтобы тѣ не нападали на Византійскія владѣнія; такъ въ своихъ наставленіяхъ сыну онъ прямо говоритъ: «Ежели Римскій Императоръ будетъ имѣть миръ съ Печенѣгами, то ни Руссы, ни Турки не могутъ нападать на Римскую Имперію, и боясь Императора опирающагося на помощь и могущество Печенѣговъ не будутъ требовать у Римлянъ огромныхъ суммъ на искупленіе мира.»[109] Здѣсь нельзя пришимать въ разчетъ того, что Византійцы два года назадъ разбили наголову Игоря; ибо они хорошо понимали, что эта побѣда имъ обошлась дороже настоящей дани и не отъучила Руссовъ отъ набѣговъ на владѣнія Имперіи. Императоръ Византійскій конечно и недумалъ называть себя данникомъ Олеговымъ, послы Императорскіе только сказали Игорю: Царь дастъ тебѣ больше нежели сколько далъ Олегу; а дружина Игорева сложила, что Царь обѣщалъ придать и къ той дани кото-

---

[108] De admin. Imp. cap. I.

[109] Ibid. cap. IV.

рую заплатилъ Олегу; ибо дружина въ военное время все то называла данію, что ей давали, и чего она неотнимала сама грабежомъ насиліемъ.

Наконецъ для насъ много говорятъ слова преданія: Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь Цареву. Рѣша же дружина Игорева:» да аще сице глаголетъ Царь, то что хочемъ болѣ того, небившеся имати злато и сребро и паволоки?» Здѣсь мы видимъ думу, совѣтъ Князя съ дружиною, и думу не окакихъ либо предстоящихъ опасностяхъ, гдѣ вождь можетъ еще спросить воиновъ, рѣшатся ли они идти на сіи опасности, а думу о томъ продолжать ли походъ или взявъ предлагаемыя деньги воротиться домой. Конечно подобная дума немогла имѣть мѣста, ежели бы Игорь велъ съ собою воиновъ собранныхъ по его приказу волей неволей; ибо съ такими воинами ему незачѣмъ было разсуждать о мирныхъ предложеніяхъ Византійцовъ, онъ самъ могъ разчесть выгоднѣе ли для него продолжать походъ, или взявъ деньги воротиться назадъ; до того же ему вовсе небыло бы нужды выгодно ли это для воиновъ. А слѣдовательно, ежели Игорь разсуждалъ съ дружиною, разсказывалъ ей о предложеніяхъ Византійцовъ, спрашивалъ что для нее лучше: взять ли деньги и воротиться назадъ, или продолжать походъ? то это значитъ, что дружина Игорева состояла изъ повольниковъ, которые шли не по приказу а по произволу, и шли именно разчитывая на добычю; а по сему Игорь безъ согласія безъ думы дружины и немогъ рѣшить продолжать ли походъ; но дружина разочла что ей выгоднѣе небившись, взять деньги и ткани предлагаемые Византійцами; и Игорь пошелъ обратно въ Кіевъ. Здѣсь Игорь является истиннымъ Скандинавскимъ Конунгомъ, который водилъ дружины для своей и ихъ добычи. И дружина Игорева по духу своему была истинная Скандинавская дружина, которая неробѣла не передъ какою опасностію не передъ какимъ трудомъ; но въ тоже время щитала не безславнымъ воспользоваться добычею безъ труда; ибо по тогдашнимъ понятіямъ слава состояла преимущественно въ богатствѣ добычи; т. е. что бы воротившись изъ похода подивить сосѣдей богатствами такъ или иначе пріобрѣтенными; и чѣмъ кто скорѣе приходилъ изъ похода съ богатою добычею, тотъ тѣмъ болѣе пріобрѣталъ почету и славы. Здѣсь замѣчательно также и то, что Игорь взялъ отъ Грековъ золото и ткани только на себя и на дружину: «а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя возвратися въ спять» отсюда вытекаетъ новое доказательство, что настоящій походъ былъ предпринимаемъ Игоремъ въ качествѣ Скандинавскаго Конунга, пред-

водителя добровольно по призыву собравшейся дружины; ибо здѣсь нѣтъ и помину объ укладахъ на Рускіе города, о которыхъ упоминалъ Олегъ при заключеніи мира съ Греками. Слѣдовательно Руская земля, Рускіе города неучаствовали въ этомъ походѣ, замышленномъ отъ одного Игоря, и совершенномъ при содѣйствіи однихъ повольниковъ, приглашенныхъ Игоремъ.

Вскорѣ послѣ втораго Игорева похода, по свидѣтельству лѣтописи Византійскіе Императоры Романъ, Константинъ и Стефанъ отправили къ Игорю посольство устроить прежде заключенный миръ. Игорь поговоривъ съ послами о мирѣ послалъ своихъ мужей къ Роману, которые передъ Романомъ и его сановниками и написали мирный договоръ, на основаніи прежняго договора бывшаго при тѣхъ же царяхъ Романѣ Константинѣ и Стефанѣ. Въ этомъ извѣстіи лѣтописи мы въ 1-хъ видимъ, что настоящій договоръ былъ написанъ по замышленью Византійцовъ. Лѣтопись прямо говоритъ: «присла Романъ слы къ Игореви,» тогда какъ Олеговъ договоръ былъ писанъ по замышленью Олега и его мужей» посла Олегъ мужи свои построити мира.» И во 2-хъ находимъ указаніе, что настоящій договоръ написанъ на основаніи прежняго договора и именно Игорева же а не Олегова; ибо въ лѣтописи прямо сказано: «равно другаго свѣщанія, бывшаго при Цари Романѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ.» Олеговъ же договоръ, какъ извѣстно, былъ заключенъ при царяхъ Львѣ, Александрѣ и Константинѣ. Слѣдовательно у Игоря былъ еще другой мирный договоръ съ Греками, который до насъ недошелъ. Эту мысль подтверждаютъ и нѣкоторыя статьи настоящаго договора; такъ въ 1-й статьѣ сказано: что прежде Рускіе послы по договору должны были носить печати золотые, а гости серебряныя; а по настоящему договору послы и гости Рускіе должны приносить грамоты отъ великаго князя, съ прописаніемъ сколько съ ними послано кораблей; въ Олеговомъ же договорѣ нѣтъ и помину и золотыхъ и серебряныхъ печатяхъ; ясно что настоящая статья ссылается не на извѣстный Олеговъ договоръ, а на другой договоръ Игоревъ до насъ недошедшій. Въ 3-хъ въ настоящемъ извѣстіи мы даже находимъ какимъ порядкомъ писался договоръ у Рускихъ съ Византійцами. Лѣтопись говоритъ: «Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляра и сановники. Приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатьѣ; слѣдовательно переговаривались въ присутствіи Императора и его сановниковъ, и писалось въ одно время со словъ и по Гречески и по Руски. Это показываетъ, что Игоревы посланники свободно уже

объяснялись съ Греками, такъ что со словъ могли писать договоръ по Руски, тогда какъ объ Олеговыхъ послахъ этаго несказано; слѣдовательно Руссы посланные Олегомъ не такъ еще свободно объяснялись съ Греками, для нихъ договоръ сперва былъ написанъ по Гречески, потомъ уже они съ писаннаго переводили по Руски. Это подтверждается и самымъ языкомъ того и другаго договора: языкъ Олегова договора сильно отзывается переводомъ съ Греческаго, и удерживаетъ Греческое построеніе выраженій, отъ чего представляется въ иныхъ мѣстахъ темнымъ и затруднительнымъ, тогда какъ языкъ Игорева договора свободенъ и ясенъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ объ отправленіи Игоревыхъ мужей въ Константинополь и о написаніи мирнаго договора, лѣтописецъ помѣщаетъ подлинникомъ и самый договоръ, который, какъ по языку своему, такъ и содержанію, представляетъ столько замѣчательныхъ для историка данныхъ, что мы для большаго уразумѣнія договора, и для того чтобы показать, какъ писали Руссы при Игорѣ, предлагаемъ здѣсь договоръ и въ подлинникѣ и въ переводѣ.

Договоръ начинается такъ:

«Мы отъ рода Рускаго съли и гостье: Иворъ солъ Игоревъ, великаго Князя Рускаго, и обчіи сли: Вуефастъ Святославль, сынъ Игоревъ, Искусеви Ольги княгиши, Слуды Игоревъ, нети Игоревъ, Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Предлавинъ, Шихъбернъ Сфанъдръ жены Улѣблѣ, Прасьтѣнъ Турдуви, Либіаръ Фастовъ, Гримъ Сфирьковъ, Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ, Кары Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевлисковъ, Воиковъ, Истръ Аминодовъ, Прастѣнъ Берновъ, Ятвягъ Гунаревъ, Шибридъ Алдань, Колъклековъ, Стеггиетоновъ, Сфирка Алвадъ Гудовъ, Фудри Туадовъ, Мутуръ Утинъ; (отъ) купець: Адунь, Адулбъ, Игтивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ,

Мы Рускіе послы и гости: *Иворъ* посолъ Игоревъ, Великаго Князя Русскаго и обчіе послы: *Вуефастъ* Святославовъ, сына Игорева, *Искусеви* Ольги Княгини, *Слуды* отъ Игоря, сынъ Игоревой сестры, *Улѣбъ* Володиславовъ, *Каницаръ* Предславинъ, *Шихъбернъ* Сфандрипъ Улѣбовой жены, *Прасьтьнъ* Турдовъ, *Либіаръ* Фастовъ, *Гримъ* Свирьковъ, *Прастьнъ* Якуновъ сына Игоревой сестры, *Кары* отъ Тудка, Карши, Турда, Егриевлиска и Воика, *Истръ* Аминодовъ, *Прастьнъ* Берновъ, *Ятвягъ* Гунаревъ, *Шибридъ* отъ Алдана, Колклека и Стеггіетона, *Сфирка* Алвадовъ и Гудовъ, *Фудри* Туадовъ, *Мутуръ* Утинъ; купцы: *Адунь*, *Адулбъ*, *Игтивладъ*, *Олѣбъ*, *Фрутанъ*, *Го-*

Фуръстѣнъ, Брупы, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игельдъ, Туръбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Тубьксарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь, посланіи отъ Игоря великаго Князя Рускаго и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Рускія земля. И отъ тѣхъ заповѣдано обновити вѣтхій миръ, ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола разорити отъ могъ лѣтъ, и утвердити любовь межю Греки и Русью. И Великій Князь нашъ Игорь, и боляре его и людье вси Рустіи послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ Царемъ Гречьскимъ, створити любовь съ самѣми Цари, со всѣмъ боярствомъ и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяетъ солнце и весь міръ стоитъ.

молъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фуръстьнъ, Брупы, Роалдъ, Гунастръ, Фрастьнъ, Ингельдъ, Турбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Тубьксарь, Вузльвъ, Синко; Боричь посланные отъ Игоря Великаго Князя Рускаго и отъ всѣхъ князей и отъ всѣхъ людей Руской земли. Отъ нихъ намъ заповѣдано: обновить древній миръ и посрамить враждолюбца дьявола ненавидящаго добра, и утвердить давнишную любовь между Греками и Русью. Нашъ великій Князь Игорь и бояре его и всѣ Рускіе люди послали насъ къ Роману, Константину и Стефану къ великимъ Царямъ Греческимъ сотворить любовь съ самими Царями со всѣмъ боярствомъ и со всѣми Греческими людьми, на всѣ годы, дондеже сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ.»

Статья первая:

Иже помыслить отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да пріимутъ месть отъ Бога вседержителя, осуженья на погибель въ весь вѣкъ будущій; и елико ихъ есть нехрещено, да неимуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да неущитятся щиты своими,

Ежели кто изъ Рускихъ помыслитъ разрушить такую любовь; то тѣ изъ нихъ, которые приняли крещеніе, да пріимутъ месть отъ Бога вседержителя, да осудятся на погибель въ весь будущій вѣкъ, а которые некрещены, да не будутъ имѣть помощи отъ Бога, и отъ неба, [109] да незащи-

---

[109] Я здѣсь выраженіе подлинника «*ни отъ Перуна*,» перевожу словомъ и отъ неба; потому что въ древнихъ памятникахъ Перунъ встрѣчается въ значеніи неба; такъ въ одной рукописи XV вѣка написано: (вопр.) Колико есть небесъ (отв.) Перунъ есть многъ.

и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій.

Статья вторая:

«А Великій Князь Рускій и боляре его да посылаютъ въ Греки къ великимъ Царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотятъ, со слы и съ гостьми; яко же имъ уставлено есть; ношаху сли печати злати, а гостье сребрени. Нынѣ же увѣдѣлъ есть Князь вашъ посылати грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селько; и отъ тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ; аще ли безъ грамоты придутъ и преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже возвѣстимъ Князю вашему; аще ли руку не дадятъ и противятся, да убіени будутъ, да неизищется смерть ихъ отъ Князя вашего; аще ли убѣжавше, въ Русь придутъ, мы напишемъ къ Князю вашему, яко имъ любо, тако створять.

тятъ ихъ щиты ихъ, да посѣчены будутъ своими мечами, стрѣлами и инымъ оружіемъ, да будутъ рабы въ весь будущій вѣкъ.

Великій Князь Русскій и его бояре имѣютъ право посылать въ Грецію къ великимъ Царямъ Греческимъ корабли сколько хотятъ съ послами и съ гостями; какъ уставлено, чтобы послы носили золотыя печати, а гости серебряные. Нынѣ же Князь вашъ разсудилъ посылать грамоты, въ которыхъ бы прописывалось, посланно кораблей столько-то; чтобы такимъ образомъ мы знали съ миромъ ли приходятъ корабли. Ежели же придутъ безъ грамоты; то мы имѣемъ право взять ихъ и держать подъ стражею до тѣхъ поръ, пока извѣстимъ князю вашему; ежели же неотдадутся въ руки и будутъ противиться, да будутъ убиты, и вашъ Князь да не взыскиваетъ за ихъ смерть. Ежели же, убѣжавши, придутъ въ Русь; то мы напишемъ къ вашему Князю, чтобы онъ поступилъ съ ними, какъ ему любо.

Статья третія.

«Аще придутъ Русь безъ купли, да невзимаютъ мѣсячина. Да запретитъ Князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ безчинья въ селѣхъ ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ,

Ежели придутъ Русь не для купли, то неимѣютъ права на мѣсячину. Да запретитъ Князь своимъ посламъ и приходящимъ сюда Руси, да нетворятъ безчинія въ селахъ и въ странѣ нашей. И ког-

да витаютъ у святаго Мамы; да послеть царство наше, да испишеть имена ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля. Да входятъ въ городъ однѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья мужъ 50, и да творятъ куплю якоже имъ надобѣ, паки да изходятъ; и мужъ царства нашего да хранитъ я, да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ створи криво, да оправляеть то. Входяще Русь въ градъ, да неимѣютъ волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ; и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть, да показываетъ цареву мужю, и то е запечатаеть и дасть имъ. И отходящеи Руси отсюда взимаютъ отъ насъ еже надобѣ брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть преже, и да возвращаются съ спасеніемъ въ страну свою, да неимѣютъ власти зимовати у Святаго Мамы.»

Статья четвертая.

«Аще ускочить челядинъ отъ Руси, понеже придуть въ страну царствія нашего, и отъ Святаго Мамы, аще будеть да поимуть и; аще ли необрящется да на роту идуть наши крестьяная Русь по вѣрѣ ихъ, а не хрестеяніи по закону. Ежели невольникъ уйдетъ отъ Русина, и ежели за нимъ придуть отъ Св. Мамы на сторону нашего царства; то нашедши имѣютъ право взять его; а ежели неотыщютъ, то наши и крещеная Русь должны поклясться по своей вѣрѣ, а не

да придуть, то должны останавливаться у Св. Мамы, и наше величество пошлеть, чтобы переписали имяна пришедшихъ; и тогда возтутъ свое мѣсячное, послы посольское, а гости мѣсячное, сперва Кіевляне, потомъ Черниговцы и Переяславцы. Пришедшіе должны входить въ городъ одними воротами съ царевымъ мужемъ безъ оружія неболѣе 50 человѣкъ вдругъ; и да творятъ куплю, какъ имъ нужно, и потомъ опять выходятъ; и Царскій мужъ да охраняетъ ихъ; и ежели кто изъ Русовъ или Грековъ сдѣлаетъ несправедливо, то онъ долженъ разсудить ихъ. Руссы входя въ городъ неимѣютъ права покупать шелковыя ткани цѣною выше 50 золотниковъ; и сіи купившій долженъ показать цареву мужу, который наложивъ клеймо возвратитъ имъ. Русь отходя отсюда да берутъ отъ насъ съѣстные припасы сколько нужно на дорогу и все что нужно для лодій, какъ уставлено прежде. И да возвращаются благополучно въ свою страну, и неимѣютъ права зимовать у Св. Мамы.

кону своему; ти тогда взимають отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преже, двѣ паволощѣ за челядинъ. Аще ли кто отъ людій царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ, и принесеть что, да въспятять и опять; а еже что принеслъ, будеть все цѣло, и да возьметь отъ него золотника два (имѣчнаго).»

Статья пятая.

«Аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людій царства нашего, иже то створить, цокажненъ будеть вельми; ащели взялъ будеть, да заплатить сугубо. И аще створить Гречинъ Русину, да пріиметь туже казнь, якоже пріялъ есть и онъ. Аще ключиться украсти Русину отъ Грекъ что, или Гречину отъ Руси, достойно есть да възворотити неточію едино, но и цѣну его; аще украденое обрящется продано, да вдасть и цѣну его сугубо, и то показненъ будеть по закону Греческому, по устау и по закону Рускому.»

Статья шестая.

«Елико Хрестьянъ отъ власти нашея плѣнена приведуть Русь, ту аще будеть уноша, или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть и; ащели есть средовичь, да вдасть златникъ 8 и поимуть и; ащели будеть старъ или дѣ-

крещеные по своему закону; и тогда возмуть отъ насъ цѣну свою, какъ уставлено прежде, по двѣ шелковыхъ ткани за невольника. Ежели уйдетъ къ вамъ нашъ невольникъ, принадлежащій нашимъ людямъ или сему городу или иному какому городу, и что нибудь снесетъ; то должно его возвратить; и ежели унесенное имъ все будетъ цѣло, то возвративший получитъ за это два золотника.

Ежели кто либо изъ Руссовъ покусится отнять что силою у нашихъ людей, и ежели у спѣетъ въ этомъ, то будетъ жестоко наказанъ, а что взялъ за то заплатитъ вдвое; а такъ же и Грекъ приимеетъ туже самую казнь, ежели тоже сдѣлаетъ съ Русиномъ. Ежели случится, что Русинъ украдетъ что либо у Грека, или Гречинъ у Русина, то долженъ возвратить нетолько украденное но и его цѣну; ежели же украденное будетъ продано, то должно отдать двойную цѣну; таковое наказаніе требуется и по Греческому и по Рускому закону и по договору.

Ежели Русь приведутъ къ намъ плѣнныхъ христіанъ нашей Имперіи; то за юношу или добрую дѣвицу будетъ выдаваться имъ по десяти золотыхъ, за среднихъ по 8 золотыхъ, за стариковъ и дѣтей по пяти золотыхъ. Ежели

тищь, да вдасть златникъ 5-ть. Ащели обрящются Русь работающе у Грекъ, ащели суть плѣньницы, да искупають є Русь по 10 златникъ; ащели купилъ будеть Гречинъ. подъ хрестомъ достоить ему, да возметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немъ.

найдутся въ услуженіи у Грековъ плѣнные Руссы, то за нихъ Русь должна платить выкупу по десяти золотыхъ. Ежели же Руссъ будетъ купленный, то Грекъ долженъ будетъ подъ крестомъ взять цѣну свою, сколько за него заплатилъ.

Статья седмая:

А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части, да неимать волости Князь Русскій, да воюеть на тѣхъ странахъ. А кая[110] страна не покоряется вамъ; тогда еже просить вой у насъ Князь Рускій да воюеть, дамы ему, елико ему будеть требѣ.

А о Корсунской сторонѣ, сколько ни есть городовъ въ томъ краю, Князь Рускій неимѣетъ власти воевать тамъ. А ежели которая страна не покаряется вамъ, и ежели Рускій Князь попроситъ у насъ войска, чтобы воевать; то мы дадимъ ему сколько будетъ нужно.

Статья осмая:

И о томъ аще обрящють Русь кубару Гречьскую въверженну на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидять ея; аще ли отъ нея возметь кто что, ли человѣка поработить, или убьеть, да будеть повинень закону Руску и Гречьску.

И о томъ ежели Рускіе найдутъ Греческую кубару выкинутую на какомъ нибудь мѣстѣ; то да не преобидятъ ее. Ежели же кто возметъ что нибудь изъ нея, или человѣка поработитъ, или убьетъ; повиненъ казни по Рускому и Греческому закону.

Статья девятая:

Аще обрящеть въ вустьѣ Днѣпрьскомъ Русь Корсуняны рыбы ловяща, да нетворять имъ зла ни какоже. И да неимѣють власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережьи, ни у святаго Ельферья; но егда придеть осень, да идуть въ домы своя въ Русь.

Ежели Русь встрѣтятъ въ Днѣпровскомъ устьѣ Корсунянъ ловящихъ рыбу; да не творятъ имъ никакого зла. Русь неимѣетъ власти зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ, ни у Св. Ельферія; но когда придетъ осень должны идти домой въ Русь.

---

[110] Гадзив. стр. 42.

Статья десятая:.

А о сихъ, оже то приходять Черніи Болгаре, воюють въ странѣ Корсунстѣй, и велимъ Князю Рускому, да ихъ непущаеть пакостить странѣ той.

А когда Черные Болгары пойдутъ воевать въ Корсунской странѣ; то мы повелѣваемъ, чтобы Рускій Князь непускалъ ихъ вредить той странѣ.

Статья одиннадцатая:

Ци аще ключиться проказа никака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да неимать власти казнити я; но повелѣньемъ царства нашего да пріиметь, якоже будеть створилъ.

Ежели Грекъ принадлежащій нашей имперіи учинитъ вамъ какой нибудь врѣдъ; то вы неимѣете власти казнить его, но по нашему повелѣнію получитъ казнь, какую заслужилъ.

Статья двѣнадцатая.

Аще убьеть Хрестьянинъ Русина, или Русинъ Хрестьянина, и да держимъ будеть створивый убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убьють и. Аще ли ускочить, створивый убой, и убѣжить, аще будеть имовитъ, да возмуть имѣнье его ближніи убіеннаго; аще ли есть неимовитъ, и ускочить же, да ищуть его, дондеже обрящется; аще ли обрящется, да убіень будеть.

Ежели Христіанинъ убьетъ Русина или Русинъ Христіанина, то убійцу пусть возмутъ ближніе убитаго, и убьютъ его. Ежели же убійца уйдетъ и скроется, и ежели будетъ имѣть достатокъ; то ближніе убитаго да возмутъ его имѣніе; ежели же у убійцы небудетъ достатка, и онъ убѣжитъ, то да ищутъ его до тѣхъ поръ пока найдется; и ежели отыщется, то его убить.

Статья тринадцатая.

Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ Русинъ Грьчина, или Грьчинъ Русина, да того дѣля грѣха, заплатить сребра литръ 5, по закону Рускому. Аще ли есть неимовитъ, да како можеть въ толькоже проданъ будеть, яко да и порты, въ нихъ же ходять, да и то съ него сняти, а опроцѣ да

Ежели же Русинъ Грека, или Грекъ Русина ударитъ мечемъ, или копьемъ, или другимъ какимъ орудіемъ; то за это преступленіе заплатить пять литръ серебра по закону Рускому. Ежели же небудетъ имѣть достатка; то отдастъ въ пеню сколько можетъ, снять съ него даже и то платье въ которомъ ходитъ; а въ ос-

на роту ходить по своей вѣрѣ, яко же неимѣя ничтоже, ти тако пущенъ будеть.

Статья четырнадцатая:

Аще ли хотети начнетъ наше царство отъ васъ вои на сопротивляющіяся намъ, да пишуть къ Великому Князю вашему, и послѣть къ намъ, елико же хочемъ: и оттолѣ увѣдять ины страны, каку любовь имѣютъ Грьцы съ Русью.

Заключеніе:

Мы же съвѣщаньемъ все написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у Царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой сли ваши и гостье ваши. А отходяче со сломъ царства нашего, да допроводять къ Великому Князю Рускому Игореви и къ людемъ его; и ти пріимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, написахомъ харатью сію, на ней же суть имяна наша написана. Мы же елико насъ хрестилися есмы, кляхомся церковію Святаго Ильѣ въ соборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все еже есть писано на ней; не приступити отъ него ничто же; а иже преступить се отъ страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ да неимутъ потальномъ да кляпется по своей вѣрѣ, что у него больше нѣтъ ничего; и тогда его отпустить.

Ежели наше Величество пожелаетъ имѣть отъ васъ воиновъ противъ нашихъ враговъ; то напишемъ къ Великому Князю вашему, и пошлетъ къ намъ сколько потребуемъ; и по сему иныя страны узнаютъ, какую любовъ имѣютъ Греки съ Русью.

Мы же по совѣщанью написали все на двухъ хартіяхъ; и одна хартія остается у нашего величества, на ней же крестъ и имяна наши написаны, а на другой ваши послы и ваши гости. И когда они съ посломъ нашего величества пойдутъ домой, то да отнесутъ ее къ великому Князю Рускому Игорю и къ его людямъ; и тѣ принимая хартію да клянутся хранить правду, какъ мы по совѣщанью написали сію хартію, на ней же и имяна наши написаны. Мы же сколько насъ есть крещеныхъ клялись церковію Святаго Иліи, въ соборной церкви, и предлежащимъ честнымъ крестомъ и на сей хартіи, хранить все что написано въ ней, и ни въ чемъ отъ нея неотступать, а кто отступитъ отъ нее съ нашей стороны, Князь ли или другой кто, крещеный или некре-

мощи отъ Бога, и да будетъ рабъ въ сій вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружьемъ. А некрещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочая оружья, да клянуться во всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ бояръ и отъ всѣхъ людій отъ страны Рускія, въ прочая лѣта и воину. Ащели же кто отъ Князь или отъ людій Рускихъ, ли хрестьянъ или не хрестьянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будетъ добрѣ, Игорь великій Князь да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяетъ и весь міръ стоить, въ нынѣшнія вѣки и въ будущая.

щеный; да неимѣетъ помощи отъ Бога, и да будетъ рабомъ въ сей вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ. А некрещеная Русь полагаютъ щиты свои, имечи свои наги, и обручи свои и прочее оружіе, и да клянутся во всемъ, что писано на сей хартіи, что все это въ будущіе годы и всегда будетъ сохранено Игоремъ, всѣми его боярами и всѣми людьми Руской стороны. Ежели же кто изъ князей или изъ Рускихъ людей, христіанинъ или нехристіанинъ отступитъ отъ того, что написано на сей хартіи; то за клятвопреступленіе достоинъ умереть отъ своего оружія, и будетъ проклятъ отъ Бога и отъ неба. Ежели это одобритъ Великій Князь Игорь, то да хранитъ сію правую любовь, да ненарушится она, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ въ нынѣшніе вѣки и въ будущіе.

Игоревъ договоръ начинается въ той же формѣ какъ и договоръ Олеговъ. «Мы отъ рода Рускаго.» Но послѣ первыхъ же словъ открывается большая разница между тѣмъ и другимъ договоромъ. Въ Олеговомъ договорѣ посланники пишутъ: «Мы отъ рода Рускаго. Карлы Инегельдъ «въ Игоревомъ же передъ посольскими именами стоитъ выраженіе:» сли и гостье «и притомъ ясно обозначены особые послы отъ самаго Игоря, отъ его сына Святослава, отъ жены Ольги, отъ племяника и отъ другихъ лицъ поименно, и отдѣльно посланники отъ купцовъ, гости, о чемъ въ Олеговомъ договорѣ вовсе неупоминается. Эта важная разница указываетъ, что послы Олеговы хотя отправлялись въ Константинополь и по согласію Князя, его бояръ и всей Руси; но небыли собственно посланниками Княжескими, каковыми и неназваны въ договорѣ, а скорѣе были сами зачинщиками и искателями отправленія въ Константинополь по своимъ видамъ непротив-

нымъ ни Олегу ни всей Руси; что свидѣтельствуютъ сами послы говоря, «наша свѣтлость болѣе другихъ желая удержать любовь между христіанами и Русью.» Это особенное желаніе мира, ясно говоритъ, что Олегово посольство въ Грецію было устроено по настоянію самихъ же пословъ, которые по всему вѣроятію были въ Олегово время важными и сильными людьми на Руси, на что нѣкоторымъ образомъ намекаетъ договоръ Игоря, гдѣ между прочими посланниками упоминаются послы отъ Гуды и Фаста: «*Либіаръ Фастовъ, Алвадъ Гудовъ*» вѣроятно отъ тѣхъ мужей, которые въ Олеговомъ договорѣ написаны въ числѣ посланниковъ, *Гуды, Фастъ*. Такимъ образомъ первая разница между Олеговымъ и Игоревымъ договоромъ состоитъ въ томъ, что Олеговъ договоръ былъ замышленъ и совершенъ по настоянію частныхъ лицъ и только съ согласія Князя и преимущественно для обезпеченія торговли, Игоревъ же договоръ началомъ своимъ обязанъ Византійцамъ и совершенъ посланниками отправленными отъ Игоря.

Вторая разница между обѣими договорами состоитъ въ именахъ пословъ, въ Олеговомъ договорѣ имена посланниковъ всѣ Скандинавскія за исключеніемъ двухъ Славянскихъ Карна и Стемира; въ Игоревомъ же изъ сорока пяти посольскихъ именъ только двадцать два имѣютъ себѣ двойниковъ между Скандинавскими именами; [111] осталь-

---

[111] Вотъ посольскіе имена Игорева договора имѣющія двойниковъ въ Скандинавскихъ сказаніяхъ. Иворъ, *Ivarr* Конунгъ Шведскій; Улѣбъ *Utfr* мудрый; Шихъбернъ Styrbjörn, Шведскій Конунгъ; Гримъ, *Grimr* косматый; Кары, *Cari* боецъ Гаральда Гилдитана; Шибридъ, *Sigtryggr*, такъ назывался одинъ восточный Государь убитый Галфданомъ древнимъ; Сфирка, *Sverkir*; Фудри, *Fròða* правнукъ Одина; Мутуръ; *Mejtir* морской король сынъ Гора, Адунь *Aubun*, Иггивладъ *Ingjaldr* сынъ Онунда; Игелъдъ, Ingeld, одинъ изъ Королей Даніи (Lang. T. I. pag. 15). Моны можетъ быть Эмунъ, (ibid. 18) и даже Монъ (38); Фрутанъ, Frothi или Frotho (ibid. 19) Емигъ, Emming (ibid. 19) Колклековъ, *Gorm Lëke*, и *Hughlek*, *Vèklek*. (21—22); Олѣбъ *Olaf*, даже Olef, въ числѣ королей Даніи (LangeB. 19); Гомоль *Humli* отецъ Свавы жены Гейдрековой; Турбидъ Þorbergr одинъ изъ спутниковъ Олава Тригвесона; Бруны *Bruni* одинъ изъ вождей Гаральда Гилдитана; Руалдъ *Hròaldr* боецъ Сигурда Ринга; Гунастръ *Gunnfastr* также богатырь Ринговъ; Игельдъ *Jigjaldr*, Свенъ *Svejnn*, Стиръ *Styrr* также бойцы Ринговы; Алданъ Hálfdan, также извѣстное Скандинавское имя.

ныя же или невстрѣчаются въ Скандинавскихъ сказаніяхъ: таковы: Вуефастъ, Либіаръ, Адулбъ, Фрутанъ, Фурстѣнъ, Фрастѣнъ, Турбернъ, хотя и звучатъ по Скандинавски; или явно Славянскіе, напр. Искусеви, Слуды, Капицаръ, Прастѣнъ, Истръ, Ятвягъ, Куцы, Тилена, Пубьксарь, Вузлевъ, Синка, Боричь. Даже между посылавшими уже встрѣчаемъ нѣсколько Славянскихъ именъ, таковы: Святославъ, Володиславъ, Предслава, Тудко, Воикъ; конечно здѣсь еще больше именъ Скандинавскихъ, каковы Турдъ *Þorðr*, Фастъ, Сфирко *Sverkir*, Акунъ *Hakon*, Беринъ *Biorn*, и даже Гунаръ одинъ Швед. Король называется *Gunnar*, Алданъ *Halfdan* и *Haldon*, Алвъ *Alfr*, Гуды *Gudi*, и другія. Но тѣмъ неменѣе изъ Игорева договора уже замѣтно сильное вліяніе Славянскаго племени въ Приднѣпровьѣ; мы даже видимъ Славянскія имена между посланниками отъ купцовъ, таковы: Куци, Тилена, Пубьскарь, Вузлевъ, Синко, Боричь; слѣдовательно Славяне вмѣстѣ съ Руссами принимали участіе и въ Византійской торговлѣ, и при томъ не какъ работники или прикащики Руссовъ, но какъ самостоятельные купцы, отправлявшіеся послами отъ купечества.

Изъ посольскихъ же именъ договора мы видимъ, что миръ съ Греками былъ важенъ нетолько для Великаго Князя и его бояръ, но и для купечества, для народа вообще; ибо въ числѣ 45 именъ въ договорѣ помѣщено 26 именъ посланическихъ отъ купцовъ какъ весьма правильно замѣтилъ Г. Погодинъ, [111] именно начиная съ словъ: «Купецъ Адунь» здѣсь по всему вѣроятію въ подлинникѣ было написано: *отъ купецъ*, т. е. отъ купцовъ послы такіе то, перепищиками же предлогъ *отъ* утраченъ. Это участіе купцовъ въ договорѣ показываетъ, что въ Олегово и Игорево время торговля приднѣпровскихъ Руссовъ была очень дѣятельна и сильно занимала народъ, и что купцы имѣли въ обществѣ большое значеніе.

Первая статья договора написана въ томъ же смыслѣ какъ таковая же статья и въ Олеговомъ договорѣ, т. е. чтобы Руссы и Греки жили въ мирѣ, и чтобъ никто не нарушалъ мира ни съ той ни съ другой стороны. Здѣсь противъ Олегова договора замѣчательно только то, что между Руссами является уже довольно христіанъ, чего незамѣтно въ договорѣ Олеговомъ, гдѣ Русинъ прямо противупоставлялся христіанину т. е. Греку; здѣсь же Русину вездѣ противу-

---

[111] Лекціи Т. I. стр. 134.

поставляется Грекъ, Гречинъ; и даже прямо говорится: «иже помыслитъ отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяши суть, да пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя; и елико ихъ есть некрещено, да неимуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна.»

Вторая статья есть совершенно новая, о которой нѣтъ и помину въ Олеговомъ договорѣ, и прямо показываетъ, что она составлена Византійцами. Она требуетъ, чтобы послы и гости, пріѣзжая въ Константинополь, предъявляли отъ Князя грамоту, сколько съ ними отправлено кораблей, и грозитъ, что всѣ пріѣзжающіе безъ княжей грамоты будутъ задержаны, а въ случаѣ сопротивленія подвергаются опасности быть убитыми. Эта предосторожность со стороны Византійцовъ ясно показываетъ, что Руссы подъ видомъ торговли нерѣдко пріѣзжали грабить и разорять Византійскія селенія; въ договорѣ прямо сказано: по Княжей грамотѣ «да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ.» Въ этой же статьѣ мы находимъ свидѣтельство, что у Византійцовъ былъ еще другой, предшествовавшій этому, договоръ съ Игоремъ, въ которомъ также они хотели предостеречь себя отъ Рускихъ грабителей, и для сего требовали, что бы Рускіе послы имѣли при себѣ золотыя печати, а гости серебряныя; но вѣроятно эта предосторожность оказалась недостаточною; и по сему въ настоящемъ договорѣ Византійцы установили, чтобы Рускіе послы и гости предъявляли княжую грамоту, сколько съ ними отправлено кораблей съ Грецію, съ правомъ задерживать тѣ корабли, которые придутъ безъ грамотъ, и сноситься о ихъ приходѣ съ самимъ Княземъ. Условіе сноситься Грекамъ съ Рускимъ Княземъ о корабляхъ непредьявляющихъ княжихъ грамотъ показываетъ, что сношеніе Грековъ съ Руссами были довольно часты и дѣятельны, и непредставляли большихъ затрудненій, въ противномъ случаѣ Греки не приняли бы на себя такой обязанности.

Третья статья договора повторяетъ тоже, что было сказано въ договорѣ Олега съ Греками предъ вратами Константинополя въ 907 году; т. е. что бы Руссы приходящіе не для торговли нетребовали мѣсячины, чтобы послы и вообще всѣ Руссы приходя въ Грецію недѣлали безчинія, что бы останавливались у Св. Мамы, куда будетъ приходить императорскій чиновникъ переписывать имена пришедшихъ и назначать мѣсячины, что бы входили въ городъ съ царскимъ приставомъ одними воротами и неболѣе 50 человѣкъ въ одинъ разъ; въ этой статьѣ только три новости не встрѣчающіяся въ Олеговыхъ

договорахъ: 1-е Императорскій приставъ разбираетъ спорныя дѣла между (приходящими въ Византію) Руссами и Греками; 2-е Руссы неимѣютъ права покупать шелковыхъ тканей цѣною выше 50 золотниковъ; и 3-е Руссы не имѣютъ права зимовать у Св. Мамы. Первая изъ сихъ новостей, учрежденіе особеннаго Императорскаго пристава для разбора споровъ между Руссами и Греками, указываетъ на постоянное усиленіе сношеній Руссовъ съ Греками, которое потребовало особаго судью для разбора тяжбъ; и отнюдь неможетъ служить свидѣтельствомъ, чтобъ этою статьею Руссы подчинялись безъ условно Римскому праву въ своихъ спорахъ съ Греками; ибо послѣдующія статьи Игорева договора свидѣтельствуютъ явно, что Рускій законъ одинаково дѣйствовалъ и при Олегѣ и при Игорѣ. Ограниченіе Руссовъ покупать шелковыя ткани недороже какъ по 50 златницъ, было общее для всѣхъ народовъ торговавшихъ съ Византіею; такъ современникъ Игоревъ Кремонскій Епископъ Ліутпрандъ, два раза бывшій посломъ въ Константинополѣ, говоритъ что предъ отъѣздомъ и онъ долженъ былъ показать императорскому чиновнику купленныя имъ дорогія ткани, и тѣ изъ нихъ, которыхъ вывозъ былъ запрещенъ, у него остановили и выдали занихъ торговую цѣну, а на незапрещенныхъ къ вывозу наложили клейма. Недозволеніе Руссамъ зимовать у Св. Мамы указываетъ на туже предосторожность Грековъ, какую мы уже замѣтили выше въ требованіи предъявлять княжія грамоты объ отпускѣ Рускихъ кораблей въ Грецію. Византійцы опасались, что бы Рускіе корабли зазимававшіе у Св. Мамы на весну несоединились съ другими кораблями имѣющими придти изъ Руси, и несдѣлали нечаяннаго нападенія. Эта предосторожность показываетъ, что подобные случаи вѣрно уже бывали съ Руссами.

Четвертая статья договора говоритъ о побѣгѣ невольниковъ, статья сія упоминается и въ Олеговомъ договорѣ, тамъ мы уже видѣли, что она составлена подъ вліяніемъ Римскаго права; но здѣсь это вліяніе менѣе замѣтно: именно настоящая статья не требуетъ, что бы невольникъ самъ объявлялъ, что онъ принадлежитъ истцу, какъ это постановлено въ VI книгѣ кодекса, (Tit. I. § VI) а напротивъ по настоящей статьѣ достаточно только отыскать невольника, что бы имѣть право возвратить его. И даже въ томъ случаѣ, ежели невольникъ неотыскивался, Руссы имѣли право получить отъ Грековъ установленную цѣну невольника,—двѣ шелковыхъ ткани, они только обязывались потвердить свой искъ клятвою. Это было уже новая уступ-

ка въ пользу Руссовъ, неизвѣстная въ Олеговомъ договорѣ, и конечно вытребованная Руссами по прежнему до насъ недошедшему договору Игоря; ибо въ статьѣ прямо сказано: «взимаютъ отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть прежде, двѣ паволоцѣ за челядинъ.» Вторая половина этой статьи, относящаяся собственно къ Греческимъ невольникамъ бѣжавшимъ къ Руссамъ пріѣзжающимъ въ Константинополь, назначаетъ даже вознагражденіе Руссамъ за возвращеніе невольниковъ, полагая по два солида за каждаго въ такомъ случаѣ, ежели Руссъ возвращая невольника съ тѣтъ вмѣстѣ приносилъ въ цѣлости и то, что невольникъ унесъ у своего господина. Это была новая уступка въ пользу Руссовъ неизвѣстная въ Олеговомъ договорѣ; которая явно свидѣтельствуетъ объ усилившихся сношеніяхъ Руссовъ съ Греками. Здѣсь мы неможемъ подозрѣвать какой нибудь передѣлки или измѣненія статьи лѣтописцемъ; ибо начало этой половины статьи явно составлено по Римскому праву, здѣсь говорится о невольникахъ принадлежащихъ нетолько частнымъ лицамъ но и городамъ: «городскихъ или публичныхъ, казенныхъ рабовъ въ то время на Руси вовсе незнали; отсюда очевидно, что это раздѣленіе рабовъ на частныхъ и публичныхъ принадлежитъ Римскому праву, которое даже налагало особую пеню за отчужденіе публичныхъ или городскихъ рабовъ; [113] и Руссъ немогъ ни коимъ образомъ составить подобной статьи, ему публичные рабы были неизвѣстны, что замѣтно даже въ самой статьѣ; ибо Греки для Руссовъ принуждены были отмѣнить то рѣзкое различіе, какое по Римскому праву полагалось между публичнымъ и частнымъ рабомъ, и положить одинаковое вознагражденіе по два солида, какъ за частнаго, такъ и за публичнаго раба.

Пятая статья говоритъ о грабѣжѣ и кражѣ. Здѣсь на основаніи Римскаго права отличается грабежъ, отнятіе силою (rapina), отъ кражи, взятія тайкомъ (furtum); таковаго раздѣленія въ Олеговомъ договорѣ незамѣчено, тамъ только говорится объ одной кражѣ (furtum). Статья отличая грабежъ отъ кражи назначаетъ и различныя наказа-

---

[113] Cod. L. VI. Tit. I. § V. Mancipia diversis artibus praedita, qvae ad rempublicam pertinent, in jisdem civitatibus placet permanere, ita ut si quis tale mancipium sollicitaverit vel avocandum crediderit, cum servo altero sollicitatum restituat, duodecim solidorum summa inferenda rejpublicae illius civitatis, cujus mancipjum adduxerit.»

нія, именно за грабежъ назначаетъ жестокое наказаніе,—«покажненъ будетъ вельми.» и двойную цѣну отнятаго; за кражу требуетъ только возвращенія покраденной вещи и сверхъ того цѣну чего стоитъ вещь. Такимъ образомъ настоящая статья совершенно отмѣняетъ подобную статью Олегова договора, по которой за кражу взыскивалось въ четверо, и тѣмъ доказываетъ, что Римское qvadrupli на практикѣ оказалось не совсѣмъ удобнымъ въ отношеніи къ Руссамъ пріѣзжавшимъ въ Константинополь, такъ что Византійцы нашли нужнымъ по этому случаю войти въ новое условіе съ Руссами, и принять мѣры болѣе сообразныя съ состояніемъ дѣлъ. А требованіе статьи казнить грабителя, хотя въ договорѣ отмѣчено общимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ: «покажненъ будетъ вельми.» по тѣмъ неменѣе показываетъ, что это новое требованіе въ договорѣ составлено по взаимному согласію обѣихъ договаривавшихся сторонъ, ибо статья одинаковое наказаніе назначаетъ и для Русса для Грека: «Аще створитъ Гречинъ Русину, да пріиметъ туже казнь.» И при томъ въ статьѣ прямо сказано, что таковое наказаніе требуется и по Греческому и по Рускому закону, и по договору: «И то покажненъ будетъ по закону Греческому, по уставу и по закону Рускому.» [115] Слѣдовательно статья недаетъ никакого преимущества Грекамъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые толкователи, и составлена по взаимному договору и согласно съ настоятельными нуждами той и другой стороны. А посему въ настоящей статьѣ мы находимъ новое доказательство того, что Греки и Руссы дорожили своими мирными отношеніями, и въ договорахъ своихъ постоянно старались отстранять и улаживать все то, что затрудняло бы мирныя отношенія.

Шестая статья настоящаго договора опредѣляетъ цѣну плѣнныхъ Грековъ приводимыхъ Руссами на продажу; именно по 10 солидовъ за юношу или дѣвицу, по 8 солидовъ за средовича, и 5 за-

---

[115] Одинъ изъ новѣйшихъ толкователей говоритъ: «Я здѣсь непринимаю чтенія Лаврентіевскаго списка: «По уставу и по закону Рускому, ибо въ Рускомъ законѣ нѣтъ наказанія вору.» и тѣмъ какъ бы думаетъ доказать, что здѣсь Греки даютъ силу своему закону требующему наказанія вору. Но слово *покажненъ* относится не къ вору, а къ грабителю разбойнику, а на разбойника есть особая казнь и въ Руской правдѣ. «Оже станетъ безъ вины на разбои, то за разбойника людіе не платятъ, и выдадятъ и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе.»

стариковъ и за дѣтей. Это статья сильно противорѣчитъ таковой же статьѣ Олегова договора, въ которой назначалась одинакая цѣна за каждаго плѣнника по 20 солидовъ, именно та въ которую цѣнился бѣглый рабъ по Римскому праву;[115] какая была причина, къ такому измѣненію цѣны мы не знаемъ; но конечно это клонилось не къ пользѣ Руссовъ, которымъ по настоящему договору приходилось продавать плѣнниковъ дешевлѣ нежели прежде, выкупать Рускихъ плѣнниковъ у Грековъ дороже; ибо по настоящей статьѣ не только всѣ Рускіе плѣнники поставлены въ одной цѣнѣ, по 10 солидовъ за каждаго, но даже въ случаѣ, ежели Грекъ пріобрѣталъ Рускаго плѣнника покупкою, то Руссы при выкупѣ должны были платить именно ту цѣну, по какой Грекъ самъ пріобрѣлъ плѣнника. А при такомъ условіи естественно Руссамъ едва ли когда удавалось выкупать своихъ плѣнниковъ изъ первыхъ рукъ; ибо Греки конечно спѣшили перепродавать ихъ другъ другу по высокой цѣнѣ, чтобы взять эту цѣну при выкупѣ.

Седмая статья составлена собственно въ пользу Корсунскаго края, который состоялъ подъ покровительствомъ Византійцовъ, и находясь неподалеку отъ Рускихъ владѣній легко могъ подвергаться нападеніямъ Руссовъ. Статья именно говоритъ: «на Корсунской сторонѣ, сколько есть городовъ въ томъ краю, Князь Рускій неимѣетъ власти воевать тамъ.» И такимъ образомъ прямо показываетъ, что безспокойные Руссы въ Игорево время сильно тревожили Корсунцовъ, что подтверждается и свидѣтельствомъ Константина Порфиророднаго, который въ своихъ наставленіяхъ сыну между другими причинами къ соблюденію постояннаго союза Византійскихъ Императоровъ съ Печенѣгами полагаетъ и то, чтобы они недозволяли Руссамъ нападать на Греческія владѣнія, слѣдовательно и на Корсунь.[116] Въ вознагражденіе за такую уступку со стороны Руссовъ, Византійцы обязываются помогать Рускому Князю своими войсками, когда эта помощь ему понадобится въ войнахъ съ другими народами. Конечно это обязательство никогда неприводилось въ исполненіе, ибо Рускіе не прибѣгали къ пособію Византійцовъ; но оно важно для исторіи тѣмъ, что указываетъ на нѣкоторое равенство отношеній между Руссами и Византійцами, здѣсь Греки неприказываютъ Руссамъ, а тре-

---

[115] Cod. L. VI. Tit. IV.

[116] De adm. imp. cap. IV.

буя какихъ либо уступокъ или услугъ съ Руской стороны, также и сами какъ бы въ вознагражденіе предлагаютъ услуги съ своей стороны, чего конечно они бы не сдѣлали, ежели бы трактовали съ Игоремъ, какъ побѣдители съ побѣжденнымъ.

Осьмая статья настоящаго договора представляетъ повтореніе шестой статьи Олегова договора, только здѣсь Руссы необязываются провожать Греческихъ судовъ, въ случаѣ какого либо нещастія, ни въ Греческую ни въ Русскую землю, какъ они обязывались къ этому по Олегову договору. Настоящая статья только требуетъ, чтобы Руссы необижали Греческихъ судовъ подвергшихся несчастію, и въ случаѣ нарушенія этого обязательства грозитъ преслѣдованіемъ закона Рускаго и Греческаго.

Девятая и десятая статьи составлены опять въ пользу Корсунцовъ: въ девятой Руссы обязываются недѣлать зла Корсунянамъ, когда они ловятъ рыбу въ Днѣировскомъ устьѣ, а также запрещается Руссамъ зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьи и у острова Св. Ельферія. Это запрещеніе указываетъ, что Руссы разъѣзжая на своихъ лодьяхъ по Черному морю, имѣли обычай останавливаться на зиму въ показанныхъ мѣстахъ, т. е. между устьями Днѣпра и Днѣстра; ибо подъ островомъ Ефферія у Константина Порфиророднаго, а съ нимъ въ мѣстѣ и у Нестора должно разумѣть небольшой островокъ между Днѣпровскимъ и Днѣстровскимъ устьемъ, Бѣлобережьемъ же по всему вѣроятію въ договорѣ названъ Днѣстровскій лиманъ: ибо въ этомъ мѣстѣ у Константина полагается бѣлая рѣка, ἄσπρος πόταμος и Βελεγράδας. По его словамъ Руссы отъ острова Св. Ефферія, ежели еще время благопріятствуетъ, отправляются къ Бѣлой рѣкѣ, и оттуда отдохнувши идутъ къ рѣкѣ Селинѣ, которую они называютъ дорогою въ Дунай.[117] Десятою статьею Рускій Князь обязывается непускать Черныхъ Болгаръ нападать на Корсунскія владѣнія. Эта статья указываетъ намъ на многое относительно тогдашнихъ Рускихъ владѣній на сѣверо-востокѣ. Черными Болгарами конечно здѣсь названы не Дунайскія а Волжскіе Болгары. Ибо Константинъ Порфирородный два раза упоминая о Черной Болгаріи, указываетъ на Волжскую, а не на Дунайскую Болгарію; такъ въ первый разъ разсматривая враговъ Хазарамъ указываетъ на Узовъ,

---

[117] De adm. imp. cap. IX.

Аланъ и Черныхъ Болгаръ; и разсуждаетъ, что ежели Римскій Императоръ будетъ въ союзѣ съ сими тремя народами, или съ однимъ изъ нихъ, то Хазарамъ нельзя будетъ тревожить Херсонскихъ владѣній.[118] Ясно что подъ Черными Болгарами здѣсь нельзя разумѣть Дунайскихъ; ибо Дунайскіе отдѣленные всѣми кочевьями Печенѣговъ немогли нападать на Хазаръ, тогда какъ Волгскіе Болгары на Волгѣ прямо могли нападать на Хазарію. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что на Сѣверъ отъ Меотійскаго болота лежитъ рѣка Днѣпръ, откуда Руссы ходятъ въ Черную Булгарію, Хозарію и Сирію.[119] Здѣсь Императоръ Византійскій кажется указываетъ на путь Руссовъ по Окѣ и Волгѣ въ Волжскую Болгарію и Хазарію и даже Ширванъ изъ Суздальской стороны. Слѣдовательно въ X вѣкѣ уже и въ Константинополѣ знали, что Рускія владѣнія простирались далеко на востокъ по Волгѣ почти до предѣловъ Болгаріи, и что Руссы могли нападать на Волжскихъ Болгаръ.

Статья одиннадцатая требуетъ, чтобы Руссы сами не казнили провинившихся предъ ними Грековъ, а отдавали ихъ Грекамъ, которые будутъ казнить ихъ по Императорскому повелѣнію. Эта статья невстрѣчается въ Олеговомъ договорѣ, и очевидно относится только къ Руссамъ пребывающимъ въ Константинополѣ, и показываетъ на усиленіе сношеній Руссовъ съ Византійцами, какъ справедливо замѣтилъ Эверсъ въ своей книгѣ древнѣйшее Руское право въ историческомъ его разкрытіи. (Стр. 208—210.)

Статья двѣнадцатая и тринадцатая представляютъ почти повтореніе третьей и четвертой статей Олегова договора; въ томъ и другомъ договорѣ убійца долженъ быть убитъ ближнимъ убіеннаго, а ежели убѣжитъ, то ближніе убіеннаго берутъ имѣніе убійцы; также за удареніе мечемъ или другимъ какимъ орудіемъ по тому и другому договору назначается пеня въ 5 литръ серебра. Вся разница сихъ статей по тому и по другому договору состоитъ въ томъ, что въ Олеговомъ договорѣ въ статьѣ объ убійцахъ сказано, что ближніе убитаго могутъ взять только то имѣніе, которое принадлежитъ убійцѣ по закону, и неимѣютъ права на имѣніе его жены. А въ статьѣ объ удареніи мечемъ или другимъ орудіемъ, ударившій, ежели немогъ запла-

---

[118] Ibid. cap. X, XI, XII.

[119] Ibid. cap. XLII.

тить пяти литръ серебра, то по Олегову договору долженъ отдать сколько можетъ, въ Игоревомъ же договорѣ сказано: «да како можетъ, въ только же проданъ будетъ.» Но это измѣненіе только въ выраженіяхъ а не въ самомъ смыслѣ статей. Въ Игоревомъ договорѣ неупомянуто объ исключеніи имѣнія жены, въ случаѣ взысканія съ мужа, очевидно потому, что таковое упоминаніе оказалось излишнимъ; ибо Греки и Руссы, короче познакомившись другъ съ другомъ, увѣрились, что по законамъ того и другаго народа имѣніе жены признавалось отдѣльнымъ отъ имѣнія мужа. Во второй же статьѣ выраженіе: «да како можетъ, въ только же проданъ будетъ» есть небольше какъ юридическій терминъ употреблявшійся у Руссовъ, и не разъ встрѣчающійся въ Руской правдѣ: (напр.» Аже кто ударитъ мечемъ, не вынезъ его, или рукоятью, то 12 гривне продажи за обиду?) терминъ сей собственно выражаетъ туже мысль, которая значится и въ Олеговомъ договорѣ: «да вдасть елико можетъ.» Настоящія двѣ статьи свидѣтельствуютъ, что управа въ важнѣйшихъ обидахъ между Греками и Руссами по Игореву договору нисколько неизмѣнилась противъ управы назначенной въ Олеговомъ договорѣ; и слѣдовательно одинадцатая статья Игорева договора, требующая что бы Руссы самовольно ненаказывали провинившихся передъ ними Грековъ, относится къ инымъ проступкамъ со стороны Грековъ, о которыхъ въ Олеговомъ договорѣ даже неупоминается, вѣроятно къ проступкамъ относящимся собственно къ гражданскому праву, къ обманамъ къ утайкамъ въ торговлѣ и въ другихъ житейскихъ сношеніяхъ, которыя по Римскому праву разбирались civiliter а не criminaliter. [120] и на которыя по всему вѣроятію Руссы смотрѣли не съ такой стороны, какъ Греки, и можетъ быть предоставляли самоуправству самихъ обиженныхъ; ибо и въ Руской правдѣ мы невстрѣчаемъ узаконеній, которыя бы относились къ подобнымъ проступкамъ. Въ Олеговомъ же договорѣ по новости сношеній Грековъ съ Руссами они были вовсе упущены изъ виду.

Четырнацатая статья говоритъ, что князь Рускій по требованію Византійскаго Императора будетъ посылать свои войска въ помощь Грекамъ, сколько потребуется. Этой статьи въ Олеговомъ договорѣ не встрѣчается; но тамъ за то есть статья, по которой Руссы пріѣзжающіе въ Константинополь въ случаѣ набора войскъ Греками без-

---

[120] Digest. Lib. XLVII. Tit. II. § XCVI.

препятственно могутъ вступать въ Греческую службу. Сіи двѣ статьи находятся въ тѣсномъ отношеніи другъ къ другу, или одна другую замѣняютъ. По Олегову договору Руссы безпрепятственно могли ходить въ Константинополь какъ съ торговлею такъ и безъ торговли; слѣдовательно, при такой свободѣ, Руссовъ очень много приходило въ Константинополь, такъ что Греческое правительство безъ особыхъ требованій отъ Рускаго Князя легко могло набирать цѣлые отряды Руссовъ въ самомъ Константинополѣ. Но въ послѣдствіи Византійцы увидали, что Руссы приходящіе въ Константинополь безъ торговли дѣлали большіе безпорядки и вообще становились въ тягость Грекамъ; по сему еще въ первомъ договорѣ съ Игоремъ было постановлено, (въ предупрежденіе излишняго скопленія Руской вольницы) что бы послы приходили съ золотыми печатьми а гости съ серебряными, а въ настоящемъ договорѣ эта мѣра замѣнена строжайшею, по которой Греки принимали къ себѣ и допускали жить въ Греціи только тѣхъ Руссовъ, которые приходили съ Княжими грамотами, въ которыхъ именно прописывалось сколько торговыхъ кораблей отправляетъ князь, всѣхъ же приходящихъ безъ грамотъ задерживали и въ случаѣ сопротивленія имѣли право убивать. Эта новая мѣра изключала всякую возможность скопленія буйной Руской вольницы въ Константинополѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлала невозможнымъ набирать въ самомъ Константинополѣ Рускіе отряды въ Греческую службу. Слѣдовательно съ принятіемъ этой мѣры необходимо должна была явиться и новая статья въ договорѣ, по которой бы Императоръ могъ требовать войскъ у Рускаго князя. Но изъ этой статьи нельзя заключать, чтобы Рускій князь безъвозмездно обязывался посылать свои войска въ помощь Грекамъ; эта статья только обезпечивала Императора въ томъ, что онъ за извѣстную плату можетъ ожидать требуемое количество войскъ отъ Рускаго князя. Подобныя условія Византійцы заключали и съ Печенѣгами и съ другими народами, отъ которыхъ надѣялись получать нужныя войска въ случаѣ войны. Настоящая статья со стороны Руссовъ была и исполнена при Святославѣ, но именно такъ, какъ мы здѣсь замѣчаемъ, т. е. Святославъ за извѣстную плату отъ Византійскаго императора явился въ 967 году съ своими войсками въ Дунайской Болгаріи. Самое выраженіе настоящей статьи: «и пошлетъ къ намъ, елико же хочемъ» указываетъ на то, что здѣсь дѣло идетъ о наймѣ войскъ, а не приглашеніи союзниковъ. Ежели Византійцы самый миръ покупали у Руссовъ за большую или меньшую плату, какъ ясно говоритъ Константинъ Пор-

фирородный,[121] то естественно пособіе отъ Руссовъ войсками они не иначе могли получать, какъ за извѣстную плату.

Заключеніе настоящаго договора имѣетъ нѣкоторую разницу противъ заключенія Олегова договора, но эта разница неуничтожаетъ ни достовѣрности ни самостоятельности и полноты договора, а только указываетъ на особыя обстоятельства. Начало заключенія въ обѣихъ договорахъ въ сущности одинаково, хотя въ Игоревомъ договорѣ оно нѣсколько подробнѣе и пространнѣе нежели въ Олеговомъ, но смыслъ его въ обѣихъ договорахъ одинъ, и состоитъ въ томъ, что договоръ писанъ на двухъ хартіяхъ, что подписанъ обѣими сторонами, и что обѣ стороны клялись въ сохраненіи договора. Но далѣе Игоревъ договоръ представляетъ сильную разницу; въ Олеговомъ договорѣ послѣ описанія взаимныхъ клятвъ обѣихъ сторонъ слѣдуетъ прямо *datum* договора: «на утвержденіе и извѣщаніе состоявшагося между нами мира мы дали сіе написаніе мѣсяца Сентября и проч.» а въ Игоревомъ договорѣ *datum* не написано, а вмѣсто его стоитъ: «А некрещеная Русь полагаютъ щиты свои, и мечи свои наги, и обручи свои и прочее оружіе, и да клянутся во всемъ, что писано на сей хартіи, что все это во всѣ будущіе годы и всегда будетъ сохранено Игоремъ, всѣми его боярами [и всѣми людьми Руской стороны.» Но разница сія очевидно происходятъ отъ того, что Олеговы послы по характеру своему были зачинщиками и учредителями тогдашняго мира, какъ уже о томъ было сказано выше, и посему имѣли отъ Олега полномочіе заключить и утвердить миръ, а отъ этого грамота ими привезенная должна была имѣть характеръ акта совершенно уже законченнаго. Игорь же уполномочилъ своихъ пословъ только составить договоръ съ Греками, утвердить же его предоставилъ себѣ; слѣдовательно и мирная грамота привезенная его послами должна была имѣть характеръ проэкта утвержденнаго только съ Греческой стороны, но еще незаканчаннаго утвержденіемъ съ Руской, а потому и *datum* не имѣлъ въ ней мѣста. Что грамота привезенная Игоревыми послами была небольше какъ проэктъ мирнаго договора, въ этомъ лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ слѣдующее выраженіе самой грамоты: «Ежели это одобритъ Князь Игорь, то да хранитъ сію правую любовь, да не нарушится она пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ въ нынѣшніе вѣки и въ будущіе.» Это

---

[121] De adm. imp cap. IV.

же подтверждаетъ и послѣдующій разсказъ лѣтописца, изъ котораго видно, что послы возвратились къ Игорю съ Греческими послами, которые прямо говорили Игорю, что они посланы царемъ для окончательнаго утвержденія мирнаго договора, и для приведенія Игоря и его мужей къ клятвѣ, точно также какъ Игоревы послы въ Константинополѣ водили къ клятвѣ Греческихъ императоровъ. О каковомъ обрядѣ нѣтъ и помину при разказѣ объ Олеговомъ договорѣ.

Въ заключеніи для насъ замѣчательны два обстоятельства: 1-е между Игоревыми послами было уже нѣсколько христіанъ, о которыхъ прямо сказано въ договорѣ, что они въ утвержденіе мирныхъ статей клялись въ Константинопольской церкви св. Иліи, которая въ грамотѣ названа соборною. И мы дѣйствительно находимъ въ древнемъ Константинополѣ храмъ св. Иліи, о которомъ неизвѣстный описатель Константинопольскихъ древностей помѣщенный у Бандурія говоритъ: «Храмъ св. Иліи стоитъ на мѣстѣ называемомъ Петріонъ; онъ построенъ великолѣпно полками и легіонами Зенона при возвращеніи его изъ Персіи, ибо св. Илія, являлся воинамъ во время похода. [122] Второе обстоятельство заслуживающее вниманіе историка это обрядъ клятвы Руссовъ язычниковъ, объ нихъ въ договорной грамотѣ сказано: «А некрещеная Русь полагаютъ щиты своя, и мечѣ своѣ наги, и обручѣ своѣ и прочее оружье, да клянутся во всемъ, яко же суть писана на харатьи сей.» Изъ этого описанія мы видимъ, что Руссы язычники клялись своимъ оружіемъ; и оружіе ихъ составляли между прочимъ щиты, мечи и обручи, или особаго рода брони, въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ въ изображеніяхъ древнихъ Норманскихъ вооруженій.

Эверсъ много занимавшійся договорами Олега и Игоря находитъ, что Игоревъ договоръ служитъ только дополненіемъ къ Олегову договору и не составляетъ отдѣльнаго самостоятельнаго трактата; онъ указываетъ въ немъ на опущеніе многихъ важныхъ статей, необходимыхъ по его мнѣнію, и даже на безпорядокъ въ изложеніи, и замѣчаетъ что въ немъ противъ формы обыкновеннаго договора, вводятся говорящими и предлагающими условія одни только Греки и всѣ статьи изключительно относятся только къ пользѣ Грековъ. [123]

---

[122] Imperium Orient. T. I. par. III. pag. 35.

[123] Евер. Древн. право Руси стр. 136 — 139.

Но мы уже видѣли при подробномъ разборѣ каждой статьи отдѣльно, что всѣ они составлены для взаимныхъ выгодъ той и другой стороны, а не для исключительной пользы Грековъ; что же касается до замѣчанія о томъ, что въ Игоревомъ договорѣ говорятъ и предлагаютъ условія одни только Греки, то это произошло отъ того, что до насъ дошелъ только проэктъ этаго договора составленный Греками по согласію съ Игоревыми послами, слѣдовательно естественно въ Греческомъ проэктѣ говорить и предлагать условія Грекамъ а не Руссамъ. Наконецъ видимый безпорядокъ въ размѣщеніи статей и даже опущеніе многихъ существенныхъ статей произошло отъ того, что основная мысль Игорева договора имѣетъ совсемъ не тотъ характеръ, который замѣчаемъ въ Олеговомъ договорѣ. Она состоитъ въ томъ, что бы сколько возможно пріостановить сильный наплывъ Руской вольницы въ Константинополь, какъ это ясно выражено во второй статьѣ, которою Греки обязываются свободно пропускать въ Константинополь только тѣхъ Руссовъ, которые придутъ съ Княжими грамотами удостовѣряющими, что они посланы Княземъ или его мужами для торговли или въ качествѣ пословъ; съ принятіемъ этой основной мысли естественно должны были отмѣниться осьмая одинадцатая и двѣнадцатая статьи Олегова договора, какъ проистекающія отъ свободнаго допущенія въ Константинополь всѣхъ Руссовъ безъ различія, отмѣненнаго второю статьею настоящаго договора; слѣдовательно собственно опущенія статей въ Игоревомъ договорѣ не было, а было только измѣненіе или отмѣненіе статей несогласныхъ съ основною мыслію договора. А посему мы не имѣемъ права называть Игоревъ договоръ несамостоятельнымъ и только дополненіемъ къ Олегову довогору.

По сказанію Нестора: Рускіе послы возвратились къ Игорю вмѣстѣ съ послами Греческими, и разсказали все что говорилъ Царь Романъ; Игорь позвалъ къ себѣ Греческихъ пословъ, и сказалъ имъ: объявите, что вамъ наказалъ Царь? Царскіе послы отвѣчали: Царь насъ послалъ сказать, что онъ радъ миру и хочетъ жить въ мирѣ и любви съ Княземъ Рускимъ; твои послы водили нашихъ царей къ клятвѣ, и мы присланы привести къ клятвѣ тебя и твоихъ мужей. Игорь обѣщалъ исполнить требованіе, и на другой день призвавъ пословъ пошелъ съ своими мужами на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ, и поклавъ свое уружіе, щиты и золото передъ Перуномъ далъ клятву вмѣстѣ съ некрещеною Русью; крещеную же Русь, которыхъ было много между Варягами, водили къ клятвѣ въ церкви св. Иліи, что

надъ ручьемъ концемъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ, (т. е. въ углу гдѣ сходились Пасынча и Хазарская слободы) эта церковь тогда была соборною. Игорь утвердивъ миръ съ Греками, отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, невольниками и воскомъ.

Этотъ разсказъ Нестора свидѣтельствуетъ, что главнымъ Богомъ Руссовъ язычниковъ былъ Перунъ небо, что его кумиръ стоялъ на одномъ Кіевскомъ холму, и что Руссы язычники во время клятвы клали передъ кумиромъ свое оружіе щиты и золото. Въ этомъ же разсказѣ находимъ прямое свидѣтельство, что въ Кіевѣ между Варягами при Игорѣ было уже много Христіанъ, [124] и что у нихъ былъ уже свой Христіанскій храмъ Пророка Иліи, который стоялъ въ углу образуемомъ улицами Пасынчей и Хазарской. Это свидѣтельство о мѣстности храма Пророка Иліи указываетъ намъ на Кіевскія улицы: гдѣ именно находились сіи улицы мы незнаемъ; но для насъ важно самое наименованіе ихъ, оно показываетъ намъ, что Кіевъ, равно какъ и другіе города древней Руси, небылъ огороженнымъ селомъ занятымъ однимъ какимъ либо родомъ или племенемъ, но представлялъ собою именно городъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, гдѣ жители различные по своему произхожденію или по своимъ занятіямъ селились особыми слободами или улицами. Такъ въ настоящемъ свидѣтельствѣ лѣтописи мы видимъ въ Кіевѣ особую улицу

---

[124] И конечно Греческаго исповѣданія, это свидѣтельствуютъ съ одной стороны Византійцы, которые считали Русь въ числѣ митрополій подвѣдомственныхъ Константинопольскому Патріарху еще при Олегѣ, (Corp. Hist. Byz. tom. XXIII pag. 326.) а съ другой нашъ лѣтописецъ у котораго В. К. Владимиръ говоритъ Латинянамъ убѣждавшимъ его принять ихъ вѣру, «идѣте опять, яко отцы наши сего непріяли суть.» (Полн. Соб. Руск. лѣт. стр. 35.) Кромѣ того и у Латинянъ мы находимъ ясное свисвидѣтельство, что между Кіевскими Руссами около этого времени были Христіане Греческаго а не Латинскаго исповѣданія. Римскій Папа Іоаннъ въ 967 году въ буллѣ своей къ Чешскому Князю Болеславу, пишетъ, что Чешская Латинская церковь должна остерегаться отъ сообщенія съ Болгарскою и Рускою церковію. (Non secundum ritus, aut sectam Bulgariae gentis, vel Russiae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta Apostolica, unum potiorem totius Ecclesiae ad placitum eligas in hoc (на Архіепископскую каѳедру) clericum, Latinis apprimae litteris eruditum.» (Chronicon Cosm. Pragens. pag. 14).

или слободу Хазарскую и особую Пасынчю, точно также какъ въ Новгородѣ знаемъ улицы Варяжскую, Прускую и другія, или въ Москвѣ слободы Мѣщанскія, Стрѣлецкія, Нѣмецкія, Татарскія и проч. Подъ именемъ бесѣды мы осмѣливаемся разумѣть именно слободу или улицу; ибо и по словопроизводству бесѣда, произходитъ отъ *сидѣть селиться*, да и въ древнихъ нашихъ памятникахъ не рѣдко встрѣчаются селенія и слободы съ именемъ бесѣдъ. Подъ именемъ Хазарской бесѣды ясно представляется улица или слобода заселенная Хазарами, прежними повелителями Кіева; но что значитъ Пасынча улица или бесѣда, объ этомъ утвердительно и прямо сказать нельзя; впрочемъ принимая въ соображеніе, что въ лѣтописяхъ нерѣдко подъ именемъ Пасыковъ, отроковъ и дѣтскихъ, разумѣли младшую дружину, низшій разрядъ воиновъ, можно предположить, что Пасынчей бесѣдой называлась слобода занятая младшей дружиною, простыми воинами, и при Игорѣ конечно Варягами, что совершенно согласно и съ помѣщеніемъ Христіанскаго храма въ концѣ улицы населенной Пасынками простыми воинами, состоящими изъ Варяговъ; ибо лѣтописецъ между ними преимущественно и находитъ Христіанъ: «мнози бо бѣша Варязи Хрестіянѣ,» чему конечно непротиворѣчитъ и Хазарская улица сходившаяся съ Пасынчей у Храма Иліи, ибо и между Хазарами, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, не мало было Христіанъ. Слѣдовательно Христіанскому храму въ Игоревомъ Кіевѣ и нужно было стоять именно въ концѣ сихъ двухъ улицъ населенныхъ Христіанами.

По отпускѣ Греческихъ пословъ, когда наступила осень, Игорь сталъ думать о походѣ на Древлянъ, замышляя взять съ нихъ большую дань. Это извѣстіе лѣтописца совершенно согласно съ характеромъ того времени. По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, Князья Рускіе обыкновенно при наступленіи Ноября мѣсяца со всею Русью выходятъ изъ Кіева и отправляются или въ полюдье, по Гречески γυρα (объѣздъ, чиновника по своему вѣдомству), или въ Славянскія земли Древлянъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ и другихъ Славянъ платящихъ дань Руси. Они тамъ проводятъ цѣлую зиму, и по вскрытіи льда на Днѣпрѣ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ возвращаются въ Кіевъ; [125]. Но кажется состарившійся Игорь давно уже неслѣдовалъ сему обычаю, и для суда и сбора дани вмѣсто себя по-

[125] Bandur. T. I De administ. Imper. pag. 61.

сылалъ воеводу Свенельда, который имѣлъ свою дружину. Ибо, посвидѣтельству лѣтописца, Игорева дружина, требуя чтобы князь пошелъ съ нею въ дань, прямо говорила: «отроки Свенельдовы обогатились оружіемъ и одеждою, а мы наги, князь, пойди съ нами въ дань, да и ты добудешь и мы.» Въ этомъ требованіи дружины Игорь опять является истымъ Конунгомъ Скандинавскимъ, предводителемъ дружинниковъ; онъ несмотря на свою старость и нежеланіе идти въ походъ, уступаетъ требованію дружинниковъ и отправляется на Древлянъ, какъ на ближайшихъ сосѣдей къ Кіеву. Вступивъ въ землю Древлянскую, онъ, какъ и его спутники, началъ дѣлать насилія, и собравъ дань больше прежней отправился уже въ обратный путь къ Кіеву; но на дорогѣ передумалъ, и отпустивъ большую часть дружины домой, и съ немногими оставшимися при немъ опять воротился къ Древлянамъ, думая еще походить по ихъ землѣ и обогатиться новымъ поборомъ. Древляне услыхавши, что Игорь идетъ къ нимъ опять, разсудили съ своимъ Княземъ Маломъ, что какъ волкъ повадившись къ овцамъ потаскаетъ все стадо, ежели его не убьютъ, такъ точно и сей ежели его не убьемъ, всѣхъ насъ погубитъ; и послали сказать Игорю: ты побралъ всю дань, за чемъ же идешь опять? Но Игорь ихъ непослушалъ; и Древляне вышедши изъ своего города Коростеня, убили его и дружину, и похоронили подъ Коростенемъ, гдѣ его могила была извѣстна еще во время лѣтописца. Извѣстіе о смерти Игоря даже дошло до Константинополя, Левъ Діаконъ современникъ Игоревъ и Святославовъ пишетъ, что Древляне, которыхъ онъ называетъ Германцами, взявши въ плѣнъ Игоря, привязали его къ двумъ нагнутымъ деревьямъ и разорвали надвое. Это извѣстіе Византійца о событіи чисто Рускомъ, нисколько неотносящемся до Византіи, показываетъ что Руссы въ X вѣкѣ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Греками; такъ что Византійцы знали такія подробности тогдашнихъ Рускихъ событій, которыя даже несохранились въ преданіи, и небыли извѣстны Рускому лѣтописцу жившему послѣ Игоря черезъ 150 лѣтъ.

Разсказъ нашего лѣтописца о послѣднемъ Игоревомъ походѣ на Древлянъ, и извѣстіе Константина Порфиророднаго объ обычаѣ Рускихъ князей отправляться на зиму въ полюдье, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя замѣчательныя указанія на отношеніе тогдашнихъ городовъ и Славянскихъ племенъ къ Кіевскимъ Рускимъ Князьямъ. У нашего лѣтописца Игорева дружина ясно говоритъ князю: «пойди съ нами въ дань, да и ты добудешь, и мы» слѣдовательно ходить въ

дань, по тогдашнему порядку значило ходить тольжо для грабежа на князя и на дружину, и ходить неиначе какъ съ достаточною дружиною, чтобы силою можно было взять столько, сколько вздумается. (совершенно въ Скандинавскомъ духѣ, такъ вѣроятно Варяги брали дань съ Словенъ Чюди, Мери и Кривичей въ 859 году.) Здѣсь нѣтъ и помину о какихъ либо правительственныхъ отношеніяхъ между плательщиками и сборщиками дани; сборщики и недумали о судѣ и разправѣ, о какомъ нибудь порядкѣ, они заботились тольжо объ увеличеніи добычи; да и думать объ управѣ и судѣ имъ небыло нужды, ибо у плательщиковъ былъ свой судъ своя управа, напримѣръ Древляне имѣли своего князя Мала, который управлялъ ими, судилъ и рядилъ ихъ. Но невся тогдашняя Руская земля состояла изъ однихъ плательщиковъ дани Кіевскому Князю и его дружинѣ, Константинъ Порфирородный указываетъ и на другія отношеніе городовъ и племенъ къ Кіевскому Князю; по его словамъ Князья отправлялись съ осени или въ полюдье по Гречески γυρα или въ Славянскія земли платящія дань Руси; здѣсь ясное различіе между землями, куда князь ѣздилъ въ полюдье и землями платящими дань; слѣдовательно иное было отношеніе Князей къ землямъ, куда они ѣздили въ полюдье, иное къ землямъ платящимъ дань. Въ чемъ состояло отношеніе Князя къ симъ послѣднимъ, мы уже видѣли изъ разсказа лѣтописца о походѣ Игоря за данью къ Древлянамъ. Теперь разсмотримъ отношеніе Рускаго князя къ землямъ, куда онъ ѣздилъ въ полюдье. Константинъ порфирородный Руское полюдье перевелъ Греческимъ словомъ γυρα, т. е. объѣздъ чиновника по мѣстамъ своего вѣдомства собственно по дѣламъ службы, такъ напримѣръ объѣздъ провинціальнаго начальника по городамъ своей провинціи. Этотъ Греческій переводъ полюдья прямо показываетъ, что отношенія Рускаго Князя къ землямъ, куда онъ ѣздилъ въ полюдье, состояли въ управленіи сими землями, въ доставленіи имъ наряда, суда и управы, на что, какъ мы уже видѣли, указываютъ и Скандинавскія саги. Слѣдовательно Рускій Князь здѣсь былъ полнымъ Государемъ, правителемъ нарядникомъ, а не собирателемъ произвольныхъ даней съ племенъ непринадлежащихъ къ его владѣніямъ, управлявшихся сами собою, и только уступавшихъ его силѣ. Такимъ образомъ въ извѣстіи Константина мы открываемъ, что Русская земля въ Игорево время по своимъ отношеніямъ къ Кіевскому или Рускому Князю раздѣлялась на двѣ половины. Въ одной половинѣ Рускій Князь по выраженію лѣтописи володѣлъ, судилъ по праву, и рядилъ по ряду, здѣсь онъ былъ полнымъ Госу-

даремъ въ значеніи Скандинавскаго Конунга; и эта половина составляла собственно Руское Государство, главную опору силы и могущества Князей. Земли же относящіяся къ другой половинѣ управлялись сами собою, имѣли своихъ племенныхъ Князей, и Рускій Князь бралъ съ нихъ только дань и неучаствовалъ въ ихъ внутренномъ управленіи. Сюда относились племена покоренныя Олегомъ и Игоремъ, признававшіе не власть а только силу Рускаго Князя, таковы по изчисленію Константина были Древляне, Дреговичи, Кривичи, Сѣверяне и другіе, они и по свидѣтельству нашего лѣтописца частію значатся только покоренными, платящими дань. Это согласіе Константина съ нашимъ лѣтописцомъ даетъ полную силу его свидѣтельству, и показываетъ, что Константинъ имѣлъ вѣрные и отчетливые свѣдѣнія объ устройствѣ Руской земли при Игорѣ. А посему мы неимѣемъ основанія отвергать, что замѣченное Константиномъ различіе отношеній Рускаго Князя къ городамъ, куда онъ ѣздилъ въ полюдье и къ землямъ платящимъ дань, дѣйствительно существовало на Руси въ Игорево время.

Къ Игореву же кажется времени должно отнести намекъ нашей лѣтописи на установленіе виръ съ тою цѣлію, чтобы ни собирались въ казну Князя на оружье и на коней для дружины. Этотъ намекъ встрѣчается у Нестора подъ 996 годомъ, гдѣ сказано, что когда Владимиръ отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ, то старцы и епископы сказали ему: «рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.» И рече Володимеръ: «такъ буди.» И живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣдню.«[126] Здѣсь Несторъ довольно ясно говоритъ, что Владимиръ принявши виры сталъ жить по устроенью отню и дѣдню, дѣдомъ же Владимира былъ Игорь; слѣдовательно небудетъ невѣроятнымъ предположеніемъ, что Игорь былъ дѣйствительно учредителемъ того порядка, чтобы виры сбирались въ казну Князя на содержаніе оружія и коней для дружины. А когда это такъ, то здѣсь не лишнимъ будетъ разсмотрѣть значеніе виры при Владимирѣ и слѣдовательно при Игорѣ, такъ какъ Владиміръ жилъ по устроенью отню и дѣдню. Изъ текста лѣтописи видно, что Владиміръ принявши христіанскую вѣру пересталъ казнить разбойниковъ, а бралъ съ нихъ виры; потомъ когда разбойники умножились, то по совѣту епископовъ онъ началъ казнить ихъ, но отвергнулъ виры, тогда старцы и епископы сказали: рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди; на что Владиміръ и согласил-

[126] Полн. Соб. Рус. лѣт. Т. I, стр. 54.

ся; т. е. по случаю многихъ войнъ возстановилъ виру на содержаніе оружія и коней. Отсюда мы видимъ, что вирою при Владимирѣ и при Игорѣ называлась пеня, взимаемая съ разбойниковъ въ пользу Князя, какъ судіи и блюстителя общественнаго порядка и безопасности. Въ Руской правдѣ *вира* имѣетъ двоякое значеніе; 1-е, вирой назывался платежъ за убійство, и 2-е, вирой же называлась община обязанная давать вирный платежъ, ежели членъ ея будетъ уличенъ въ убійствѣ, или когда убитый будетъ найденъ на землѣ принадлежащей сей общинѣ, а убійцу неотыщютъ. «А иже убьютъ огнищанина в разбои, или убійца неищутъ: то вирное платити въ ней же вири голова начнетъ лежати.» [127] Или: «Аже кто не вложится въ дикую виру, тому людіе непомогаютъ, нъ самъ платить.» [128] Въ Руской правдѣ мы также видимъ, что вира, какъ платежъ, поступала Князю. Напр. «Аще утнетъ руку, и отпадетъ рука, или усъхнетъ, тъ полвиры, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ,» т. е. полвиры 20 гривенъ Князю, а обиженному за увѣчье 10 гривенъ. Въ Руской же правдѣ мы встрѣчаемъ другой платежъ называвшійся продажею, и поступавшій тоже въ пользу Князя. Напр. «познаетъ ли на долзѣ у кого купивъ (краденое), то свои куны възметь, и сему платити, что у него погыбло, а Князю продажю.» Или: «а кдѣ будетъ конечный тать, то опять воротить челядина, а свои попметь, и проторъ тому же платити, а Князю продаже 12 гривнѣ въ челядинѣ или украдше.» [129] Здѣсь какъ мы видимъ продажею назывался платежъ за татьбу; но это различіе въ названіи платежа смотря по преступленіямъ вѣроятно явилось позднѣе, т. е. собственно во времена Руской правды, преждѣ же т. е. при Игорѣ, таковаго различія въ названіяхъ не было, и вирою назывался всякій платежъ безъ различія рода преступленій. Такимъ образовъ сообразивши указаніе Нестора, и значеніе виръ, мы должны признать Игоря первымъ законодателемъ въ Приднѣпровской Руси, первымъ учредителемъ внутренняго устройства въ городахъ признававшихъ власть Рускаго Князя. Конечно утвердить это мнѣніе, признать его за истину историческую несомнѣнную мы неможемъ; ибо кромѣ вышеприведеннаго упоминанія Нестора, высказаннаго вскользь и при случаѣ, у насъ пока нѣтъ другихъ свидѣтельствъ ясныхъ и опредѣленныхъ; но впрочемъ мы

---

[127] Эвер. древ. право Руси, стр. 359.

[128] Ibid. 375.

[129] Ibid. 382, 383.

неимѣемъ и никакихъ прямыхъ данныхъ, которыя бы указывали на несостоятельность этого мнѣнія.

Указавши, сколько дозволяли памятники, на внутреннее устройство Приднѣпровской Руси въ Игорево время, намъ теперь слѣдуетъ представить изображеніе обычной каждогодной жизни Приднѣпровскихъ Руссовъ того времени, для сего мы обратимся къ извѣстіямъ Константина Порфиророднаго. Онъ говоритъ, (какъ мы уже видѣли) Русскіе Князья съ своими дружинами проводили зиму то въ сборѣ дани въ земляхъ Древлянъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ и другихъ племенъ плативщихъ дань, то чинили судъ и разправу по городамъ, куда ѣздили въ полюдье. Весною же Руссы на своихъ лодьяхъ сходились въ Кіевъ изъ Новгорода, гдѣ жилъ Игоревъ сынъ Святославъ, изъ Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода, сюда же приходили и Кривичи, Ленчанѣ и другіе Славяне плативше дань, и приводили съ собою новыя лодьи, которыя они успѣли сдѣлать въ своихъ лѣсахъ въ продолженіе зимы. Руссы покупали у нихъ сіи лодьи, и обдѣлывали по своему, придѣлывали къ нимъ уключины, весла и другія снасти, необходимыя для предполагаемаго плаванія. Устроивши лодьи какъ слѣдуетъ Руссы въ Іюнѣ мѣсяцѣ отправлялись внизъ по Днѣпру и шли въ Витичевъ, гдѣ останавливались дня на два или на три, пока соберутся всѣ лодьи. Изъ Витичева они спокойно плывутъ внизъ по Днѣпру до перваго порога *Неспи* (ἐσσουπῆ). Недоходя до этаго порога Руссы выходятъ изъ лодей и голыми ногами ищутъ брода, чтобы не наткнуться на подводный камень, и отыскавши бродъ тащутъ по немъ лодьи съ большею осторожностію. Прошедши такимъ образомъ первый порогъ, они опять садятся въ лодьи, идутъ до другаго порога называвшагося островнымъ Οσροβουνίπραχ по Славянски, и Οὐλβορσί по Русски, и проводятъ лодьи въ такомъ же порядкѣ какъ и въ первомъ порогѣ, такимъ же образомъ проходятъ и третій порогъ, который нынѣ называется Звенецъ, а у Константина названъ Γελανδρί, что по его переводу то же значитъ звѣнящій. Подходя къ четвертому порогу Неясытецкому (у Константина по Русски Αειφάρ, а по Славянски Νεασήτ (Русссы тавятъ стражей опасаясь нападенія Печенѣговъ, и вытаскиваютъ лодьи на берегъ, выбираютъ изъ нихъ поклажу и такимъ образомъ несутъ ихъ на плечахъ на пространствѣ 6000 шаговъ. Миновавши порогъ они спускаютъ лодьи въ воду, нагружаютъ ихъ и садятся сами, и такимъ образомъ плывутъ до пятаго порога, который называется Волнымъ (у Константина по Русски Βαρουφόρος, а по Славянски

Βουλνηπράχ), чрезъ этотъ порогъ они переправляются такимъ же порядкомъ, какъ черезъ первый и второй порогъ, также проходятъ шестой и седьмой пороги, изъ коихъ одинъ назывался Варницкимъ, (у Константина по Русски Λεάντι, а по Славянски Βερούτζη или Βερόνζη) а другой Набрежнымъ (у Константина по Русски Στρουβουν, а по Славянски Ναπρεζή). Отъ седмаго порога Руссы идутъ къ Крарійской переправѣ, гдѣ Херсонцы перевозятся въ Русь, а Печенѣги въ Херсонъ. Это мѣсто довольно узко и здѣсь рѣка имѣетъ высокіе берега, почему сюда приходятъ Печенѣги и вступаютъ въ битву съ Руссами. Миновавъ это мѣсто Руссы пристаютъ къ острову Святаго Григорія (вѣроятно Хортицкому), тутъ подъ огромнымъ дубомъ они совершаютъ свои жертвоприношенія, по своему обычаю дѣлаютъ кругъ изъ воткнутыхъ въ землю стрѣлъ, иные закалаютъ живыхъ птицъ, другіе приносятъ хлѣбъ, мяса или что другое; здѣсь также они бросаютъ жеребей на птицъ, которую убить или пустить живую. Отъ этаго острова Руссы въ продолженіи четырехъ дней плывутъ до болота составляющаго устье Днѣпра. Отсюда уже виденъ островъ Св. Ефферія. Подплывши къ этому острову, они отдыхаютъ на немъ дня два или три, и изправивши лодьи идутъ въ Днѣстръ и тамъ опять отдыхаютъ. Отсюда сдѣлавши высадку, ежели время благопріятствуетъ, идутъ сухимъ путемъ до Бѣлыхъ водъ; здѣсь снова отдохнувши, опять идутъ сухимъ же путемъ до рѣки Селины, (такъ назывался одинъ изъ сѣверныхъ рукавовъ Дуная) которою вступаютъ въ Дунай; сіи переходы у нихъ называются перекладами переволоками (у Константина Παρακλάδιον). Пока они идутъ Селиною, то со стороны ихъ сопровождаютъ Печенѣги, чтобы сдѣлать нападеніе, ежели которую лодью выкинетъ на берегъ, въ такомъ случаѣ Руссы всѣ высаживаются на землю и общими силами отгоняютъ Печенѣговъ. Прошедши Селину Руссы уже никого неопасаются, и отъ устья Дуная идутъ къ Конопѣ, потомъ въ Констанцію и до рѣки Варнаса, далѣе къ рѣкѣ Дитчинѣ, и наконецъ пристаютъ къ берегу въ Месемвріи, и такимъ образомъ завершаютъ плаваніе исполненное трудностей и ужасовъ. [150]

Константинъ Порфирородный описываетъ только плаваніе Руссовъ по Днѣпру и около сѣверозападныхъ береговъ Чернаго моря до Константинополя; ибо это особенно интересовало его, и объ этомъ онъ преимущественно разпрашивалъ у Руссовъ приходившихъ въ Кон-

[150] De adm. imder. Bandur. T. I. p. 59—61.

стантинополь; но вѣроятно Руссы въ продолженіи лѣта дѣлали также походы и въ другіе страны и по Волгѣ и по Дону и по Сѣверо-восточному берегу Чернаго моря и по берегамъ морей Балтійскаго и Каспійскаго. Относительно походовъ къ Каспійскому морю мы уже упоминали въ первые годы Игорева княженія и сверхъ того еще имѣемъ извѣстіе относящееся къ 944 году, т. е. ко времени втораго похода Игорева на Грековъ. По свидѣтельству восточныхъ писателей Якути, Абульфеды, Абульфараджа и Ибнъ-эль-Эсира Джезири Руссы въ этомъ году опять появились въ Хазарскомъ (Каспійскомъ) морѣ, и поднявшись въ верхъ по рѣкѣ Куру проникли до Берды столицы Аррана нынѣшняго Карабага, и нѣсколько времени владѣли симъ городомъ. Ибнъ-эль-Эсиръ описывающій этотъ набѣгъ съ большими подробностями, неупоминаетъ о числѣ Руссовъ; онъ говоритъ, что Руссы изъ Хазарскаго моря поднялись вверхъ по Куру, и сухимъ путемъ достигли Берды, отстоящей отъ Кура на 20 верстъ; немедленно разбили высланные противъ нихъ войска и заняли городъ. Мусульмане собрались было противъ нихъ, но опять были разбиты и обратились въ бѣгство; потомъ правитель Адербайджана собралъ противъ Руссовъ 30,000 войска, но также былъ разбитъ; и Руссы довольно долго владѣли Бердою, и оттуда одинъ разъ сдѣлали набѣгъ почти до Тебриза. Но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, отъ которой много ихъ погибло. Правитель Адербайджана пользуясь этимъ, снова напалъ на Руссовъ, и послѣ жестокой битвы принудилъ ихъ запереться въ Бердайской цитадели. Здѣсь болѣзни еще болѣе ихъ ослабили; и они забравъ лучшее имущество удалились, и ихъ никто не смѣлъ преслѣдовать.[131] Этотъ набѣгъ по всему вѣроятію былъ учиненъ вольницею сопровождавшею Игоря въ его второмъ походѣ на Грековъ. Такъ какъ Греческій походъ несостоялся, и Игорь дошедъ только до Дуная, заключивъ миръ съ Греками поворотилъ домой; то вольники его сопровождавшіе, нежелая чтобы ихъ приготовленія къ походу проподали даромъ, и разчитывая что отъ Дуная имъ легче пробраться въ какой нибудь богатый край, нежели снова снаряжаться и начинать походъ изъ Кіева или Новгорода, рѣшились, невозвращаясь домой, прямо отъ Дуная или отъ устьевъ Днѣпра идти знакомымъ уже путемъ по Дону и Волгѣ въ Каспійское море. А по сему

---

[131] D'Ohsonъ: Les peuples du Caucase, ou voyage d'Aboul-el-Cassim.

и этотъ походъ, какъ предпріятіе повольниковъ, подобно прежнему таковому же походу (бывшему въ 913 году) остался незамѣченнымъ въ нашей лѣтописи; но мы неможемъ сомнѣваться въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ и именно въ то самое время, къ которому относятъ его восточные писатели. Это подтверждаетъ знаменитый восточный путешественникъ Ибнъ-Хаукалъ посѣщавшій Берду черезъ четыре года по выходѣ оттуда Руссовъ; онъ говоритъ: «Теперь этотъ городъ уже нетакъ цвѣтущь, однако въ немъ все еще много рынковъ, караванъ-сараевъ и публичныхъ банъ, не смотря на всѣ бѣдствія претерпѣнныя имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ въ рукахъ у Руссовъ.»[132] О тогдашнихъ походахъ Руссовъ на востокъ намекаетъ даже и Константинъ Порфирородный, до котораго вѣроятно доходили объ этомъ темные слухи; онъ говоритъ: «Руссы отъ Днѣпра ходятъ въ Черную Булгарію, Хазарію и Сирію.»[133] Сиріей онъ здѣсь называютъ Ширванъ и вообще югозападные берега Каспійскаго моря, какъ это доказано у Шафарика. (въ его Ueber die Abkunft der Slawen.) Кромѣ того мы имѣемъ и другія свидѣтельства о знакомствѣ Игоревыхъ Руссовъ съ низовьями Волги и съ обитавшими тамъ народами. Такъ напримѣръ посолъ Халифа Муктадера Ибнъ-Фоцланъ, бывшій въ Булгарѣ въ 921 и 922 годахъ, говоритъ что въ Хазарской столицѣ Итилѣ, на восточномъ берегу Волги была особая торговая слобода Хозеранъ, гдѣ жили купцы — Мусульмане, Жиды, Христіане, Славяне и Руссы, и гдѣ находились ихъ анбары съ товарами. Тотъ же Ибнъ-Фоцланъ самъ видѣлъ Руссовъ и въ Булгарѣ; и разсказываетъ объ нихъ, что тамъ на берегу рѣки они строили себѣ большіе деревянные сараи, въ которыхъ жили во все время торговли по десяти и по двадцати человѣкъ вмѣстѣ съ женами наложницами и невольницами привезенными для продажи, складывая тутъ же и всѣ свои товары. Онъ оставилъ намъ довольно подробное описаніе о вѣрованіяхъ Руссовъ и ихъ похоронныхъ обрядахъ, о которомъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, гдѣ и доказали, что подъ Руссами Ибнъ-Фоцланъ разумѣетъ не прежнихъ Скандинавскихъ Руссовъ, но Руссовъ Приднѣпровскихъ Игоревыхъ подданныхъ, т. е. всѣ Славянскія и другія племена, носившіе уже тогда общее названіе Руси, или жителей Русской земли.[134]

---

[132] D'Ohsson, les peuples du Caucase, p. 109.

[133] De administrand. imper. Bandur. T. I, p. 113.

[134] Времен. Кн. VIII, стр. 15—27.

Такимъ образомъ, изъ снесенія всѣхъ свидѣтельствъ и Рускихъ и Византійскихъ и восточныхъ, мы ясно видимъ, что Руссы въ Игорево время плотно уже слились съ нѣкоторыми Славянскими племенами, и составляли одно цѣлое, такъ что и Русы и Славяне дѣйствовали вмѣстѣ, и дома и у сосѣдей были уже извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ Руси, и что этой Скандинаво-Славянской Руси были подчинены и платили дань другія Славянскія племена, и что эта новая Русь, равно какъ и нѣкоторыя подчиненныя ей Славянскія племена вели постоянную и дѣятельную торговлю даже съ отдаленными странами, такъ для этой цѣли Руссы и Славяне пріѣзжали съ своими товарами и въ Константинополь, и въ Хазарскій Итиль, и въ Волжскую Булгарію.

Въ то время, какъ Древляне убили Игоря, сынъ его Святославъ былъ еще малолѣтнымъ, и находился, по свидѣтельству лѣтописи, въ Кіевѣ, при матери своей Ольгѣ, которая по сему и стала управлять Русью вмѣсто убитаго Игоря. Она воспитаніе Святослава поручила Асмуду, а воеводой, т. е. предводителемъ Княжеской дружины, назначила Свенельда, который воеводствовалъ еще при Игорѣ.

Объ Ольгѣ мы имѣемъ много свидѣтельствъ и Рускихъ и Скандинавскихъ, и Византійскихъ и Западныхъ. По сказанію Нестора Ольга была родомъ изъ Пскова, и вступила въ бракъ съ Игоремъ при жизни Олега въ 903 году; сочинитель степенной книги приписываетъ ей Варяжское происхожденіе, но къ этому свидѣтельству слишкомъ позднему трудно имѣть какое либо довѣріе, оно страдаетъ анахронизмомъ. Такъ въ степенной книгѣ сказано, что Ольга отъ языка Варяжска, изъ простаго рода, изъ страны Плесковской, изъ веси Выбутской близь предѣловъ власти Нѣмецкой; но мы знаемъ, что Нѣмецкихъ владѣній въ то время еще небыло въ тамошнемъ краю, Нѣмцы сдѣлались сосѣдями Псковичей нераньше XIII столѣтія. А далѣе сочинитель приплетаетъ къ своему извѣстію явную сказку, что будто бы Ольга въ лодкѣ перевозила Игоря черезъ какую-то рѣку въ Псковской области во время охоты, разговаривала съ нимъ о скромности; и такъ понравилась ему и лицомъ и умомъ, что онъ когда вздумалъ жениться, то вспомнилъ про Ольгу и приказалъ Олегу привезти ее въ Кіевъ.[135] Даже самъ сочинитель опасается вѣрить этой сказкѣ, и говоритъ: «яко же нѣцыи повѣдаша дивное сказаніе.»

---

[135] Степен. I, стр. 6—8.

Другихъ свидѣтельствъ въ пользу Варяжскаго происхожденія Ольги мы неимѣемъ, кромѣ заимствованныхъ въ послѣдствіи изъ степенной же книги. Несторъ же прямо говоритъ, что Ольга была родомъ изъ Пскова, а Псковъ былъ Славянскій городъ, пригородъ Новгорода; слѣдовательно и Ольга урожденка Пскова была Славянскаго рода, въ противномъ случаѣ Несторъ неупустилъ бы замѣтить, что она бѣ отъ Варягъ; такъ онъ, говоря о супругѣ Владимировой Полоцкой Княжнѣ Рогнедѣ, ясно описалъ, что отецъ ея Рогволодъ пришелъ изъ-за моря, и такимъ образомъ опредѣлилъ, что Рогнеда хотя родомъ и изъ Полоцка но не Славянскаго происхожденія. Притомъ мы неимѣемъ достаточныхъ поводовъ отвергать Славянское происхожденіе Ольги; ибо между Рускими Князьями не было непреложнаго обычая постоянно брать себѣ женъ изъ Скандинавіи, напротивъ въ послѣдствіи мы не разъ увидимъ, что Князья Кіевскіе брали женъ для своихъ сыновей изъ Новгорода. И конечно Олегу даже было не безполезно взять жену для Игоря изъ Новгородской земли, чтобы тѣмъ болѣе привязать къ себѣ Новгородъ. Признать Ольгу простолюдинкою незнатного происхожденія, какъ того хочетъ степенная книга, мы также неможемъ; ибо и въ тогдашнее время благородство, или знатность произхожденія женъ, въ брачныхъ союзахъ имѣло важное значеніе; такъ по Скандинавскимъ сагамъ между тамошними Конунгами жены низкаго происхожденія почти непризнавались женами; да и по нашимъ лѣтописямъ мать Владимира Малуша по своему низкому произхожденіи не признавалась женою Святослава и оставалась ключницей у Ольги. Ольга же еще при жизни Игоря пользовалась большимъ уваженіемъ и имѣла силу и значеніе въ правленіи, какъ Великая Княгиня, что служитъ прямымъ указаніемъ ея значительнаго происхожденія; и ежели мы неимѣемъ доказательствъ признать ее внукою Гостомысла, но тѣмъ неменѣе не можемъ не признать того, что она происходила отъ какой нибудь богатой и знамѣнитой Псковской, или Новгородской фамиліи, ибо и во Псковѣ, какъ Новгородскомъ пригородѣ, жили Новгородцы же.

О большомъ значеніи и силѣ Ольги еще при жизни Игоря мы имѣемъ прямыя свидѣтельства какъ въ Рускихъ такъ и въ Скандинавскихъ памятникахъ. Такъ изъ договора Игоря съ Греками мы видимъ, что отъ Ольги посылались особые послы вмѣстѣ съ послами Игоревыми. Договоръ начинается словами: «Мы отъ рода Рускаго съли и гостье, Иваръ, посолъ Игоревъ великого Князя Рускаго, и ибъчіи сли: Вуефастъ Святъславль, сынъ Игоревъ, Искусеви Ольги

Княгини.» А сага Олава сына Тригвіева, называя Ольгу Адлогіей и супругою Владимира, говоритъ, что она была умнѣйшею изъ всѣхъ женъ, и по обычаю сильнѣйшихъ Конунговъ того времени у ней немепѣе было гридей, какъ и у самаго Конунга, которыхъ она содержала на своемъ иждивеніи, и получала на то казну и все что было нужно. [136] «Объ отдѣльной казнѣ Ольги и особыхъ ея доходахъ мы имѣемъ свидѣтельство и въ нашей лѣтописи; въ которой сказано, что третья часть Древлянской дани шла Ольгѣ въ Вышгородъ, ибо Вышгородъ былъ Ольгинъ градъ». [137]

Древляне убивши Игоря порѣшили на своемъ вѣчѣ такъ: вотъ «мы убили Рускаго князя, возмемъ жену его за своего Князя Мала, а съ Святославомъ поступимъ такъ, какъ намъ хочется.» Принявши такое рѣшеніе, они отъправили къ Ольгѣ 20 человѣкъ лучшихъ мужей, которые пришли къ Кіевъ водою въ лодьи и пристали подъ Боричевымъ. Здѣсь лѣтописецъ съ довольною подробностію описываетъ мѣстность тогдашняго Кіева. По его славамъ вода въ то время текла въ здолѣ Кіевской горы, и на подолѣ небыло еще жилыхъ строеній, Кіевляне жили на горѣ, и городъ Кіевъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ, а перевѣсище было внѣ града, внѣ же града былъ другой дворъ княжескій теремный, надъ горою за Св. Богородицею, гдѣ нынѣ дворъ Доместиковъ, тамъ былъ и теремъ каменный. Это описаніе показываетъ, что городъ Кіевъ въ Игорево время былъ еще очень малъ въ сравненіи съ Кіевомъ XI столѣтія и занималъ только одну гору надъ Боричевымъ перевозомъ и что было два двора княжескихъ, одинъ въ городѣ, а другой каменный внѣ города позади того мѣста, гдѣ при Владимирѣ была построена десятинная церковь. И кажется Князья въ это время преимущественно жили въ этомъ загородномъ дворѣ, по крайней мѣрѣ Ольга тутъ принимала Древлянскихъ пословъ; на преимущественное пребываніе въ этомъ дворѣ Князей указываетъ то, что онъ былъ каменный, слѣдовательно болѣе безопасный и укрѣпленный, что было необходимо для тогдашнихъ Князей.

Ольга узнавши о приходѣ Древлянскихъ пословъ позвала ихъ къ себѣ, и спросила: добрые гости скажите чего ради пришли сюда. Древляне отвѣчали: послала насъ Деревская земля, а приказано сказать: му-

---

[136] Руск. Ист. Сбор. Т. IV. стр. 53.

[137] Лавр. 25.

жа твоего убили мы, потому что онъ грабилъ и разхищалъ какъ волкъ; а наши князи добры, разпасли Деревскую землю, пойди за нашего князя Мала. Въ отвѣтъ на это Ольга сказала, мнѣ нравится ваша рѣчь, мнѣ невоскресить уже своего мужа; на завтра хочу васъ почтить передъ своими людьми, теперь же идите въ вашу лодью, и ложитесь тамъ величающеся; когда же поутру пришлю за вами, то вы скажите: нейдемъ на конѣхъ, ни пѣши нейдемъ, несите насъ въ лодьи, и съ тѣмъ отпустила ихъ. А сама приказала вырыть на теремномъ дворѣ большую и глубокую яму; и поутру сидя въ теремѣ послала за Древлянами. Древляне по Ольгину наученію приказали нести себя въ лодьи; и Кіевляне, сказавши: «намъ неволя, князь нашь убитъ, а княгиня наша хочетъ за вашего князя» понесли ихъ въ лодьѣ. Они же сидѣли въ лодьѣ съ гордостію перегибаясь и надувшись [138]. Когда же при

---

[138] Я такъ осмѣливаюсь перевести слова лѣтописи: «сѣдяху въ перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся.» словъ *перегъбы* и *сустуги* мы невстрѣчаемъ ни въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, ни въ иныхъ древнихъ памятникахъ, ни въ современномъ намъ языкѣ; слѣдовательно у насъ нѣтъ параллельныхъ мѣстъ для опредѣленія значенія сихъ словъ. По составу же своему *перегъбы* кажется есть тоже что *перегыбы* или *перегибы*; ибо перегибать также писалось *перегыбать*, такъ въ Остромировомъ Евангеліи прѣгыбающе колѣна; (л. 188) буква *ы* въ древнемъ языкѣ иногда замѣнялась буквою *ъ* такъ въ Остромировомъ евангеліи вмѣсто *рыбы* (71) встрѣчается *ръбы*; перемѣну буквы *и* или *ы* въ *ъ* мы встрѣчаемъ еще въ словѣ *разгънути*, *разгънати*, такъ въ Остр. Еванг. 211 *л. разгънувъ кънигы* «слѣдовательно въ *перегъбыхъ*, есть тоже что въ *перегибыхъ*. Сидѣть въ перегибахъ, мы теперь неупотребляемъ, а говоримъ о человѣкѣ, желающемъ выказать глупое чванство, онъ сидитъ ломаясь перегибаясь; но въ древности вѣроятно было въ употребленіи, сидѣть въ перегибахъ: ибо въ древнихъ памятникахъ нерѣдко встрѣчаемъ имена существительныя съ предлогами вмѣсто причастій. напр. у Нестора: «ови бо бяху постницы крѣпцы, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣнное» (стр. 81) или тамъ же: «разболѣвшю же ся и конецъ пріяти лежащю ему въ немощи.» Слово *сустугъ* имѣетъ нынѣ подобныя *натугъ натужиться*, такъ говорятъ: онъ съ натугу надсадился, или стоитъ понатужиться «*надуться*; въ древности же предлогъ *съ су* и *сусъ* не рѣдко замѣнялъ предлогъ *на*, такъ у Нестора:» повелѣ *съсути могилу* велику и *соспоша* «(стр. 24) т. е. приказала насыпать большую могилу, и насыпали; а посему сидѣть въвеликихъ сустугахъ, кажется будетъ значить *надуться надмиться въ гордости*, тако-

несли ихъ на дворъ къ Ольгѣ, то бросили въ яму и съ лодьею. Ольга же, посмѣявшись надъ ними, спрашивая хороша ли вамъ честь, приказала засыпать ихъ живыхъ. Къ Древлянамъ же послала сказать: ежели вы въ самомъ дѣлѣ зовете меня; то пришлите нарочитыхъ мужей, что бы мнѣ идти за вашего Князя въ великой чести, не то Кіевскіе люди меня неотпустятъ. Услыхавши сіе Древляне избрали лучшихъ мужей, которые держатъ ихъ землю, и послали за Ольгою. Когда сіи новые посланники пришли въ Кіевъ, то Ольга велѣла приготовить имъ баню, говоря вымыйтеся и приходите ко мнѣ; когда же послы стали мыться въ приготовленной банѣ, то ихъ заперли тамъ, и по приказанію Ольги зажгли баню отъ дверей, и такимъ образомъ сожгли пословъ. Потомъ Ольга послала къ Древлянамъ сказать: се уже иду къ вамъ, приготовьте побольше медовъ въ томъ градѣ, гдѣ убили мужа моего, что бы мнѣ поплакать на его гробѣ и отправить тризну. Древляне слышавши это навезли и наварили множество медовъ. Ольга же взявши съ собой немного дружины налегкѣ пришла къ гробу Игореву, начала плакать, и приказала своимъ людямъ насыпать большую могилу, когда же насыпали, то велѣла отправить тризну. Древляне сѣли пить, Ольга же повелѣла своимъ отрокамъ служить передъ ними, Древляне спрашивали ее, гдѣ же дружина, которую мы послали за тобою, она отвѣчала идутъ назади съ дружиною моего мужа. Когда Древляне понапились, она приказала своимъ отрокамъ пить за ихъ здоровье, а сама отошла въ сторону, наказавши изрубить пировавшихъ Древлянъ, и по этому приказу ихъ перерѣзали тутъ пять тысячъ. Ольга же возвратилась въ Кіевъ приготовляться къ войнѣ на остальныхъ Древлянъ.

Сохраненное лѣтописцемъ и представленное здѣсь преданіе объ Ольгиной мести Древлянамъ имѣетъ для насъ большое значеніе, оно живо и осязательно изображаетъ характеръ того времени, отношеніе Древлянъ къ Кіевскому князю и ихъ общественный бытъ, а также характеръ самой Ольги. Здѣсь мы видимъ, что Древляне именно были въ тѣмъ отношеніяхъ къ Кіевскому Рускому Князю, на которыя мы указали выше, т. е. они непризнавали надъ собою власти Рускаго Князя, и только уступая его силѣ платили дань. Убивши Игоря они думали, что съ его смертію рушилась сила Руская, что Кіевъ долженъ подчиниться Древлянской землѣ; и согласно съ этою мыслію

вое значеніе кажется совершенно сходно съ мыслію преданія, выразить грубую надменность Древлянскихъ пословъ.

предложили Ольгѣ выйдти за Древлянскаго Князя Мала. Мысль эта естественно могла родиться у Древлянъ, ибо они были еще довольно сильны и хорошо помнили то время, когда до Олега Поляне трепетали отъ ихъ набѣговъ. Относительно общественнаго быта изъ настоящаго преданія мы также видимъ, что у Древлянъ въ этомъ отношеніи небыло и намековъ на зависимость отъ Кіевскаго Князя, преданіе неговоритъ, чтобы въ Древлянскихъ городахъ жили мужи Игоревы, а напротивъ прямо свидѣтельствуетъ, что тамъ были свои Князья, свое вѣче и свои мужи держащіи Древлянскую землю. И притомъ указываетъ, что хотя племя Древлянъ имѣло нѣсколько городовъ, но города сіи были въ достаточной связи другъ съ другомъ, признавали родственность цѣлаго племени и можетъ быть подчиненность младшихъ городовъ старшимъ, и въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовали общими силами и заодно. Такъ преданіе свидѣтельствуетъ что послы Древлянскіе пришли къ Ольгѣ не отъ одного Коростеня, но отъ всей Древлянской земли, они прямо говорятъ Ольгѣ: «посла ны Деревская земля.»

Форма мести, которую преданіе приписываетъ Ольгѣ, ясно говоритъ о Славянскомъ именно Новгородскомъ происхожденіе этой знаменитой княгини а отнюдь не о Норманскомъ. Ольга во всемъ разсказѣ является по большой части дѣйствующею черезъ другихъ, она только разпоряжается, только придумываетъ разныя хитрости, приводятъ же ихъ въ исполненія другіе. Тоже самое мы видимъ въ сказачной матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ матери Васьки Буслаева, та помнитъ, что оставшись вдовою она обязана смотрѣть за порядкомъ въ домѣ и вести дѣла своего мужа, пока выростетъ сынъ, и исполняетъ свою обязанность какъ слѣдуетъ: учитъ своего сына и сберегаетъ мужнее богатсво; но когда доходитъ дѣло участвовать лично въ дѣлахъ, то ежели можно она уклоняется, отговариваясь вдовствомъ. Такъ когда Новгородцы стали звать ее на почестной пиръ, она отвѣчаетъ: «немое дѣло по пирамъ ходить; было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ былъ мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищю, Василью Буслаевичю: онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостью.» Но гдѣ ея участіе необходимо, тамъ она дѣйствуетъ лично. Такъ услыхавши, что сынъ ея въ хмѣльной похвальбѣ вооружилъ противъ себя Новгородцовъ, она беретъ золото блюдо насыпаетъ на него каменья самоцвѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкіимъ, и во слезахъ молвитъ рѣчи умильныя: нельзя стоять дѣтищю малому противъ всей силы Новгородской.» Преданіе такой же поря-

докъ дѣйствій приписываетъ Ольгѣ, она то по женской скромности уклоняется отъ личнаго участія, то гдѣ нужно дѣйствуетъ отъ своего лица; такъ сама разговариваетъ съ Древлянскими послами, сама идетъ плакать надъ могилою мужа, ведетъ рѣчь съ Древлянами при началѣ тризны; но удаляется когда гости упились и когда дано уже было приказаніе ихъ рѣзать. Женская скромность ей недозволяетъ присутствовать въ шумной бесѣдѣ пьяныхъ, и смотрѣть на кровавую рѣзню. Это чисто Славянская именно Новгородская женщина, Норманки дѣйствуютъ не такъ. Вспомнимъ Рогнеду, она сама беретъ мечь, чтобы отомстить Владимиру за смерть отца и братьевъ. А дочь Гейдрека Гервара, защищая права своего брата Ангантира противъ другаго брата Глёда, сама предводительствуетъ войсками, и какъ левъ бросается въ сѣчю, рубитъ на право и на лѣво, и встрѣтясь съ Глёдомъ, кричитъ ему, выходи со мной на поединокъ, Глёдъ, ежели въ груди твоей безстрашный духъ мужа, и продолжая поражать противниковъ наконецъ израненная падаетъ съ коня и умираетъ изрыгая клубы крови.[139] А другая Гервара мать Гейдрекова начала поприще своей жизни морскими грабежами и въ мужскомъ платьѣ подъ именемъ Гіорварда предводительствовала толпою разбойниковъ.[140] И такія женщины въ Скандинавіи не были выродками изъ своего пола, Олавъ Далинъ говоритъ, что Скандинавскія женщины нерѣдко предпринимали военные походы въ самыя отдаленнѣйшія мѣста и предводительствовали множествомъ народа и обыкновенно назывались Скелдмерами, т. е. щитоносными дѣвами.[141] Конечно никто ненайдетъ нималѣйшаго сходства въ образѣ дѣйствій Ольги съ дѣйствіями двухъ Герваръ или щитоносныхъ дѣвъ; Ольга постоянно является женщиною, и хитрости ея, и скромность чисто женскія; Норманки же представляются неукротимыми мужчинами, въ нихъ мы невидимъ ничего женственнаго.

Изъ обычаевъ характеризующихъ то время въ настоящемъ преданіи мы находимъ: обычай готовить бани для пріѣзжихъ гостей въ знакъ особаго почета и уваженія; обычай варить меда и поминать ими усопшихъ, обычай насыпать надъ покойниками большія могилы и править тризну, и наконецъ обычай пить за чье либо здоровье.

---

[139] Antiq. Russ. T. I, стр. 200.
[140] Ibid. 152.
[141] Олав. Дадин. Т. I. Кн. I, стр. 368.

Обычаи сіи чисто Славянскія и большею частію древніе еще замѣченыя Греками у Славянъ Придунайскихъ, они частію сохраняются еще и теперь въ Рускомъ народѣ; такъ и теперь въ деревняхъ топятъ бани для пріѣзжихъ гостей, и теперь вареный медъ и пиво щитаются необходимыми принадлежностями поминокъ по усопшемъ.

На другой годъ по смерти Игоря Ольга, какъ говоритъ преданіе, собрала многихъ и храбрыхъ воевъ, и вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Святославомъ пошла въ Древлянскую землю. Древляне узнавши объ этомъ также собрались всею землею и выступили противъ Ольги; когда обѣ рати сошлись вмѣстѣ, то малолѣтный Святославъ уже сидѣвшій на конѣ, первый бросилъ въ непріятелей копье, которое пролетѣвъ межъ ушей коня упало подъ ноги; въ слѣдъ за тѣмъ Асмудъ и Свенельдъ крикнули воинамъ: «Князь уже началъ, дружина послѣдуйте Князю.» Дружина на зовъ вождей отвѣчала сильнымъ натискомъ, и битва кончилась въ пользу Кіевской Княгини, разбитые Древляне побѣжали и затворились по своимъ городамъ. Ольга же съ сыномъ своимъ осадила Коростень (жители котораго убили Игоря); Коростенцы, зная свою вину и не ожидая себѣ пощады отъ жены Игоревой, оборонялись упорно цѣлое лѣто. Ольга, видя невозможность взять городъ силою, послала сказать Коростенцамъ: «до чего вы хотите досидѣть, всѣ ваши города уже сдались и обязались платить дань и спокойно воздѣлываютъ свои нивы и земли, а вы хотите измереть голодомъ.» Ради бы мы сдаться, отвѣчали Коростенцы, но ты хочешъ мстить за смерть своего мужа. «Я уже мстила обиду своего мужа,» сказала Ольга: два раза въ Кіевѣ, когда приходили ваши послы, и въ третій разъ на могилѣ мужа, когда справляла тризну; теперь же я не ищю мести, а хочю только обложить васъ небольшею данью, и помирившись пойду домой.» Древляне отвѣчали: чего ты желаешь отъ насъ, мы съ радостію даемъ тебѣ и медомъ и мѣхами. «Нынѣ у васъ нѣтъ ни меду ни мѣховъ, я прошу у васъ немногаго,» сказала Ольга: «дайте мнѣ по три голубя и по три воробья отъ двора, я нехочю отягощать васъ большою данью, какъ дѣлалъ мой мужъ, мнѣ жалко васъ, вы изнурились отъ осады.» Коростенцы обрадованные снисходительностію и ласкою Княгини, немедленно собрали съ двора по три голубя и по три воробья, и отправили съ поклономъ къ Ольгѣ. Ольга принимая дань сказала: «вы теперь покорились уже мнѣ и моему дитяти, ступайте въ свой городъ, а я завтра отступлю и пойду въ Кіевъ.» Посланные съ радостію возвратились и разсказали своимъ рѣчи Ольгины, и тѣмъ успокоили городъ. Ольга же

дала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ, и приказала, чтобы они привязавши къ птицамъ зажженный трутъ въ тряпкахъ, выпустили ихъ въ сумерки. Выпущенные голуби и воробьи полѣтели въ свои гнѣзда, голуби въ голубятни, а воробьи подъ застрѣхи, и такимъ образомъ зажгли и голубятни, и клѣти, и вѣжи и одрины, и небыло двора, который бы не горѣлъ; и Коростенцы, неимѣя возможности потушить пожаръ, бросились вонъ изъ города. Ольга же приказала воинамъ хватать ихъ; и такимъ образомъ покорила и сожгла городъ, старѣйшинъ же градскихъ взяла себѣ, а прочихъ людей иныхъ избила, другихъ отдала въ рабство своимъ мужамъ, а остальныхъ обложила данью, и назначила дань тяжкую, двѣ части этой дани приказала сбирать на Кіевъ и одну часть на Вышгородъ самой Ольгѣ, ибо Вышгородъ былъ Ольгинъ градъ. Потомъ Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по Древлянской землѣ уставляя вездѣ уставы и уроки; и обошедши Древлянскую землю возвратилась въ Кіевъ.

Дѣйствительно ли Коростень былъ взятъ при помощи воробьевъ и голубей мы неимѣемъ другихъ извѣстій объ этомъ предметѣ, кромѣ сохраненнаго лѣтописцемъ преданія, но что Коростень и вся Древлянская земля окончательно покорены Ольгою, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; ибо послѣ Ольгина похода, въ лѣтописи неупоминается о войнахъ Кіевскихъ Князей съ Древлянами, а напротивъ Святославъ отправляясь во второй Болгарскій походъ уже отдаетъ Древлянскую землю своему второму сыну Олегу. Преданіе о воробьяхъ и голубяхъ и вообще объ Ольгиной мести Древлянамъ конечно отзывается вымысломъ; но вымыслъ этотъ нисколько непротиворѣчитъ характеру того времени и степени общественнаго развитія; слѣдовательно имѣетъ свою долю правды, которою недолжна пренебрегать исторія, ежели въ свою очередь нехочетъ сдѣлаться мудрованіемъ основаннымъ на однихъ соображеніяхъ позднѣйшихъ изслѣдователей. По нашимъ современнымъ понятіямъ по нашему развитію, многое въ древнихъ сказаніяхъ намъ можетъ казаться сказочнымъ и неестественнымъ; но кажущееся намъ неестественнымъ не всегда было таковымъ на самомъ дѣлѣ. Чтобы судить объ этомъ правильно мы прежде всего должны отрѣшиться отъ нашихъ современныхъ взглядовъ на жизнь, и перенестись въ древность безъ задніхъ мыслей; тогда нерѣдко мы принуждены будемъ признаться, что многія наши соображенія составленныя по нынѣшнимъ понятіямъ, въ древности оказались бы чистыми вымыслами, нисколько несогласными съ дѣйствительностію, и просто невозможными на дѣлѣ. При разборѣ

древнихъ преданій изслѣдователь, чтобы выдергивая плевелы не выдернуть вмѣстѣ и пшеницы, долженъ положить себѣ за правило тѣ только изъ преданій, освященныхъ древностію, признавать вымыслами фантазіи, которые противорѣчатъ природѣ, которые несогласны съ духомъ того времени, къ которому ихъ относятъ, которыхъ невѣрность обнаруживается предшествующими или послѣдующими обстоятельствами, и наконецъ которыя отрицаются другими свидѣтельствами ясными и достовѣрными; видимая же или воображаемая нами несообразность преданій съ понятіями усвоенными намъ степенью нашей развитости отнюдь недолжна быть принимаема за основаніе отрицанія. Въ преданіяхъ объ Ольгиной мести Древлянамъ и о взятіи Коростеня изслѣдователь ничего ненайдетъ, что было бы противно природѣ, что несогласовалось бы съ обстоятельствами, и что отрицалось бы иными свидѣтельствами ясными и достовѣрными; а напротивъ почти на каждой строкѣ мы встрѣчаемъ данныя превосходно характеризующія тогдашнее время и тогдашнее общество, подтверждаемыя другими свидѣтельствами, и вполнѣ согласныя съ предшествующими и послѣдующими обстоятельствами засвидѣтельствованными лѣтописью. Слѣдовательно мы неимѣемъ права отвергать сіи преданія и называть ихъ вымыслами и сказками, единственно потому что они по нашимъ современнымъ понятіямъ кажутся странными. Эта кажущаяся намъ странность есть лучшее свидѣтельство ихъ достовѣрности, это настоящій, драгоцѣнный для историка, отголосокъ тогдашней жизни, и невключать его въ исторію значитъ отнимать у исторіи всю ея живость и естественность, сглаживать слѣды древности и описывать старую жизнь не такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, а по своимъ вымысламъ.

Древніе дошедшіе до насъ Русскіе законы и другія свидѣтельства, относящіяся ко времени до и послѣ Ольги, ясно говорятъ, что месть за убитаго была законною обязанностію лежавшею на его родственникахъ; слѣдовательно преданіе приписывая Игоревой женѣ месть противъ Древлянъ убившихъ Игоря, приписываетъ ей то, что тогда составляло главнѣйшую ее обязанность, чего конечно требовало и чувство вдовы оскорбленной насильственною смертію мужа. Преданіе приписываетъ Ольгѣ многія хитрости, которыя она будто бы употребляла для того, чтобы отомстить Древлянамъ. Но Ольга была женщина, и притомъ женщина воспитанная по Славянски, слѣдовательно дѣйствовать открытою силою съ мечемъ въ рукахъ и на конѣ было несогласно съ ея воспитаніемъ и образомъ жиз-

ни Славянской женщины, а посему ей необходимо было прибѣгнуть къ хитростямъ, это было совершенно въ ея характерѣ, какъ женщины воспитанной не для войны. Хитрости приписываемыя ей преданіемъ были очень грубы, но онѣ совершенно согласны съ тѣмъ временемъ, въ которое она жила, и для Древлянъ жителей лѣсовъ казались не проницаемыми, она дѣйствовала совершенно въ духѣ своихъ современниковъ, употребляла средства, которыя вполнѣ прикрывали ее замыслы: научая первыхъ Древлянскихъ пословъ, чтобы они велѣли нести себя въ лодьѣ, она очень удачно льстила ихъ грубому чванству; приглашая вторыхъ пословъ въ баню, она показывала имъ самое естественное радушіе, исполняла по тогдашнему долгъ хорошей хозяйки, желающей почтить гостей; требуя, чтобы Древляне наварили медовъ для отправленія тризны по Игорѣ, она исполняла только долгъ жены, которая должна же помянуть покойнаго мужа; обѣщая выйдти за мужъ за Древлянскаго Князя Мала, она только видимо исполняла желаніе Древлянъ; конечно лѣта Ольги въ годъ смерти Игоря были уже немолодые, ей было никакъ неменьше 52 лѣтъ отъ роду;[142] но по всему вѣроятію она въ то время еще была свѣжа и здорова, ибо по смерти мужа она жила еще двадцать четыре года; слѣдовательно обѣщая вступить въ новый бракъ она нисколько не казалась, что будто дѣлаетъ невозможное; притомъ мы незнаемъ лѣтъ Древлянскаго Князя Мала, можетъ быть онъ былъ ей ровесникъ и даже старше ее, слѣдовательно совершенная для нее пара. Сверхъ того хитрости Ольги несмотря на свою видимую простоту и грубость вовсе небыли ребяческими хитростями; Ольга желала не одного кровопролитія, но мстя за смерть мужа въ тоже время пролагала себѣ дорогу къ покоренію Древлянской земли, требовала и изтребляла лучшихъ Древлянъ держащихъ землю, и такимъ образомъ не начиная еще похода отнимала важнѣйшихъ предводителей у. противниковъ.

Воробьи и голуби употребленные Ольгою для зажженія Коростеня дѣйствительно представляютъ разсказъ страннымъ и сказочнымъ

---

[142] Я щитаю Ольгѣ 52 года отъ рожденія въ годъ Игоревой кончины на томъ основаніи, что въ одномъ рукописномъ лѣтописцѣ прямо сказано, что Ольгѣ въ 903 году, т. е. въ годъ ея замужства было десять лѣтъ отъ роду, вотъ слова лѣтописи: «Приведе Олегъ Игорю жену отъ Плескова именемъ Ольгу десяти лѣтъ сущу отъ рожденія.»

и нисколько несогласнымъ съ нашими понятіями о взятіи городовъ; но въ этомъ конечно виновато не преданіе, а самое время о которомъ разсказано въ преданіи, которое рѣшительно непоходило на наше время; такъ что ежели бы насъ вдругъ перенести въ среду тогдашней жизни на Руси, то мы съ нашими понятіями съ нашимъ развитіемъ съ перваго раза разтерялись бы и нескоро собрались съ мыслями. Неестественнаго же не возможнаго разсказъ о зажженіи Коростеня при помощи голубей и воробьевъ рѣшительно непредставляетъ ничего, такимъ образомъ можно зажечь любую деревню и теперь. Конечно подобная мысль въ настоящее время невдругъ можетъ войти въ голову, ибо жизнь наша на столько уже далека отъ простой жизни въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ окружающею природою, что можетъ быть не каждый изъ насъ знаетъ привычки воробьевъ и голубей возвращаться на ночь въ свои гнѣзда; но для Ольги таковая мысль была очень проста и естественна, она жила въ такой средѣ, въ которой люди были въ близкихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ природою, и настолько были знакомы съ привычками домашнихъ и дикихъ животныхъ, что соображаясь съ ними имѣли у себя примѣты о разныхъ явленіяхъ природы, и по нимъ нерѣдко располагали свои полевыя занятія, какъ то дѣлаютъ и теперь наши крестьяне; такъ напримѣръ говорятъ: «спѣши убираться съ поля, вороны разкаркались, быть непогодѣ,» и подобн. Погребовать въ дань по три голубя и по три воробья съ двора, въ то время также было очень возможно, неподозрительно и нестранно; ибо дань тогда вообще сбиралась натурою, сами Древляне предлагали медъ и мѣха; при томъ требованія побѣдителей тогда на столько зависѣли отъ прихоти, что любая странность въ этомъ дѣлѣ немогла почесться странностію. Собрать по три голубя и по три воробья съ двора, также небыло невозможнымъ; въ Москвѣ въ Петербургѣ конечно этаго сдѣлать нельзя; но въ Ольгиномъ Коростенѣ это можно было сдѣлать очень легко; ибо постройкой своей онъ вѣроятно неотличался отъ многихъ нынѣшнихъ деревень, въ которыхъ голубиныхъ и воробьиныхъ гнѣздъ на каждомъ дворѣ въ волю.

Я неспорю, что стараніе мое защитить преданіе, сохраненное лѣтописцомъ и пережившее почти тысячю лѣтъ, для иныхъ покажется страннымъ; мнѣ скажутъ, что въ нынѣшнее время нужно очищать исторію отъ хлама и сказокъ, а невозстановлять ихъ. Но я на это отвѣчаю, что въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго дѣйствительно существовало подобное повѣтріе въ наукѣ

исторіи, но это повѣтріе прошло; опытъ доказалъ, что очищая исторію отъ мнимыхъ сказокъ иногда ее зачищали до костей, т. е. изъ живаго и своеобразнаго разсказа о древней жизни оставляли одинъ безобразной скелетъ, или перечень событій равно приложимый или неприложимый къ любому времени и къ любому народу; ближайшее знакомство съ памятниками древности теперь научило, что не все то было сказкою и вымысломъ въ древности, что намъ кажется сказкою, что преданіе есть одинъ изъ лучшихъ источниковъ исторіи, представляющій древнюю жизнь въ ея истинныхъ своеобразныхъ формахъ. И слѣдовательно исторію должно очищать только отъ тѣхъ разсказовъ, которые явно сочинены и внесены въ лѣтописные сборники въ позднѣйшее время, и прямо противорѣчатъ естественному соотношенію и развитію обстоятельствъ, или нисколько несогласны съ характеромъ древности; а не лишать ее всѣхъ преданій вообще, которыя по нашимъ понятіямъ кажутся странными, и повидимому не согласными съ достоинствомъ тѣхъ лицъ, которымъ ихъ приписываютъ.

Въ разсказѣ преданія о взятіи Коростеня упоминаются голубники, стрѣхи, (или застрѣхи) клѣти, вѣжи, одрины и дворы: «голуби же и воробьевѣ полѣтеша въ гнѣзда своя, ови же въ голубники, врабьевѣ же подъ стрѣхи; и тако взгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора идѣже негораше.» Такимъ образомъ Древлянской городской дворъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ строеній, и иногда изъ четырехъ, т. е. вежи, клѣти, одрины и голубника. Вежа и теперь еще употребляется въ Архангельской губерніи, тамъ симъ именемъ называютъ шелаши устроенные изъ жердей и покрытые хворостомъ и дерномъ, которые строятъ себѣ для житья Лопари (Слов. Области. Великорус. стр. 22), по лѣтописямъ вежами назывались жилища кочевниковъ; напр. «Угри идоша мимо Кіевъ и сташа вежами; бѣша бо ходяще аки Половци.» (Лавр. 10.) Слѣдовательно и въ настоящемъ разсказѣ вежею названо собственно жилище Древлянскаго домохозяина, изба, горница, какъ говорится въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Рядомъ съ вежею или избою на Древлянскомъ дворѣ была клѣть; такъ теперь въ простонародьи обыкновенно называется строенье для складки обмолоченнаго хлѣба, имѣющееся при каждомъ крестьянскомъ дворѣ; по лѣтописямъ также подъ клѣтью должно разумѣть строенье для разной домашней поклажи, тотъ же смыслъ и по Руской правдѣ: напр. «аще убьетъ татя на своемъ дворѣ: любо у клѣти и у хлѣва; то той убитъ.» Здѣсь клѣть

именно означаетъ надворное строенье для поклажи; вѣроятно въ этомъ же значеніи должно принимать и клѣть на Древлянскомъ дворѣ. Одрина, въ настоящее время въ Осташковскомъ уѣздѣ какъ называютъ большой хлѣвъ, гдѣ собственно помѣщаютъ петелей; (Области. Слов. стр. 138) по производству отъ слова *одръ*, кровать, постель, одрина можетъ значить покой для спанья, *повалуша*, какъ встрѣчается въ памятникахъ XVI и XVII столѣтій; кромѣ того въ Каширскомъ и Боровскомъ уѣздахъ употребляется въ особомъ значеніи слово *кровать*, вѣроятно замѣнившее старинный *одръ*, и можетъ быть *одрину*, кроватью теперь тамъ называютъ строеніе изъ плетня, которое всегда ставится на дворѣ неподалеку отъ избы, оно строится для поклажи собственно бабьяго разнаго имущества, платья зимняго и лѣтняго, холстовъ, льну, снарядовъ для тканья и пряжи и проч. Которое изъ сихъ значеній имѣла Древлянская одрина, мы опредѣлить неможемъ, по неимѣнію прямыхъ указаній; но кажется къ Древлянской одринѣ ближе всего подходитъ Каширская и Боровская кровать. Голубниками голубницами очевидно назывались особыя строенья для голубей, ибо въ лѣтописи прямо сказано, что голуби полѣтели въ голубники. Это показываетъ что голуби у Древлянъ были въ числѣ дворовыхъ птицъ, для которыхъ на дворахъ строили особыя жилья; это подтверждаетъ и Руская правда, гдѣ голубя также находимъ въ числѣ дворовыхъ птицъ: «а въ голуби (ежели украдутъ) и въ куряти 2 кунъ, а въ утки, и въ гусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ.»

Далѣе въ разсказѣ, Ольга говоритъ Коростенцамъ: «вси гради ваши дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя,» и Коростенцы предлагаютъ Ольгѣ дань мѣхами и медомъ: «ради даемъ медомъ и скорою.» Сіи слова преданія служатъ для насъ прямымъ свидѣтельствомъ, что Древляне въ Ольгино время уже занимались земледѣліемъ, слѣдовательно были уже не дикарями, но племенемъ оседлымъ и устроеннымъ; они кромѣ земледѣлія еще занимались звѣроловствомъ и пчеловодствомъ, конечно бортнымъ, ибо въ лѣсныхъ странахъ и теперь пчеловодство бываетъ только бортное. Вѣроятно у нихъ были и другіе промыслы и между прочимъ торговля но конечно не значительная, и можетъ быть не простиравшаяся далѣе Кіева, куда вѣроятно Древляне сплавляли на продажу лодки, которыя они дѣлали въ продолженіи зимняго времени, какъ можно догадываться изъ словъ Константина Порфироднаго, который говоритъ, что Кривичи и прочіе Славяне, надѣланныя ими въ продолженіе зимы лодки весною отводятъ въ болота и сплав-

ляютъ Днѣпромъ въ Кіевъ для продажи Руссамъ; на эту же торговлю также намекаетъ и построеніе Древлянскихъ городовъ при рѣкахъ ведущихъ въ Днѣпръ; такъ напр. Коростень стоялъ на рѣкѣ Ушѣ впадающей чрезъ Припеть въ Днѣпръ, а Овручь на одномъ изъ притоковъ Уши. О незначительности Древлянской торговли мы можемъ заключить изъ того, что Константинъ Порфирородный, изчисляя Славянскія племена на Руси торговавшія съ Константинополемъ неупоминаетъ между ними Древлянъ, тогда какъ не позабылъ ни Новгородцовъ, ни Смолнянъ ни Черниговцовъ. [143]

Взявши Коростень и истребивши часть его жителей, а часть отдавши въ рабство своимъ мужамъ, Ольга по словамъ преданія, на остальныхъ наложила тяжкую дань, двѣ части которой шли къ Кіеву, а двѣ къ Вышгороду собственно Ольгѣ, ибо Вышгородъ принадлежалъ собственно ей. Это наложеніе тяжкой дани, какъ по прямому свидѣтельству преданія такъ и по обстоятельствамъ самаго дѣла, относилось собственно къ Коростеню, а не ко всей Древлянской землѣ. Къ Древлянамъ вообще Ольга вступила въ другія отношенія, какъ мы увидимъ послѣ; на Коростенцовъ же она наложила тяжкую дань въ наказаніе за смерть Игоря, и для того, чтобы этотъ вѣроятно сильнѣйшій и знамѣнитѣйшій Древлянскій городъ совершенно ослабить, и такимъ образомъ отнять у Древлянъ охоту къ возстаніямъ на будущее время, въ чемъ вполнѣ и успѣла, Коростень болѣе не возставалъ отъ своего паденія, и лѣтописи уже нигдѣ неупоминаютъ объ немъ въ послѣдующее время. Образецъ подобнаго наложенія особой дани на возмущавшіеся города мы находимъ въ грамотѣ Мстислава на Берестьянъ 1289 года: «Се язъ Князь Мстиславъ сынъ Королевъ внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны въ вѣкы и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадцати десятковъ льну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цобровъ овса, а по пяти цобровъ ржи, а по 20 куровъ; а по толку со всякаго ста, а на горожанъ четыре гривны кунъ.» [144] Слѣдовательно этотъ поступокъ Ольги съ Коростенцами былъ не безпримѣрный и не единственный въ нашей исторіи, и вытекалъ какъ изъ характера Княжеской власти на Руси, такъ и изъ обстоятельствъ дѣла.

Новыя отношенія, въ которыя Ольга вступила съ Древлянскою землею по занятія Коростеня, лѣтописецъ выражаетъ такъ: «И иде

[143] De adm. Imp. pag. 59.

[144] Ипат. 225.

Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и дружиною, уставляющи уставы и уроки, суть становища ея и ловища.» И Олегъ и Игорь ходили въ Древлянскую землю; но они только воевали тамъ, примучивали Древлянъ и сбирали съ нихъ дань, и Олегъ однажды даже взялъ у Древлянъ воиновъ въ походъ на Константинополь; но тѣмъ только и ограничивались отношенія Рускихъ князей къ Древлянамъ, до устройства Древлянской земли они некасались, нетрогали ни тамошнихъ князей ни тамошней управы; Древляне продолжали жить, какъ жили до первой встрѣчи съ Русью и только по временамъ платили дань сперва Олегу потомъ Игорю, да и то не безъ сопротивленія. Ольга напротивъ неограничилась однимъ примучиваньемъ и сборомъ дани; но пошла по Древлянской землѣ точно также, какъ Рускіе князья ходили по землѣ Полянъ, Сѣверянъ, Кривичей, т. е, мирно для суда и управы; ея побѣда надъ Древлянами такъ была сильна и рѣшительна, что Древлянамъ ничего неоставалось болѣе, какъ вполнѣ признать власть Руской Княгини, отказаться отъ своей независимости, и принять ту управу какую имъ устроитъ Ольга. Мы незнаемъ куда дѣвался Древлянскій князь Малъ, названный женихъ Ольгинъ, палъ ли въ битвѣ или бѣжалъ; но свидѣтельство лѣтописи ясно и опредѣленно, что Ольга по взятіи Коростеня пошла по Древлянской землѣ уставлять уставы и уроки, т. е. учреждать такой же порядокъ въ Древлянской землѣ, какой уже существовалъ въ другихъ земляхъ вполнѣ признавшихъ власть Кіевскихъ Князей, куда по свидѣтельству Константина Порфиророднаго Князья ходили въ полодье т. е. для суда и управы а не для сбора дани. Вмѣсто дани, т. е. неопредѣленныхъ поборовъ силою Ольга назначила уроки, уреченные опредѣленныя платежи на извѣстные сроки, и въ слѣдствіе тѣхъ или другихъ извѣстныхъ дѣйствій, которые какъ бы влекли за собою тотъ или другой опредѣленный платежъ; таковы напримѣръ уроки вирные, т. е. платежи въ слѣдствіе извѣстныхъ противузаконныхъ дѣйствій подлежащихъ вирѣ, или уроки судные платежи по суднымъ дѣламъ князю или его тіунамъ и другимъ чиновникамъ. Я перевожу слово урокъ назначеннымъ опредѣленнымъ платежемъ, потому что урокъ въ этомъ значеніи принимается Рускою правдою, гдѣ сказано:» Оже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривну, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ. . . . то ти уроци смьрдомъ, оже платятъ князю продажу. «Или:» А се уроци городнику; закладаюче городня, куна взяти, а кончивше ногата «или;» а се мостьнику уроци: помостивше мостъ взяти отъ 10 локотъ по нагатѣ

«или еще въ Руской же правдѣ встрѣчаемъ урокъ отъ ролейной земли, т. е. плату за пользованіе ролейною землею; а въ другихъ оффиціальныхъ памятникахъ находимъ оброки или уроки за пользованіе рыбными ловлями, бортными ухожаями и другими угодьями.

Лѣтописецъ, говоря о путешествіи Ольги по Древлянской землѣ, замѣчаетъ, что еще въ его время въ тамошнемъ краю хорошо были извѣстны и памятны тѣ мѣста, гдѣ Ольга останавливалась или охотилась, *становища* и *ловища* по словамъ лѣтописи. Это съ одной стороны показываетъ, что путешествіе Ольги по Древлянской землѣ было мирное; ибо въ военномъ походѣ, нѣтъ мѣста для охоты и ловли звѣрей; а съ другой стороны мы здѣсь находимъ свидѣтельство, что мирное путешествіе сіе въ сопровожденіи воинской дружины для Древлянъ было зрѣлищемъ вовсе необыкновеннымъ и новымъ, такъ что народное преданіе немогло забыть о немъ черезъ 150 лѣтъ, и еще во время Нестора указывало мѣста, гдѣ останавливалась и охотилась княгиня. Остановки сіи по всему вѣроятію были не въ городахъ и селеніяхъ а въ чистомъ полѣ подъ шатрами, какъ описывается въ нашихъ сказкахъ, и какъ можно заключить изъ свидѣтельства лѣтописи о Святославѣ, о которомъ она, желая отличить его отъ другихъ князей, говоритъ: «ходя возъ по себѣ невозяше, ни котла, ни шатра имяше.» [145] Слѣдовательно другіе Князья ходили въ обозами и шатрами.

Устроивъ Древлянскую землю, Ольга возвратилась въ Кіевъ, и по свидѣтельству лѣтописи прожила тамъ лѣто, а на другой годъ (т. е. въ 947 г.) «отправилась въ Новгородскій край и учредила по Мстѣ погосты и дани, и по Лугѣ оброки и дани.» Это путешествіе также какъ и Древлянское на долго осталось памятнымъ въ народѣ, и лѣтописецъ продолжаетъ: «ловица ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и погосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дня, и по Днѣпру перевѣсица и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ.» Извѣстіе о настоящемъ путешествіи лѣтописецъ выдаетъ за совершенно справедливое и несомнѣнное, и въ доказательство несомнѣнности ссылается на оставленные Ольгою памятники и на то, что объ немъ помнили еще въ его время: «и сани ее стоятъ въ Плесковѣ досего дня.» Слѣдовательно мы неимѣемъ никакого права сомнѣваться въ этомъ извѣстіи, и должны принимать его именно въ томъ ви-

---

[145] Полн. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 27.

дѣ, какъ оно передано Несторомъ, ничего не убавляя и не прибавляя. Несторъ говоритъ, что Ольга въ Новгородскомъ краю сдѣлала разныя учрежденія только по Мстѣ и по Лугѣ, и именно по Мстѣ погосты и дани, а по Лугѣ оброки и дани. Слѣдовательно упоминаемыя Несторомъ Ольгины разпоряженія относились не ко всему Новгородскому краю, а только къ мѣстностямъ лежащимъ по теченію Мсты и Луги, другихъ же мѣстъ Новгородскаго края Ольга некасалась своими разпоряженіями, хотя и посѣщала ихъ; такъ извѣстно, что она пріѣзжала въ свою родину Псковъ, но о разпоряженіяхъ ея въ этомъ городѣ нѣтъ и намеку, лѣтопись говоритъ только: «и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне.» Это изключительное указаніе лѣтописи на Мсту и Лугу съ одной стороны ясно говоритъ, что только сіи мѣста въ Новгородскомъ краю были подчинены непосредственнымъ разпоряженіямъ Князя относительно устройства, во всѣхъ же другихъ Новгородцы разпоряжались сами, и Князь даже неимѣлъ права вступаться въ ихъ разпоряженія, какъ именно въ послѣдствіи мы находимъ въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ: «а волостій ти, княже, Новгородскихъ своими мужи недержати, нъ держати мужи Новгородьскыми.» [146] А съ другой стороны въ этомъ же указаніи виденъ хотя неясный намекъ, что Мста и Луга были уступлены Новгородцами по новому договору съ Ольгою, въ противномъ случаѣ конечно оброки и дани небыли бы упущены Ольгиными предшественниками Олегомъ и Игоремъ. Да и притомъ самая форма лѣтописнаго разсказа объ этомъ дѣлѣ совершенно одинакая съ описаніемъ путешествія Ольги по Древлянской землѣ показываетъ, что какъ у Древлянъ такъ и у Новгородцовъ она устроивала и облагала оброками и данью земли пріобрѣтенныя ею вновь; слѣдовательно будетъ не безъ основанія допустить, что Мста и Луга уступлены были Новгородцами именно Ольгѣ по новому договору съ нею. Предполагать же, что Мста и Луга вновь пріобрѣтены самими Новгородцами, что Новгородъ не владѣлъ берегами сихъ рѣкъ до Ольги, мы неможемъ; ибо рѣки сіи текутъ почти въ центрѣ Новгородскихъ владѣній. Ежели Новгороду уже принадлежали Псковъ, Ладога, Руса и Бѣлоозеро; то ни коимъ образомъ нельзя согласиться, что Мста и Луга еще несоставляли Новгородскихъ владѣній, когда Луга начинается не подалеку отъ Новгорода, а Мста впадаетъ въ Ильмень между Новго-

---

[146] Собр. Г. Г. и Д. Т. I. № 2 и друг.

родомъ и Русою; верховья Мсты также немогли не принадлежать Новгороду, когда ему уже принадлежало Бѣлоозеро; тоже должно сказать и объ низовьяхъ Луги, ибо Новгородъ уже владѣлъ восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря, именно тамъ гдѣ впадаетъ Луга.

Относительно самыхъ учрежденій сдѣланныхъ Ольгою въ Новгородскомъ краю лѣтопись указываетъ на замѣчательное различіе; она говоритъ, что по Мстѣ Ольга учредила погосты и дани, а по Лугѣ оброки и дани. Это показываетъ, что Ольгѣ были уступлены иныя права на владѣніе по Мстѣ и иныя по Лугѣ; по Мстѣ Ольга не имѣла оброковъ, а по Лугѣ неучреждала погостовъ. Чтобы объяснить это различіе, должно опредѣлить значеніе оброковъ и погостовъ.

На основаніи Руской правды и другихъ оффиціальныхъ памятниковъ мы уже видѣли, что оброками уроками назывались опредѣленные, уреченные, назначенные въ извѣстные сроки, платежи за пользованіе пахотною землею, рыбными ловлями, лугами, бортными ухожаями и другими угодьями. А по сему ежели Ольга учреждала по Лугѣ оброки; то значитъ, что въ этомъ краю Новгородцами ей были уступлены разныя земли и угодья, которыя она, ненаходя удобнымъ а можетъ быть и неимѣя права содержать своими людьми, отдавала въ оброчное содержаніе тамошнимъ жителямъ за извѣстную плату или оброкъ. Въ подтвержденіе того, что у Новгородцовъ дѣйствительно существовалъ обычай поступаться князьямъ пахотными землями и другими угодьями, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ; такъ напримѣръ въ договорной грамотѣ Новгорода съ В. К. Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ писанной въ 1327 году сказано: «А пожни, княже, что твои и твоихъ мужъ, то твое что пошло.» [147] А также есть свидѣтельство и тому, что князья неимѣли права уступленныхъ земель въ Новгородскомъ краю держать своими людьми, и ставить тамъ селы, объ этомъ упоминается даже въ договорной грамотѣ съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ III-мъ въ 1471 году послѣ Новгородскаго разгрома; въ ней сказано: «а пожни, великіе Князи, ваши и вашихъ мужей, то ваши и вашихъ мужей; а што пожни Новгородскіе а то къ Новугороду какъ пошло. А слободъ и селъ Князи Великіе съступилися великому Новгороду; на Новгородской земли селъ нестявити.» [148]

---

[147] Собр. Г. Г. и Д. Т. I. № 15.
[148] Ibid. № 20.

Въ этой же грамотѣ мы находимъ важное свидѣтельство, что часть теченія Луги изстарины уступалась князьямъ, но съ правомъ только посылать туда за зборомъ оброковъ; грамота говоритъ: «А въ Вотьцкую землю слати княземъ великимъ ежегодь по старинѣ.» А извѣстно что Воть и Ижора жили по Лугѣ. Все это вполнѣ объясняетъ свидѣтельство лѣтописи, что Ольгѣ были уступлены земли по теченію Луги именно для пользованія съ нихъ оброками, въ томъ значеніи, въ какомъ слово оброкъ урокъ является въ Руской правдѣ и въ другихъ оффиціальныхъ памятникахъ.

Теперь обратимся къ значенію слова погостъ. По свидѣтельству писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, погостами въ Новгородскомъ краю назывались опредѣленныя административныя единицы дѣленія Новгородскихъ земель состоящіе изъ нѣсколькихъ селъ, деревень, слободъ, и рядковъ, имѣвшихъ одну центральную управу относительно разкладки и сбора общественныхъ податей; т. е. погостами въ Новгородѣ называлось именно то, что въ другихъ краяхъ Руси носило названіе волостей или становъ. Это значеніе Новгородскихъ погостовъ показываетъ, что учреждать назначать погосты, т. е. дѣлить землю на опредѣленныя извѣстныя единицы для удобнѣйшей и правильной разкладки податей, съ назначеніемъ центровъ для управы, имѣлъ право только тотъ, у кого область была въ непосредственномъ разпоряженіи, кто держалъ ее своими людьми, т. е. управлялъ ею чрезъ своихъ повѣренныхъ, но не населялъ своими поселенцами. А посему теперь понятно свидѣтельство лѣтописи, что Ольга по Мстѣ учредила погосты, но неназначала оброковъ. Этотъ край Новгородцы отдади въ непосродственное управленіе Ольги чрезъ ея мужей, они поступились Ольгѣ держать Мсту своими мужами а не Новгородскими; но недали ей въ томъ краю земель, которыя бы она могла отдавать въ оброчное содержаніе. Мы даже имѣемъ прямое свидѣтельство Новгородскихъ договорныхъ грамотъ, что и въ позднѣйшее время Новгородцы часть волостей отдавали Князю, чтобы онъ держалъ ихъ своими мужи; въ остальныхъ же волостяхъ ему недозволяли держать своихъ мужей а Новгородскихъ; такъ въ грамотѣ 1327 года сказано: «что волости Новогородьскыхъ, тѣхъ ти волостій, Княже, тобѣ своими мужи недержати, дьржати мужи Новгородьскыми; а даръ тобѣ, Княже имати отъ тѣхъ волостій.»[149] И въ той же граматѣ есть указаніе,

[149] Соб. Г. Г. и Д. Т. I. № 15.

что именно часть волостей по Мстѣ уступалась Новгородцами Князю, чтобы онъ держалъ тамъ своихъ тіуновъ; такъ грамота говоритъ: «А что ти, Княже, пошло на Торжку и на Волоцѣ тіунъ свой держати на своей части, а Новгородца на своей части.» Или въ грамотѣ 1307 года: «А дьржати ти свой тіунъ на половинѣ. а Новгородьць на половинѣ въ всей волости Волочкой; а на Търъжку ти, Княже, дьржати свой тіунъ на своей части, а Новгородьць на своей части.» [150] Посему и значеніе слова погостъ, въ Новгородскомъ краю, даетъ намъ ясное понятіе, почему лѣтопись сказала, что Ольга по Мстѣ устроила только погосты, но неназначала оброковъ.

Накопецъ теперь остается опредѣлить слово дань, какое значеніе оно имѣло въ Новгородскомъ краю. Дань получаемая Рускими Князьями съ Новгородскаго края очевидно имѣла не то значеніе, въ какомъ она принималась у Древлянъ, когда ходили къ нимъ за данью Олегъ и Игорь. У Древлянъ при Олегѣ и Игорѣ данью назывался неопредѣленный поборъ, взимаемой силою, чрезъ посредство Княжой дружины, которая приходила грабить Древлянъ, чтобы и самой нажиться и Князю доставить выгоды; но мы неимѣемъ свидѣтельствъ, чтобы Княжая дружина посылалась въ Новгородъ для сбора дани; слѣдовательно дань Новгородская имѣла свое особое значеніе, но какое именно тогдашнія лѣтописи объ этомъ неговорятъ; а посему мы опять обратимся къ позднѣйшимъ Новгородскимъ грамотамъ, гдѣ находимъ весьма важное для насъ свидѣтельство. Въ грамотѣ 1307 года сказано: «А за Волокъ ти, Княже, своего мужа неслати, продаяти ти дань своя Новгородьцю.» [151] По прямому смыслу сей грамоты, Князь нетолько немогъ посылать своей дружины для сбора дани въ Новгородскомъ краю, но даже обязывался не посылать туда и сборщика, а отдавать дань на откупъ Новгородцу; а на откупъ можно отдавать только то, что уже опредѣлено, что извѣстно хотя приблизительно; слѣдовательно по смыслу грамоты въ Новгородѣ Княжею данью назывался опредѣленный поборъ: по чемъ съ двора или съ сохи, или съ другой какой опредѣленной единицы. Слѣдовательно Ольга, учреждая дани по Мстѣ и Лугѣ, собственно опредѣляла по скольку ей должно идти дохода съ извѣстныхъ единицъ, въ краяхъ прилежащихъ ко Мстѣ и Лугѣ. А такъ какъ по прямому свидѣтель-

---

[150] Ibid. № 10.

[151] Ibid. № 10.

ству лѣтописи Ольга установила дани только по Мстѣ и Лугѣ; слѣдовательно Кіевскій или Рускій Князь получалъ дани не со всей Новгородской земли, а только съ извѣстныхъ данныхъ ему областей; съ прочихъ же Новгородскихъ владѣній пользовался только доходами отъ суда, т. е. вирами, который доходъ оставался за Князьями до позднѣйшаго времени, какъ сопряженный съ главною обязанностію Княжеской власти, — съ судомъ, росправою, нарядомъ, для чего именно приглашены были Князья въ Новгородъ; объ этомъ главномъ доходѣ собираемомъ со всей Новгородской земли мы имѣемъ свидѣтельство въ грамотѣ 1471 года, гдѣ сказано: «А виры имати Княземъ великимъ по старинѣ, а Новогородцамъ не таити.» [152] Кромѣ того конечно при Ольгѣ еще собиралась съ Новгорода дань Варягамъ мира дѣля, ибо по свидѣтельству лѣтописи ее платили до самаго Ярослава всѣ посадники Новгородскіе.

Такимъ образомъ отыскавши настоящее Новгородское значеніе оброка, погоста и дани, и объяснивши ихъ учрежденіе по грамотамъ и по другимъ памятникамъ, мы видимъ, что по свидѣтельству лѣтописи Ольга въ 947 году получила отъ Новгородцевъ земли по Мстѣ и Лугѣ съ различными правами на владѣніе; именно относительно земель по Мстѣ Новгородъ поступился Ольгѣ позволеніемъ держать ихъ своими мужами а не Новгородскими, почему она и учредила тамъ погосты для разкладки податей въ свою пользу, какъ непосредственной управительницѣ уступленнаго края; по Лугѣ же Новгородцы дали Ольгѣ разныя угодья и земли, но безъ права держать тотъ край своими мужами, почему она и отдала уступленныя земли на оброкъ; и кромѣ того Ольга пріобрѣла отъ Новгородцовъ право пользоваться данью съ того и другаго изъ уступленныхъ краевъ. Всѣ сіи пріобрѣтеніе очевидно получены Ольгою въ добавокъ къ тому, что уже было уступлено Новгородцами прежнимъ Князьямъ. Для Ольги это можно было сдѣлать удобнѣе нежели для кого другаго изъ Князей, ей здѣсь даже ненужно было никакого насилія, ибо она, какъ Псковитянка по произхожденію, и притомъ, какъ кажется, изъ значительнаго и богатаго рода, по всему вѣроятію имѣла въ свою пользу сильную партію между Новгородцами; а дѣйствіе и вліяніе партій имѣли важное значеніе въ Новгородѣ, чему свидѣтельствомъ служитъ вся Новгородская исторія.

---

[152] Соб. Г. Г. и Д. Т. I, № 20.

Устроивши дѣла въ Новгородскомъ краю, Ольга, по словамъ лѣтописца, возвратилась къ сыну своему Святославу въ Кіевъ, и прожила тамъ восемь лѣтъ, потомъ въ 955 году отправилась въ Грецію. Преданіе записанное у Нестора такъ разсказываетъ объ этомъ путешествіи такъ: «Пришла Ольга въ Царьградъ, гдѣ тогда былъ царемъ Цимискій, который увидавши ее и поговоривши съ нею, удивился ея красотѣ и разуму, и сказалъ ты достойна того, чтобы царствовать съ нами въ Царьградѣ. Ольга понявши рѣчи Царя, отвѣчала: я язычница, ежели хочешь, то крести меня самъ, а ежели небудешь самъ крестить меня, то я не крещуся; Царь согласился и съ Патріархомъ окрестилъ ее. И пригласивши послѣ крещенія къ себѣ, сказалъ: я хочу жениться на тебѣ. На что Ольга сказала ему: какъ же ты хочешь жениться на мнѣ; а крестилъ меня самъ и назвалъ дочерью? а ты самъ знаешь, что у Христіанъ нѣтъ закона жениться на дочеряхъ. И Царь молвилъ: перехитрила меня Ольга, и далъ ей дары многи: золото, серебро, драгоцѣнныя ткани, и различные сосуды, и отпуская назвалъ ее своею дочерью. Потомъ Ольга получивъ отъ Патріарха благословеніе на дорогу, отправилась съ миромъ въ свою землю и пришла въ Кіевъ.»

Далѣе продолжаетъ преданіе: когда Ольга возвратилась въ Кіевъ; то Царь Греческій прислалъ къ ней сказать: «много дарилъ я тебя, и ты говорила: когда возвращусь въ Русь пришлю тебѣ большіе дары челядью, воскомъ и мѣхами и войско въ помощь.» Ольга на это отвѣчала посламъ: «скажите Царю, ежели онъ также постоитъ у меня въ Почайнѣ, какъ я стояла у него въ Суду, то я пришлю къ нему, чего онъ хочетъ; и съ тѣмъ отпустила пословъ.

Преданіе сіе въ главномъ основаніи своемъ вѣрно дѣйствительности: Ольга дѣйствительно была въ Константинополѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный; нѣтъ сомнѣнія, что она приняла тамъ и Св. крещеніе, какъ свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ Несторомъ Византійскіе историки Кедринъ и Іоаннъ Скилитъ Куропалатъ и Франкскій писатель X вѣка, безъименный продолжатель Аббата Регинонскаго.[153] Но подробности переданныя преданіемъ явно вы-

[153] У Кедрина: Elga Russorum principis uxor, qui classem in Romanos duxerat, marito defuncto, Constantinopolin venit; et baptisata, cum magnum verae pietatis studium demonstrasset, dignis suo instituto honoribus effecta domum redijt.» У Скилиты: «Et ea, quae fuerat uxor ducis Rhos, qui

мышлены; ибо преданіе говоритъ, что Ольга пріѣзжала въ Константинополь, когда тамъ былъ Царемъ Цимискій; но Іоаннъ Цимискій вступилъ на престолъ въ 970 году, т. е. когда Ольги не было въ живыхъ; слѣдовательно вымыслъ здѣсь очевиденъ, и показываетъ самъ собою, что преданіе о путешествіи Ольги въ Константинополь сложилось въ той формѣ, какъ дошло до насъ, нераньше княженія Ярополка или Владимира, когда Цимискій своею счастливою войною съ Святославомъ сдѣлался очень извѣстенъ въ Кіевѣ и вообще на Руси. Здѣсь мы видимъ, что Святославовы дружинники, оплакивая погибель любимаго Князя, крайне злились на его побѣдителя Цимискія, и желая хотя чѣмъ нибудь выместить свою злость на немъ, сложили про него сказку, что Ольга ѣздивши въ Константинополь перехитрила того, кто въ послѣдствіи перехитрилъ ея сына Святослава. Такимъ образомъ разсказъ преданія о путешествіи Ольги въ Константинополь имѣетъ тѣсную связь съ разсказомъ о послѣднемъ походѣ Святослава въ Болгарію. Слѣдовательно и любезности Цимискія съ 65-лѣтнею красавицею Ольгою, и ловкій отказъ сей послѣдней, и богатые дары Царя въ надеждѣ получить большія дары отъ Руской Княгини, и отвѣтъ Царскимъ посламъ сдѣланный Ольгою въ Кіевѣ, — «ежели Царь постоитъ у меня въ Почайнѣ также, какъ я стояла у него въ суду,» явно суть насмѣшки Руссовъ надъ ненавистнымъ побѣдителемъ любимаго народомъ Святослава. Это настоящій истинный смыслъ всего разсказа, и въ исторіи онъ долженъ остаться только какъ выраженіе безсильной злобы тогдашнихъ Руссовъ на Цимискія. Для объясненія же самаго путешествія Ольги въ Константинополь должно обратиться къ другимъ источникамъ, и такъ какъ другихъ источниковъ Рускихъ мы неимѣемъ, то къ Византійскимъ, въ которыхъ по счастію пребываніе Ольги въ Константинополѣ сохранено съ нѣкоторыми подробностями.

По подробностямъ здѣсь лучшимъ свидѣтелемъ служитъ Императоръ Константинъ Порфиродный, который самъ принималъ Ольгу въ

---

contra Romanos classem adduxerat, Olga monine, mortuo ipsius viro, ad Constantinopolin se contulit; et baptisata, cum sincerae fidej cultum se suscipere institujsse ostendisset, pro suj propositi dignitate ornata domum rediit.» У продолжателя Аббата Регинонскаго: «Legati Helenae, reginae Rugorum, quae sub Romano Imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptisata est.» (Шлецеровъ Нестор. Т. III, стр. 416.)

своемъ дворцѣ. Онъ, въ обрядникѣ Византійскаго двора во второй книгѣ, по изданію Рейскѣ, въ главѣ XV, такъ описываетъ пріемъ Ольги. «Мѣсяца Сентября въ 9 день, въ среду, былъ пріемъ по случаю прибытія Елги Архонтиссы или Княгини Русской. Княгиня шла во дворецъ сама въ сопровожденіи своихъ родственницъ, женщинъ княжескаго происхожденія и достоинства, и почетнѣйшихъ прислужницъ. Въ переди свиты шла сама Княгиня, а за ней слѣдовали по порядку одна за другой ея спутницы. Ольга остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно Логофетъ отъ имени Императора спрашиваетъ пословъ, которымъ дозволенъ доступъ ко двору. Позади ее вступили повѣренные (апокрисіаріи) Рускихъ князей и негоціанты (по Руски, конечно, гости). Они остановились внизу у Велы (τὰ Βῆλα, отъ βῆλὸς порогъ, вѣроятно перегородка, или завѣса, какъ можно заключать изъ того, что велы вѣшались, такъ на стр. 339 сказано: «въ золотой залѣ были повѣшены золотыя велы, которыя обыкновенно вѣшаютъ въ праздникъ пасхи,») Остальное происходило точно такимъ же порядкомъ, какъ и въ прежде разсказанныхъ пріемахъ.[154]

---

154 А въ прежнихъ пріемахъ былъ слѣдующій порядокъ. «Посолъ вступивши за перегородку, тотъ часъ падаетъ на землю, и воздаетъ почтеніе Императорамъ; и въ это же время играютъ на трубахъ. Когда же посолъ встанетъ и пойдетъ далѣе, и останавится на нѣкоторомъ разстояніи отъ Императорскаго трона, то снова ударяютъ въ (органы ударятельные) литавры. (Вѣроятно Ольга вступивши за перегородку непадала на землю, ибо объ ней сказано: καὶ ἔστη ἐν ᾧ τόπῳ (остановилась на томъ мѣстѣ). Когда такимъ образомъ другъ, т. е. посолъ подходитъ къ Императору, то за нимъ вступаютъ почетнѣйшіе изъ его спутниковъ, и изъявивши почтеніе Императору, останавливаются ниже около входной перегородки или между двухъ перегородокъ. Когда же Логофетъ дѣлаетъ послу обычные вопросы, то начинаютъ рычать золотые львы, и гармонически пѣть золотые птицы, сидящія какъ на священномъ тронѣ такъ и по золотымъ деревьямъ разставленнымъ вокругъ. Звѣри же видимые у трона приподнимаются изъ своихъ логовищъ и становятся на ноги. Между тѣмъ пока это дѣлается, Пронотарій рысталища вноситъ короба или дары посольскіе, которые посолъ отъ имени своего владыки представляетъ Императору. Немного спустя опять ударяютъ въ литавры, и львы перестаютъ рычать, птицы умолкаютъ, и звѣри опускаются въ логовища.»

По разсмотрѣніи короба съ дарами, посланникъ объявляется Логофетомъ, и воздавъ почтеніе Императору удаляется. При его выходѣ играютъ на

Вышедши отъ Императора, Княгиня прошла черезъ комнатный садъ, черезъ залу Кандидатовъ, черезъ залу гдѣ находится камелавкіонъ, и гдѣ жалуютъ въ Магистры, потомъ далѣе чрезъ *Ономодъ* вступила въ залу золотой руки или въ портикъ *Августеона*, гдѣ она нѣсколько времени сидѣла.

Когда Императоръ обычнымъ порядкомъ возвратился въ палаты, то былъ другой пріемъ слѣдующимъ образомъ. Въ залѣ Юстиніана было поставлено возвышеніе покрытое пурпуровыми коврами. Надъ нимъ стоялъ большой тронъ Императора Ѳеофила, и съ боку золотое Императорское сѣдалище. Ниже между двумя велами стояли два серебряные органа, а за велами стояли духовые органы. На тронѣ сидѣла Императрица; Княгиня приглашенная къ ней шла чрезъ Аспидъ и Иподромъ и чрезъ внутренніе портики Августеона и остановилась въ Скилахъ. Между тѣмъ Препозитъ и Остіаріи (привратники) предъ Императрицей сѣдящей на тронѣ устроили велы, на боковомъ стулѣ сидѣла Императрицына невѣска, а всѣ придворныя женщины стояли между поставленными велами; у первой Зосты, у второй магистриссы или супруги магистровъ, у третьей жены патриціевъ, у четвертой должностныя протоспафаріи, у пятой прочія протоспафаріи, у шестой спафарокандидатиссы, у седьмой спаѳаріи, страториссы и кандидатиссы. Когда они всѣ сошлись, наконецъ вступила Руская Княгиня введенная Препозитомъ и Остаріями. Она шла впереди, сопровождаемая, какъ сказано, прочею свитою женщинъ ее родственницъ и избранныхъ прислужницъ. Тогда Препозитъ отъ имени Императрицы сказалъ что-то на ухо Княгинѣ,

---

духовыхъ инструментахъ, а львы и птицы издаютъ свои звуки, и звѣри встаютъ изъ своихъ логовищь. Когда же посолъ выйдетъ за перегородку, то бьютъ въ литавры, и птицы перестаютъ пѣть и звѣри возвращаются въ свои логовища.

По выходѣ пословъ препозитъ громко произноситъ κελεύσατε (ежели вамъ угодно), и магистры, патриціи и сенаторы удаляются повторяя многолѣтіе. По выходѣ ихъ препозитъ опять возглашаетъ κελεύσατε и также удаляются хризотиклины и кубикуларіи. Когда всѣ выйдутъ Императоры встаютъ съ трона, и сложивши шапки, и туники, надѣваютъ шитые золотомъ верхнія платья и тайно тѣмъ же путемъ, которымъ пришли, въ сопровожденіи кубакуларіевъ удаляются чрезъ Ѳеофилактову залу; когда Государь входитъ въ золотую палату, то кубикуларіи останавливаются, и прощаясь желаютъ многолѣтія.» (328—329)

она опять удалилась, и сѣла въ *Скилахъ*. Императрица же вставши съ трона прошла чрезъ *Лавсіакъ* [156] и *Трипетонъ* въ *Кенургію*, и оттуда въ свою Кетону. Послѣ этаго Княгиня чрезъ Юстиніанову залу, Лавсіакъ и Трипетонъ также вступила въ Кенургію и тамъ нѣсколько времени отдыхала. Между тѣмъ Императоръ пришелъ въ Кетону Императрицы и сѣлъ тамъ вмѣстѣ съ Августою и съ своими дѣтьми порфирородными; потомъ туда приглашена была Княгиня сидѣвшая въ Кенургіи, и занявши указанное сѣдалище разговаривала съ Императоромъ о чемъ ей было угодно.

Въ этотъ же день былъ Клеторій или Императорскій обѣдъ въ Юстиніановой залѣ. Тамъ Императрица возсѣдала на помянутомъ выше тронѣ, и подлѣ нее сидѣла невѣстка. Княгиня сперва стояла въ сторонѣ, пока другіе женщины княжеской крови, введенныя магистромъ стола, воздавали почтеніе Императрицѣ, потомъ сама Княгиня, небольшимъ наклоненіемъ головы засвидѣтельствовавъ свое почтеніе, сѣла, по обряду вмѣстѣ съ Зостами, [156] къ столу который былъ

---

[155] Лавсіакъ одинъ изъ 12 дворцовъ Константина великаго, украшенный во время Императора Аркадія Патриціемъ Лавсіемъ. (Bandur. T. I, antiq. Constant. Lib. I, pag. 12.)

[156] Зостами были самыя почетнѣйшія изъ женщинъ Византійскаго императорскаго двора, изъ всѣхъ придворныхъ женщинъ они одни возводились въ свой санъ съ особыми обрядами, которые я щитаю нелишнимъ выписать здѣсь изъ обрядника Константинова, что бы хотя приблизительно видѣть высокое значеніе Зостъ при Византійскомъ дворѣ. При пожалованіи въ Зосты наблюдались слѣдующіе обряды.

Государи перемѣнивши диветезіи и хламиды и безъ коронъ останавливаются спиною къ востоку въ воротахъ Фара, смотря въ средній притворъ. По данному отъ нихъ знаку препозитъ ведетъ для церковной процессіи патриціевъ и труппы консуловъ и силенціаріевъ, которые войдя съ двухъ сторонъ составляютъ въ храмѣ консисторію. Потомъ препозитъ по мановенію Государей выходитъ въ Паранартикъ, и изъ Кустодіи, гдѣ входъ устроенъ съ рѣшетками, подводитъ жалуемую къ среднимъ вратамъ, которая тотчасъ падаетъ на колѣни, и какъ только она поднимется, ставитъ ее предъ Государей, которымъ она падаетъ въ ноги, и потомъ опять встаетъ, протягиваетъ руки, и получаетъ отъ Государей далматикъ, нагрудникъ и бѣлый амафоръ и цѣлуетъ ихъ руки. Послѣ чего препозитъ отводитъ ее въ кустодію, откуда она пришла, и надѣваетъ на нее далматикъ и бѣлый амофоръ, и опять приводитъ въ церковь Фара, гдѣ стоятъ

поставленъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ Императорскаго. При этомъ обѣдѣ были два хора пѣвчихъ, отъ церкви Апостоловъ и отъ Св.

Государи и сенаторы. Потомъ поцѣловавши ноги у Государей и по благодаривши ихъ, она идетъ къ пантеону, и послѣ небольшаго промежутка времени препозитъ, по знаку данному Императоромъ, возглашаетъ: *повелите*. Сенатъ выходитъ изъ церкви и идетъ въ трипетонъ, гдѣ Магистръ церемоніи располагаетъ велы изъ патриціевъ и прочихъ сенаторовъ. Зоста же патриціанка, когда подойдетъ къ Пантеону надѣваетъ поверхъ далматика нагрудникъ, и держитъ лору (венеринъ поясъ) и прополому.

Потомъ государи украшенные коронами садятся на тронъ, и даютъ знакъ препозиту, который съ придверниками несущими верги (прутья, особыя трости) выступивши приглашаетъ первую велу магистровъ, вторую велу патриціевъ, и третію синклитиковъ, консуловъ, комитовъ, кандидатовъ, доместиковъ, экспрефектовъ, стратилатовъ, и въ это же время съ обѣихъ сторонъ вступаютъ за Сенатомъ силенціаріи. Когда велы наполнятся, и устроится цѣлый тайный совѣтъ, то Государи даютъ знакъ препозиту и онъ чрезъ все собраніе идетъ къ пантеону, гдѣ стоитъ жалуемая Зоста патриція, ведетъ ее поддерживая за плеча, и проведя чрезъ собраніе патриціевъ ставитъ ее съ лорою и прополомою въ рукахъ, въ срединѣ тайнаго собранія патриціевъ. Зоста, удерживаемая лорою немогши пасть, нѣсколько наклоняется, и прошедши еще нѣсколько шаговъ опять наклоняется, и далѣе подведенная къ колѣнамъ Государей, немогши пасть въ ноги, цѣлуетъ колѣна старшаго и младшаго государя. Потомъ протянувши руки принимаетъ тайныя табулы съ кодициллами, цѣлуя руки у Государей, и нѣсколько помедливъ отступаетъ поддерживаемая препозитомъ; тогда всѣ поддерживаемые силенціаріями отъ магистровъ до стратилатовъ вводятся и благодарятъ за вновь пожалованную. Послѣ чего препозитъ опять подводитъ ее къ колѣнамъ Государей и она сама благодаритъ Императоровъ. Императоръ же давши знакъ препозиту поставленному возлѣ трона, а не тому который поддерживаетъ Зосту, возглашаетъ повелите.

Сенатъ возсылая мольбы о благополучіи выходитъ и вмѣстѣ съ нимъ выходитъ Зоста, у которой силентіарій беретъ табулы, и она идетъ въ въ Лавсіакъ въ сопровожденіи силентіаріевъ и кувикуларіевъ одѣтыхъ въ бѣлыя туники, и удаляется въ отдѣленіе Лавсіака, но не въ то, гдѣ процессія, а которая обращена къ Эроту, къ сторонѣ Мануавры, и къ портику Кандидатовъ и стражамъ, и идетъ чрезъ схолы, гдѣ труппы принимаютъ ее, такъ же какъ и патриціевъ, она беретъ отъ трибуновъ табелларій, и труппы возклицаютъ ей по обычаю. Послѣ того она уда-

Софіи, которые пѣли гимны въ честь Императорской фамиліи, и тутъ же разыгрывались разныя театральныя представленія. [157]

ляется чрезъ Хиту въ Халкисъ къ святому кладезю, вступаетъ въ храмъ въ святые врата, гдѣ положенъ антимисіонъ; и патріархъ выходитъ изъ алтаря беретъ у неѣ табулы, кладетъ ихъ на антимисіонѣ, и читаетъ надъ ней молитвы, какъ надъ патриціями. Ее сопровождаютъ въ церковь вельможи и другіе почетныя лица, и по совершеніи молитвъ патріархомъ кубикуларіи и силентіаріи отводятъ ее въ метаторій называемый Томаитисъ, и проходя портиками останавливаются внутри. Вельможи и прочіе также выходятъ изъ церкви, а патриціанки магистриссы принимая Зосту составляютъ консисторію въ триклиніи Мануавры. Когда Зоста приходитъ туда, то ее ставятъ впереди между патриціанками, которыя выходя одна за другою кланяются ей и получаютъ каждая отъ нее по коробочкѣ съ шестью монетами. Таковоеже почтеніе воздаютъ ей стратегиссы, и желаютъ счастія Государямъ и ей. Потомъ удаляются патриціанки, и ее принимаютъ кубикуларіи и силентіаріи, несутъ чрезъ Эротъ и портикъ сорока святыхъ во дворецъ; оттуда она проходя чрезъ Иліаконъ (белведеръ) Хризотриклинія вступаетъ въ Фаръ, и пожелавъ счастія государямъ, кладетъ на антиминсіонъ коробочку съ 12 монетами, и съ зажженными восковыми свѣчами уходитъ въ свои покои.

[157] Обрядъ обѣда въ Юстиніановой залѣ Константинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. «Когда назначенъ Дексимъ, ставится большой столъ, называемый Клеторіонъ, въ великолѣпной залѣ Юстиніана; и когда Государи возлягутъ къ этому столу, то совершается торжественный обрядъ стола: триклинаріи выходятъ и приводятъ тѣхъ, которые должны плясать въ Саксимѣ, т. е. доместика схолъ и нумеровъ (актеровъ и танцовщиковъ), демарха Венетовъ съ ихъ трупами трибунами и викаріями. Они вступивши за велу желаютъ Государямъ долголѣтія, Доместикъ актеровъ держитъ въ правой рукѣ ливелляріонъ (вѣроятно программу піесъ или афишу) къ нему подходитъ префектъ стола, беретъ ливелляріонъ и подаетъ Нипсистіарію. Между тѣмъ труппы поютъ на первый тонъ апеллятиконъ: «нынѣ давши власть въ руки твои, Богъ поставилъ тебя Самодержцемъ и Владыкою, великій Архистратихъ сошедъ съ неба, отверзъ предъ лицомъ твоимъ врата царства. Міръ поверженный подъ скипетръ десницы твоей благодаритъ Господа благоизволившаго о тебѣ. Государь, онъ чтитъ тебя благочестиваго Императора, владыку и правителя.» Префектъ же стола возвратившись подаетъ знакъ то разпуская пальцы правой руки на подобіе лучей, то сжимая ихъ какъ виноградъ, и до-

Въ это же время въ золотой залѣ былъ другой столъ, гдѣ угощали всѣхъ повѣренныхъ отъ Рускихъ Князей и всѣхъ родственниковъ Княгини и Рускихъ негоціантовъ (гостей). Послѣ стола они получили подарки: тридцать милліарезій племянникъ Княгини, а восмеро близкихъ ея друзей каждый по 20 милліарезій, двадцать ея повѣренныхъ по 12 милкліарезій; сорокъ три негоціанта (гостя) также по 12

местикъ схолъ и мумеровъ (актеровъ и танцовщиковъ) вмѣстѣ съ демархомъ, трибунами, викаріями и рядовыми въ труппахъ начинаютъ плясать, и трижды обходятъ вокругъ стола. Причемъ трибуны и викаріи одѣты въ золотыя ожерелья искусно вычеканенныя, въ одежды съ бѣлыми короткими Венетскими рукавами, въ красножолтыя сапоги и съ фенгіями (изображеніе луны) въ рукахъ.

Послѣ троекратной пляски, всѣ удаляются, и изъ уваженія къ Государямъ останавливаются у нижней части стола. Тогда пѣвцы поютъ: «Господи утверди царство сіе,» за ними прочіе трижды: Господи утверди царство сіе.» Далѣе пѣвцы: «жизнь Государей ради нашей жизни,» тоже прочіе трижды. Тогда префектъ стола отступаетъ съ апоконвіемъ (не подносъ ли?), который несетъ триклинарій, и передаетъ его доместику, въ это время пѣвцы поютъ: «многая, многая, многая,» и прочіе: «многая лѣта, многая лѣта.» За тѣмъ поется гимнъ приличный пляскѣ: «сіяютъ Государи, веселится міръ! сіяютъ Августы (государыни) веселится міръ! сіяютъ порфиророднын веселится міръ! торжествуетъ сигклитъ и вся палата: веселится міръ! торжествуетъ городъ и вся Романія, веселится міръ. Августы наше богатство и наша радость! Господи пошли имъ долгія лѣта.» Далѣе пѣвцы поютъ «Императорамъ,» прочіе: «многія лѣта.» Пѣвцы: «счастливыя годы Императорамъ,» прочіе: Господи пошли имъ многія и счастливые годы! Пѣвцы: «и августамъ.» Прочіе: «многая лѣта.» Пѣвцы: «счастливые годы,» прочіе: «Даждь имъ Господи многіе и счастливые годы.» Пѣвцы: «дѣтямъ ихъ порфиророднымъ.» Прочіе: «многая лѣта.» Пѣвцы: «счастливые имъ годы.» Прочіе: «подай имъ Господи многіе и счастливые годы!» Наконецъ всѣ молятъ о долговѣчной жизни. Далѣе слѣдуетъ вторый Саксимъ. Труппа зеленыхъ по прежнему порядку вступаетъ съ доместикомъ стражей, префектомъ стѣнъ, съ демархомъ такъ же съ трибунами, викаріями и людьми этой труппы. Далѣе этотъ саксимъ исполняется съ тѣми же обрядами, о которыхъ уже упомянуто выше; только трибуны и викаріи къ золотымъ чеканенымъ ожерельямъ надѣваютъ зеленое и красное платье съ короткими рукавами. Тотъ же обрядъ наблюдается въ клеторіи Августы.» (Lib. I, de Cerem. pag. 171—172.)

милліарезій, папасъ Григорій восемь, двое переводчиковъ двѣнадцать. люди Святослава по пяти, шесть служителей повѣреннымъ по три, переводчикъ княгини получилъ пятнадцать миліарезій.

Когда Императоръ всталъ изъ за стола, то начался десертъ на небольшомъ золотомъ столикѣ, въ осыпанныхъ драгоцѣнными камнями тарелкахъ, который обыкновенно поставляется въ *пентапиргіи*.[158] Тамъ сидѣли Императоръ Константинъ и Императоръ Романъ порфирородный, и дѣти обоихъ порфирородные, и невѣстка Императорская и Руская Княгиня. Ей поданы въ подарокъ на золотомъ осыпаномъ драгоцѣнными камнями блюдѣ 500 миліарезій, шести ея приближеннымъ по 20 милліарезій и осмнадцати прислужницамъ по осми.

Осмнадцатаго октября въ воскресенье былъ второй клеторій, которымъ Императоръ угощалъ Руссовъ, и опять другой клеторій въ *Пентакубиклеи* Св. Павла, въ которомъ участвовали Императрица съ своими порфирородными дѣтьми съ своею невѣсткою, и Руская Княгиня. Въ это время Княгиня получила въ даръ 200 миліарезій, ея племянницъ 20-ть, папасъ Григорій восемь, шестнадцать приближенныхъ по двѣнадцати, осмнадцать прислужницъ по шести, двадцать два повѣренныхъ по 12, сорокъ четыре негоціанта по шести, двое переводчиковъ, каждый по шести.»

Изъ Константинова разсказа о пріемѣ Ольги при Византійскомъ дворѣ мы узнаемъ во первыхъ, что Ольга была въ Константинополѣ именно въ то время когда царствовали Константинъ Порфирородный и сынъ его Романъ; и была тамъ не въ 995 году, какъ замѣчено въ преданіи сохраненномъ у Нестора, а въ 958 году сентябрскомъ; ибо у Константина сказано, что пріемы Ольги при Византійскомъ дворѣ были: первый 9-го сентября въ среду, а вторый 18-го Октября въ воскресенье, которыя приходились въ означенныя дни въ 958 или въ 947 годахъ, а въ 955 году 9-го сентября было въ субботу, а 18-го октября въ среду. И конечно относительно хронологіи мы бо-

---

[158] Пентапигріей, т. е. пятью башнями, кажется назывался особаго рода шатеръ поставляемый въ залахъ. Какъ это можно заключить изъ той же XV главы II книги о церемоніяхъ, гдѣ на 335 страницѣ сказано: «Золотая зала (*Χρυσοτρίκλινος*) были украшена такимъ же образомъ, какъ обыкновенно украшается въ праздникъ пасхи; то есть въ ней поставлены были пентапиргіонъ, императорскія троны или сѣдалища, ложи, золотой столъ» и проч.

лѣе должны вѣрить Константину, современнику Ольги, нежели Нестору, писавшему по преданію черезъ 150 лѣтъ.

Во 2-хъ изъ разсказа мы видимъ, что Ольгу сопровождала многочисленная свита; ибо въ Императорскомъ дворцѣ были съ нею болѣе ста человѣкъ, а конечно кромѣ Руссовъ сопровождавшихъ Ольгу во дворецъ, было съ нею еще много спутниковъ небывшихъ во дворцѣ. Это свидѣтельство о многочисленной свитѣ сопровождавшей Ольгу, въ которой Константинъ нащитываетъ болѣе 20 человѣкъ апокрисіаріевъ, или повѣренныхъ, т. е. посланниковъ, для насъ имѣетъ большое знаменіе, оно подтверждаетъ, что многолюдность посольскихъ свитъ тогда была въ обычаѣ у Рускихъ. Здѣсь мы видимъ новое доказательство подлинности Олеговыхъ и Игоревыхъ договоровъ, въ которыхъ также находимъ многочисленныхъ пословъ. Самый составъ посольства одинаковъ и въ Ольгиной свитѣ и въ договорахъ Олега и Игоря: объ Ольгиной свитѣ Константинъ говоритъ, что въ слѣдъ за Ольгою шли во дворцѣ повѣренные Рускихъ Князей; и въ Олеговомъ договорѣ послы пишутъ что они посланы по хотенью своихъ Князей, тоже и въ Игоревомъ: посланіи отъ Игоря В. К. Руси отъ всякоя княжья. Слѣдовательно и здѣсь заключается новое несомненное доказательство подлинности договоровъ; ибо и Олеговы и Игоревы и Ольгины послы посылались не отъ одного В. Князя но отъ всѣхъ Рускихъ Князей.

Въ 3-хъ сей же разсказъ Константина свидѣтельствуетъ, что Ольга была принимаема при Византійскомъ дворѣ, не какъ владѣтельница народа дружественнаго Грекамъ; но какъ одно изъ главныхъ лицъ правящихъ посольство отъ Рускаго Государя, высшее ея спутниковъ, апокрисіаріевъ отъ Рускихъ Князей. Ольга по этому пріѣзжала въ Константинополь на основаніи послѣдняго Игорева договора съ Греками, по которому Князь Рускій и его бояре могутъ посылать пословъ къ Греческимъ Императорамъ. Согласно съ договоромъ она должна была явиться съ грамотою отъ Князя, удостовѣряющею, что она и ея спутники пріѣхали съ мирною цѣлію: «да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ,» какъ сказано въ договорѣ. Но Ольга не представила подобной грамоты, не считая ее нужною для засвидѣтельствованія своей личности, какъ Княгиня, какъ владѣтельница Руской земли; на это непредставленіе Ольгою грамоты указываютъ слова преданія записаннаго Несторомъ, гдѣ Ольга говоритъ Греческимъ посламъ пришедшимъ въ Кіевъ: «ежели Царь постоитъ у меня въ Почайнѣ также, какъ я стояла у него въ Су-

ду.» Очевидно что Греки, строго придерживаясь всѣхъ формъ послѣдняго договора, требовали чтобы Ольга представила грамоту отъ Рускаго Князя, и не получая этой грамоты долго непускали ее въ Константинополь. Самый пріемъ Ольги во дворцѣ во многомъ сходный съ описаннымъ у Константина пріемомъ пословъ Тарсійскаго Эмира, даже подарки деньгами по 500 милліарезій и двумъ главнымъ посламъ Тарсійскимъ и Ольгѣ показываютъ, что Ольгу принимали въ качествѣ главнаго посла отъ Рускаго Государя. Какъ женщина Ольга была принята и Императрицею, и даже бесѣдовала съ Императоромъ и со всѣмъ Императорскимъ семействомъ въ Императрицыныхъ комнатахъ; но и въ этомъ пріемѣ она должна была дожидаться пока ее позовутъ изъ одной комнаты въ другую и пока укажутъ мѣсто, гдѣ сѣсть. Изо всего этого видно, что хотя Ольга держала себя какъ Государыня: не падала ницъ предъ тропомъ Императорскимъ, не кланялась въ ноги Императрицѣ, и въ послѣдній пріемъ даже кажется обѣдала за однимъ столомъ съ Императрицей; но тѣмъ неменѣе всѣ церемоніи, съ которыми ее принимали при дворѣ, были чисто посольскія.

Въ 4-хъ, изъ Константинова же разсказа мы можемъ догадываться, что Ольга жила въ Константинополѣ чють не цѣлое лѣто; ибо между двумя пріемами при дворѣ прошло болѣе мѣсяца отъ 9-го сентября до 18 октября; но конечно въ Костантиновомъ обрядникѣ записана только малая доля времени, которое Ольга прожила въ Константинополѣ. По всему вѣроятію Ольга должна была пріѣхать въ Константинополь въ обычное извѣстное время, въ которое каждогодно пріѣзжали туда Руссы, т. е. по свидѣтельству Константина въ Іюнѣ или въ началѣ Іюля мѣсяца;[159] слѣдовательно Ольга прожила тамъ никакъ неменьше трехъ мѣсяцевъ. Эта продолжительность пребыванія показываетъ и на цѣль Ольгиной поѣздки въ Царьградъ. Ольга пріѣзжала туда и жила тамъ такъ долго для того, чтобы учиться Христіанской вѣрѣ и принять Св. крещеніе. Нашъ великій Карамзинъ очень вѣрно замѣтилъ: что Ольга, еще въ Кіевѣ плененная лучемъ новаго свѣта, (Христіанства) захотѣла быть Христіанкою, и сама отправилась въ столицу имперіи и вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ.»[160] Дѣйствительно Ольга по желанію и по убѣжденію могла уже быть Христіанкою въ

---

[159] Bandur. T. I, pag. 59.

[160] Ист. Г. Рос. Т. I, стр. 166—167.

Кіевѣ, но самое крещеніе могла отложить до поѣздки въ Константинополь, дабы почерпнуть Христіанство въ самомъ источникѣ. Это желаніе поѣздки могли возбудить въ ней сами Кіевскіе проповѣдники Христіанства. Они въ бесѣдахъ съ Княгинею естественно должны были разсказывать ей о великихъ святыняхъ Константинопольскихъ; и разсказы сіи немогли неподѣйствовать на женщину съ сильнымъ характеромъ, и уже убѣжденную въ святости Христіанства; а посему она и рѣшилась сама отправиться въ Константинополь, чтобы лицезрѣть тамошнія святыни и въ средѣ ихъ сподобиться принять благодать Св. Крещенія. Ежели уже люди рожденные въ Христіанствѣ, и особенно женщины преклонныхъ лѣтъ, нерѣдко предпринимаютъ дальнія и трудныя путешествія къ святымъ мѣстамъ ознаменованнымъ особенными явленіями божественной благодати; то кольми паче естественно таковое желаніе въ язычницѣ уже убѣжденной въ Христіанствѣ, но еще не принявшей крещенія, въ ней еще живѣе должно быть желаніе посѣтить мѣста ознаменованныя святынею прославленною и засвидѣтельствованною, язычница убѣжденная въ Христіанствѣ конечно болѣе нуждается въ видимыхъ знаменіяхъ благодати, чѣмъ Христіанка рожденная и выростшая въ недрахъ церкви. Конечно Константинъ не упоминаетъ о томъ, что Ольга крестилась въ Константинополѣ, и даже изъ его разсказа можно заключить, что она пріѣхала туда крещеная, ибо по разсказу ее сопровождалъ во дворецъ священникъ (παπᾶς) Григорій. Но Константинъ неупоминаетъ о крещеніи Ольги потому, что крещеніе ея неотносилось къ придворнымъ обрядамъ, а въ его сочиненіи описаны только сіи обряды, и конечно Ольга приходила во дворецъ Императорскій уже крещеная, ибо дѣласмые ей придворные пріемы были въ послѣдній мѣсяцъ ея пребыванія въ Константинополѣ, креститься же она имѣла довольно времени въ продолженіи первыхъ двухъ мѣсяцовъ. Слѣдовательно несмотря на молчаніе Константина, мы должны признать, что Ольга ѣздила въ Константинополь именно для того, чтобы тамъ креститься и дѣйствительно крестилась въ Константинополѣ, какъ сказано въ нашей лѣтописи, и гдѣ даже есть намекъ и на самую цѣль поѣздки: «Се же бысть, якоже при Соломонѣ приде царица Ѳеіопская къ Соломону, слышати хотящи мудрости Соломони, и многу мудрость видѣ и знаменья: тако же и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости Божьи; но она человѣчески, а си Божья.»[161] Кромѣ сего

[161] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 26.

мы хотя бы даже вздумали отвергать показаніе лѣтописи, то неможемъ придумать иныхъ причинъ поѣздки, сколько нибудь сообразныхъ съ лѣтами Ольги и съ обстоятельствами тогдашней Руси. Ольгѣ въ годъ путешествія въ Константинополь было никакъ неменьше шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, слѣдовательно нельзя предполагать, чтобы въ такіе лѣта она вздумала посѣтить Константинополь только для того чтобы посмотрѣть большой и богатый городъ; ибо какъ бы невелика была тогдашняя слава столицы Греческой имперіи; но для женщины въ 65 лѣтъ предпринимать трудное путешествіе только изъ одного любопытства, какъ-то неестественно и несогласно съ лѣтами. Въ нашей жизни всему свое время, и въ 65 лѣтъ женщинѣ съ неиспорченнымъ умомъ и сердцемъ свойственнѣе думать о смерти и загробной жизни, нежели предпринимать поѣздки съ цѣлію только посмотрѣть на заморскія диковинки, чтобы послѣ разсказывать объ нихъ домосѣдамъ. Разсматривая обстоятельства тогдашней Руси мы также неможемъ отыскать причинъ, которыя бы заставили Ольгу путешествовать въ Византію; ибо послѣ послѣдняго Игорева договора во все правленіе Ольги ни Русь ни Греки неизмѣняли своихъ взаимныхъ мирныхъ отношеній; даже въ самомъ вступленіи Ольги въ Константинополь, какъ мы уже видѣли, Греки строго держались условій послѣдняго Игорева договора. И такъ по всѣмъ соображеніямъ показаніе лѣтописи, что Ольга ѣздила въ Константинополь съ единственною цѣлію, научиться Христіанству и принять крещеніе, остается не сомнѣннымъ и достовѣрнымъ, всѣ же другія причины поѣздки придумываемыя новѣйшими изслѣдователями, оказываются выдумками.

По прибытіи въ Кіевъ, какъ свидѣтельствуетъ наша лѣтопись, Ольга старалась обратить къ христіанству и сына своего Святослава; но этотъ молодой Князь, рожденный для битвъ и подвиговъ воинскихъ, не былъ разположенъ къ принятію вѣры проповѣдующей смиреніе и миролюбіе. И всѣ старанія Ольги просвѣтить сына остались безъуспѣшными; Святославъ любившій только дружину, по словамъ лѣтописи: «небрежаше того ни во уши пріймати; но аще кто хотяше креститися, небраняху но ругахуся тому.» Онъ на всѣ увѣщанія матери постоянно давалъ одинъ отвѣтъ: «какъ я приму другой законъ? дружина будетъ смѣяться.» Это упорство Святослава, которому тогда по всему вѣроятію было лѣтъ 18 отъ роду, показываетъ, что около молодаго князя уже собиралась воинственная дружина буйной молодежи, которая скучала миролюбивымъ правленіемъ старѣющейся Ольги, и въ самомъ Князѣ возбужда неудоволь-

ствіе къ матери, и всѣми силами старалась отвлечь его отъ послушанія материнскимъ убѣжденіямъ; такъ что лѣтопись прямо говоритъ о Святославѣ: «сеже къ тому гнѣвашеся на матерь.» [162] Но опытная и умная Ольга не смотря на преклонность лѣтъ недумала еще выпускать власти изъ своихъ рукъ, и столько имѣла силы и привязанности къ себѣ старшихъ въ дружинѣ и въ народѣ; что не смотря на неудовольствія Святослава и его молодыхъ дружинниковъ еще около пяти лѣтъ продолжала управлять народомъ и не отдавала власти Святославу. И такимъ образомъ послѣдніе годы перваго столѣтія Руской земли прошли мирно и покойно подъ мудрымъ правленіемъ престарѣлой Ольги, которая, по словамъ лѣтописца, не смотря на непослушаніе Святослава, продолжала любить его, и моляся денно и ночно за сына и за Рускую землю, говорила: «воля Божія да будетъ; аще Богъ хощетъ помиловати рода моего и земли Рускіѣ, да възложитъ имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова.» [163]

Въ дополненіе къ обзору жизни придѣпровскихъ Руссовъ за первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ не лишнимъ будетъ привести извѣстія о службѣ Руссовъ въ Византіи. Здѣсь Константинъ Порфирородный для насъ опять служитъ лучшимъ современнымъ свидѣтелемъ, могущимъ представить всѣ нужныя подробности. Онъ во второй книгѣ своего обрядника въ 44 главѣ говоритъ, что при Императорѣ Львѣ мудромъ въ 902 году во время похода на Критъ подъ предводительствомъ Патриція и Логофета Гимерія императорскій флотъ состоялъ изъ 60 дромонъ, въ каждой по 230 человѣкъ гребцовъ, и по 70 воиновъ, всего 18 тысячъ человѣкъ; кромѣ того во флотѣ находилось 40 судовъ изъ Памфиліи, изъ коихъ въ 20 по 160 человѣкъ и въ 20 по 130 человѣкъ въ каждомъ, и тутъ же было 700 человѣкъ Руссовъ, а всего двадцать три тысячи и два человѣка. Далѣе онъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ походѣ Руссы получали жалованья больше нежели всѣ другія войска, не только провинціальныя но даже и Императорскія; ибо по его свидѣтельству собственно Императорское войско состоявшее изъ 12,502 человѣкъ получало жалованья 15 центенаріевъ 90 литръ и 10 нумизматовъ или солидовъ золотомъ, а 700 человѣкъ Руссовъ получали одинъ центенарій; т. е. въ собственно императорскомъ войскѣ приходилось на человѣка

---

[162] Полн. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 27.
[163] Пол. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 27.

по 9 золотыхъ нумизматовъ съ долями, Руссамъ же по 10 нумизматовъ съ долями на человѣка, тогда какъ провинціальныя войска въ этомъ же походѣ получали по 8 по 3 и по 2 нумизмата на человѣка. [164] Подъ 936 годомъ Константинъ опять упоминаетъ объ участія Руссовъ въ походѣ на Ломбардію, по его словамъ: «Флотъ бывшій подъ предводительствомъ Патриція Козмы состоялъ изъ 11 хеландій и изъ осми каравій, на которыхъ было 415 человѣкъ Руссовъ. [165] А въ Критскомъ походѣ бывшемъ въ 949 году въ Императорскомъ флотѣ находилось девять узій или карабій Руссовъ, на которыхъ щиталось 584 человѣка воиновъ; при чемъ на постройку только парусовъ для Рускихъ карабій было отпущено изъ казны 1154 золотыхъ нумизмата, ибо, какъ сказано, Руссамъ паруса были выданы съ изобиліемъ сверхъ опредѣленнаго числа. [166] Кромѣ походовъ Руссы по свидѣтельству Константина участвовали иногда и въ придворныхъ церемоніяхъ; такъ при описаніи встрѣчи Тарсійскихъ пословъ Константинъ упоминаетъ: что около рѣшетки Халкисъ или мѣдныхъ вратъ стояло собраніе войскъ разнаго оружія, погречески Πάχωμα, частію по дорогѣ къ нумѣрамъ, и частію къ сводамъ Миліа; тутъ были и Плоимы и Талмацы, которые немогли умѣститься по своимъ постамъ, а также крещеные Руссы держащіе въ рукахъ длинные щиты и сѣкиры съ фламуллами. [167] Сношенія Византійскихъ Императоровъ съ Рускими Князьями такъ были обычны, что въ Константиновомъ обрядникѣ даже отмѣчена форма, какъ писать грамоты отъ Императоровъ къ Рускому Князю; по словамъ Константина: къ Рускому Князю посылалась булла съ золотою печатью въ два солида съ слѣдующимъ титуломъ: «Грамота Константина и Романа христолюбивыхъ Императоровъ Римскихъ къ владѣтелю Руси.» [168] Эта форма грамоты и печать, кажется были одни изъ низшихъ по этикету Византійскаго двора, съ такими же печатьми и титулами Императоры посылали свои грамоты къ князьямъ Турецкимъ, Печенѣжскимъ, Хорватскимъ, Сербскимъ, Моравскимъ и другимъ; тогда какъ къ высшимъ владѣтелямъ (по Византійскому

---

[164] De ceremonjis liber. II. стр. 44 pag. 377—378.
[165] Ibid. pag. 381.
[166] Ibid. 384, и 386.
[167] Ibid cap. XVI. pag. 335.
[168] Ibid. cap. XLVIII. pag. 399.

разчету) Императоры посылали грамоты съ другими печатьми и титулами. Такъ напримѣръ къ Эмиру Египетскому грамота посылалась съ печатью въ 4 солида; и титулъ писался; «нашему возлюбленному другу и благороднѣйшему Эмиру Египта,» или къ Африканскому Эмиру: «къ славнѣйшему и благороднѣйшему изъ Мусульманскихъ владѣтелей,» или къ Булгарскому царю: «возлюбленнѣйшему въ духѣ нашему сыну, царю Булгаріи,» или къ Хазарскому Хану: съ печатью въ три солида.» Благороднѣйшему и знамѣнитѣйшему Хагану Хазарскому.»[169] Или къ Французскому королю: «Возлюбленному и дражайшему въ духѣ нашему брату, благороднѣйшему и знамѣнитѣйшему Государю Франціи.»[170]

Приведенныя здѣсь свидѣтельства Императора Константина Порфиророднаго для насъ весьма важны и особенно послѣднее, они не только ясно и прямо говорятъ о постоянныхъ сношеніяхъ Приднѣпровскихъ Руссовъ съ Византійцами, но и указываютъ какое значеніе имѣли Руссы и ихъ Князья при тогдашнемъ Византійскомъ дворѣ въ сравненіи съ другими народами и Государями того времени. Мы здѣсь съ одной стороны ясно видимъ, что въ X столѣтіи Руссы были лучшими моряками, ибо по всѣмъ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ мы ихъ не встрѣчаемъ ни въ пѣшей ни въ конной службѣ у Византійцевъ а только въ морской, за которую они получали жалованье дороже всѣхъ другихъ служившихъ въ Византійскомъ флотѣ; съ другой же стороны послѣднее Константиново свидѣтельство показываетъ, что Приднѣпровскіе Руссы и ихъ Князья въ первые сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ еще непочитались могущественными между современными владѣльцами и народами, и при Византійскомъ дворѣ имѣли одно значеніе съ Печенѣгами, Сербами, Хорватами и Турками, и щитались ниже Булгаръ, Хазаръ, Арабовъ и Франковъ.

Д. Членъ Общ. И. Д. Бѣляевъ.

...ЧЕСКАЯ
...БЛИОТЕКА

[169] Do ceremon. Lib. II, pag. 398.
[170] Ibid. pag. 399.